

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

УЧЁНЫЙ

научный журнал

Two Worlds
True and False
Democracy

After-Peace

important step, far-reaching
taken when man first
ings themselves and
er than in powers and
that persists amid
y of man's work

This desire of knowledge and the wonder which it
are the driving power behind all the changes that
with careless, question-begging inference, call pro
man was first asked, What
was about to dawn in the

Science is a subordinate category.
When science offers itself as the final stage of
it is guilty of a false quantity, in that it puts th
which belongs elsewhere, upon the penultima

Why Should we Change
our Form of Government

"An expert is one who knows more
and more about less and less."

"Optimism is essential to achievement and it is also the foundation of courage and true prog

"Necessity does the work of courage"

Nicholas Henry Butter

Those people who think only of themselves, are hopelessly uneducated. They are no
no matter how instructed they may be."

"One of the embarrassments of being a gentleman is that you are
not permitted to be violent in asserting your rights"

7

2015
Часть VI

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 7 (87) / 2015

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Матроскина Татьяна Викторовна, *кандидат экономических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

На обложке изображен Николас Мюррэй Батлер (1862–1947) — американский теоретик и практик педагогики, политик, публицист; лауреат Нобелевской премии мира 1931 года.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Бессонова С. И.

Роль общественных институтов в организации профилактической работы в контексте превенции экстремизма 539

Бидова Б. Б.

Экстремистское движение как тип девиантного поведения..... 542

Вишнякова Г. Ю.

Понятие и сущность судебной защиты в уголовном процессе..... 544

Галкин А. Ю.

Стороны договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ..... 547

Ганаева Е. Э.

О совершенствовании системы противодействия экстремистской и террористической деятельности в открытых телекоммуникационных сетях 550

Горина О. А.

Правосубъектность носителя конституционного права на образование в случае его реализации в негосударственном общеобразовательном учреждении 552

Горина О. А.

Реализация конституционного права на образование: понятие, формы, принципы, стадии 554

Жадан В. Н.

Некоторые подходы к определению признаков и понятия коррупционных преступлений..... 556

Клименко С. В.

Международно-правовые гарантии социального государства..... 561

Лёвкин Р. А.

Учет амортизационного износа транспортных средств в страховании 563

Магомадов Н. С.

Понятие и общая характеристика коррупционной преступности..... 565

Магомадов Н. С.

Средства борьбы с коррупцией в системе государственной службы 567

Моисеева Е. Ю.

Право на смерть. Перспективы легализации эвтаназии в Российской Федерации..... 569

Мокина М. Н.

Помилование как акт милосердия верховной власти 572

Нефедова В. В., Агаджанян Э. М.

Развитие коррупционной преступности: историко-правовой аспект 574

Павлов А. А.

Должностные лица публично-правовых образований как специальный субъект преступления 577

Погорелая Т. И.

Организация работы районных судов в Российской Федерации..... 578

Рубан А. А.

Правовое регулирование и реализация права на доменное имя в предпринимательской деятельности в России..... 583

Руденко В. Н.

Понятие социального государства 586

Сахаровский И. Ю.

Судебная реформа 1864 года 588

Севостьянова И. С.

Государственные гарантии государственных служащих Саратовской области..... 591

Середнев В. А.

Об искажении представлений о доказательствах как о механизме уничтожения правового требования допустимости доказательств..... 593

Смолова Е. С. Право народов на самоопределение 598	Тхакохов А. А., Бидова Б. Б. Проблемы правового воспитания современного студента 618
Тальянов А. В. Институт мировых судей (часть 1) 605	Чужинов И. А. Проблемы применения дисциплинарных взысканий по законодательству РФ 620
Тальянов А. В. Институт мировых судей (часть 2) 608	Шадрин В. В. К вопросу о целесообразности применения муниципальных фильтров на выборах высшего должностного лица субъекта РФ 625
Тальянов А. В. Институт мировых судей (часть 3) 610	
Тарасенко В. В. Уголовно-правовая презумпция в законодательной регламентации деликтоспособности 613	

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Роль общественных институтов в организации профилактической работы в контексте превенции экстремизма

Бессонова Светлана Ивановна, аспирант, старший преподаватель
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), филиал в г. Кисловодске

Последнее время термин «экстремизм» прочно вошел в обиход не только политиков, общественных деятелей и отраслевых специалистов в этой области, но и рядовых граждан. Современное состояние развития техники и технологий создает большие возможности для мгновенного распространения идей и учений, значительно упрощает поиск единомышленников и способствует объединению людей в различных частях мира. Как и многие другие технические достижения, новейшие средства массовой информации и средства коммуникации, основанные на технологии «Интернет», сами по себе не являются положительными или отрицательными — соответствующую окраску в русле рассматриваемой проблемы им придает цель использования. И неслучайно активисты радикальных движений, в том числе и экстремистского толка, используют для вовлечения новых членов в свои ряды максимально возможное количество информационных каналов, особо выделяя при этом интернет-среду.

Причина подобного явления, на наш взгляд, кроется в заинтересованности лидеров подобных движений в вербовке молодежи. Основной аудиторией интернет-сообщества в нашей стране являются молодые люди до 30 лет. В то же время в силу самых разнообразных причин, в том числе и отсутствия простого жизненного опыта у данной категории граждан, их вербовка является более легкой, чем людей старшего возраста. Не последнюю роль в этом процессе играет как низкая информированность молодых людей об экстремизме как таковом (редкий молодой человек сможет четко определить значение слова «экстремизм»), так и об организациях экстремистского толка.

В научной среде было издано достаточно научных работ, посвященных сущности феномена экстремизма, издано большое количество самых разных методических пособий, в том числе и авторами этой книги. Несмотря на некоторые различия в деталях, исследователи сходятся во мнении, что экстремизм — это комплексное социально-психологическое явление. Социальный аспект выражается в отрицании принятых в обществе социальных нормативов поведения, либо в пренебрежительном от-

ношении к таковым, а психологический аспект отражает склонность к крайним формам выражения своих морально-нравственных установок (путем открытой агрессии, навязывания, насилия и т.д.), которая в принципе в большей или меньшей степени присуща всем членам социума.

Борьба с экстремизмом усугубляется тем обстоятельством, что он не детерминируется одними социально-экономическими факторами. Безусловно, уровень финансового благополучия населения влияет на «экстремистскую активность» общества. Однако не менее важным представляется наличие соответствующих историко-культурных предпосылок, способствующих выбору крайних форм борьбы за собственные интересы.

Также серьезной методической проблемой на сегодня является проблема понятий. Дело в том, что вокруг популярной темы экстремизма, активно обсуждаемой в средствах массовой информации, существует большое количество терминов и определений (таких как «титульный этнос», «диаспора», «национальная политика» и др.), от значения которых существенно зависит понимание собственно «экстремизма». Тем более их четкая дефиниция важна при выработке национальных программ по борьбе с экстремизмом, издании нормативных актов и т.д. Средства массовой информации зачастую, неверно употребляя эти термины, вводят в заблуждение и без того смутно представляющее суть проблемы население, делая его легкой мишенью для экстремистской пропаганды.

Большую тревогу вызывает обозначившаяся тенденция проникновения экстремистских идей и установок в систему воспитания и образования. Если в средних общеобразовательных школах проводятся масштабные реформы по изменению учебного плана, увеличению его гибкости, поощрению инициативности учащихся, повышению уровня социальной ответственности школьников, то система преподавания в высшей школе осталась в основном неизменной. Неудивительно, что именно студенты высших учебных заведений составляют львиную долю рекрутов разнообразных экстремистских организаций.

На фоне описанных выше тенденций в России весьма слабо поставлена информационно-разъяснительная работа с молодежью по борьбе с экстремизмом. В этом плане стоит отметить позитивную роль наличия федерального списка запрещенных к изданию и распространению материалов экстремистского содержания. В то же время проблема наличия в свободном доступе подобных материалов еще не снята до конца, поскольку в сети Интернет периодически появляются продукты того или иного движения с соответствующими идеями либо издания, ориентирующие на экстремистскую модель поведения безотносительно к конкретной организации (например, достаточно широко известная «Русская кухня. Азбука домашнего террориста», изданная под псевдонимом Алексея и Авдея Блаженных).

Сегодня мы переживаем очередной всплеск экстремистской деятельности. Поскольку активизация молодежного экстремизма в силу своего деструктивного характера представляет серьезную опасность для общества, принципиально важно широкое изучение этого явления средствами гуманитарной науки, а также внедрение последних разработок в области профилактики экстремизма. Ведь молодежный экстремизм, как явление общественное, требует прежде всего общественного противодействия — требуется строгая убежденность члена социума в недопустимости крайних проявлений социального поведения.

Экстремизм как крайняя, не приемлемая для общества идея возникает и распространяется в условиях обострения социально-политической ситуации. Кризисы в любой форме являются благоприятной почвой для экстремистских идей, что в конечном итоге трансформируется в терроризм, иными путями экстремистам крайне тяжело реализовать свои идеи.

Противодействие политическому, национальному и религиозному экстремизму является одной из важнейших проблем на современном этапе не только в нашей стране, но и во всем мире. Агрессивно настроенные группировки выбирают, прежде всего, национализм или разного рода экстремизм, чтобы прорекламировать себя. Этим они удовлетворяют свои амбиции в политической борьбе за власть и влияние. Как правило, экстремизм имеет место в том обществе, в котором складывается экстраординарная ситуация: резкое падение социально-экономического уровня жизни населения, безработица, миграционные проблемы и связанные с этим резкая социально-политическая дифференциация и поляризация сил в обществе.

До 80х гг. XX в. явления политического, национального и религиозного экстремизма в нашей стране практически отсутствовали. Это объясняется тем, что в советском государстве идеологическая работа носила интернационалистический характер и была поставлена так, что не допускалось никакого инакомыслия, кроме социалистического и коммунистического. Декларировалось юридическое и практическое равенство всех наций и народностей и т.п. В тот период в жестко централизованном советском государстве межнациональные отношения не вызывали

тревогу. Однако развал Союза, начавшийся процесс перестройки, гласность и суверенизация национально-территориальных образований обнажили многие пороки коммунистического режима, его национальной политики и разбудили дремлющие межнациональные разногласия.

Экстремизм во всех его проявлениях выступает одной из основных проблем, дестабилизирующих устойчивое развитие любого современного общества, в том числе и российского. На практике экстремизм проявляется преимущественно в сфере политических, национальных, конфессиональных, общественных отношений. Как правило, выделяют три основные его формы: политическую, национальную и религиозную, которые переплетены между собой [1].

Россия — это исторически многонациональная, многокультурная держава. Отношения между народами здесь строились столетиями, и было очень важно, чтобы каждое поколение людей осознавало свою причастность к происходящим вокруг них событиям и величайшую ответственность за судьбу своих потомков. Мы должны задуматься, какое наследие оставляем грядущим поколениям. В составе России, вместе с русскими, многие народы обрели свое национально-культурное самоутверждение и даже государственное самоопределение. Конечно, в деле политического объединения России определяющую роль сыграл русский народ. Этот факт никто под сомнение не ставит. Но это не дает повода говорить о второстепенности роли многих других исторически российских народов. Это не способствует сохранению целостности России. Настоящие патриоты России не делили себя по национальному признаку, а оценивали по преданности российскому обществу, Российскому государству. Настоящие патриоты веками собирали Россию из народов и территорий, а национал-шовинисты и национал-сепаратисты требуют «ропуска республик», «разгона наций», подчеркивая второсортность одних и второстепенность других в Российском государстве. Но такие подходы, осознают это их авторы или нет, ведут к развалу России.

Национальность человека — это элемент культуры, истории, языка, традиций, нравов, самобытности, миропонимания и психологии. Прежде всего мы — люди, а потом уже представители той или иной национальности, культуры и языка.

В целях противодействия национальному и политическому экстремизму, сохранения межнационального мира и общественного согласия, предотвращения межнациональных конфликтов в Российской Федерации следует:

— во-первых, через комплексное воздействие на социально-экономические и политико-правовые условия жизнедеятельности конкретных этнических сообществ прививать принципы национальной терпимости, компромисса, признания права других на иное мнение, на иную культуру, на иные нравственные ценности;

— во-вторых, предотвращать социальные и политические конфликты, выявляя их причины, условия, формы проявления;

— в-третьих, предвидя возможное возбуждение национального фактора, следует существенно усилить просветительскую и информационно-пропагандистскую работу в сфере национальных отношений [2].

Если говорить о Ставропольском крае, то важно отметить, что это издревле земля разных культур. И исторически сложилось, что наиболее многочисленными на территории Ставропольском крае народами являются русские, карачаевцы, абазинцы, черкесы, ногайцы и другие коренные народы Кавказа.

Конечно же, говорить о том, что сегодня в регионе есть открытые очаги этнических конфликтов, порожденных идеями экстремизма, как минимум необоснованно, и это суждение не будет справедливым.

Проблема в том, что основной костяк экстремистов (в регионе в частности и в России в целом) составляют молодые люди, молодежь, студенчество. Вот это поистине опасно! Именно молодому поколению строить будущее нашего общества и государства, молодежь и есть тот базис, та основа, от которой зависит и экономический рост, и развитие России, и укрепление России на политической арене, и, конечно же, улучшение социально-экономических показателей проживания в России. И если сегодня, удовлетворившись низкими показателями экстремизма в Ставропольском крае, пустить все на самотек, не обращая внимания на то, чем занимается молодежь, какие у нее проблемы сегодня, что ее беспокоит, что она хочет получить от общества и российского государства, — вот именно с этого момента будет положено начало очень и очень трудно обратимому процессу, который моментально, а главное — успешно, взрастит экстремизм и у нас в области.

Именно в данном ракурсе роль институтов гражданского общества как никогда велика. Именно общественным институтам здесь необходимо придать приоритетное значение. Несмотря на всю эффективность работы правоохранительных органов, на их успехи в антиэкстремистской и антитеррористической деятельности, именно общественные институты лучше и конструктивнее смогут построить диалог с молодежью, которую необходимо увести от экстремизма.

Президент В.В. Путин подписал Указ об утверждении Стратегии национальной государственной политики России на период до 2025 года. Основными вопросами национальной политики являются четыре позиции:

— сохранение и развитие культур и языков народов России, укрепление их духовной общности;

— обеспечение прав коренных малочисленных народов и нацменьшинств;

— создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе;

— поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с нашей страной.

Приоритетными направлениями являются совершенствование государственного управления и развитие международного сотрудничества в сфере национальной политики, создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов. Необходимо также развивать систему гражданско-патриотического воспитания, совершенствовать взаимодействие властей с институтами гражданского общества и др.

Участие институтов гражданского общества в противодействии экстремизму и терроризму может быть организовано по двум направлениям:

— формирование площадок для диалога и реальных переговоров;

— контроль за правовой составляющей деятельности правоохранительных органов [3].

Можно с полной ответственностью заявить, что в Ставропольском крае подобного рода участие полностью обеспечивается. Постоянно происходит работа различных дискуссионных площадок и круглых столов. Один из последних — круглый стол по теме «Гражданские инициативы в вопросе предупреждения молодежного экстремизма и правового нигилизма», который состоялся в РГЭУ «РИНХ» филиал в г. Кисловодске.

К дискуссии были приглашены представители органов исполнительной и законодательной власти в г. Кисловодске, представители правоохранительных органов, учреждений образования, региональных общественных организаций, средств массовой информации.

Участники встречи отметили, что значительного усиления требует работа с подрастающим поколением, поскольку в последние годы наблюдается повышение роли интернет-среды как источника информации. По мнению собравшихся, институты гражданского общества должны активнее привлекать молодежь к реализации общественно значимых проектов.

В ходе дискуссии присутствующие обсудили вопросы модернизации системы правового воспитания школьников, противодействия экстремизму в молодежной среде, открытия в регионе юридических клиник, а также совершенствования системы семейного и гражданско-патриотического воспитания.

Участниками круглого стола был предложен ряд рекомендаций по предупреждению молодежного экстремизма и правового нигилизма. В частности, подчеркивалась необходимость усиления информационной работы по пропаганде патриотизма и семейных ценностей в средствах массовой информации, взаимодействия региональных правоохранительных структур с органами образования, содействия распространению лучших практик в области повышения правовой культуры и профилактики национального экстремизма под руководством специалистов вузов и др. [4].

Стоит отметить, что действительно важное место необходимо отвести правовому просвещению молодежи. Экстремизм как таковой легко порождается правовым инфантилизмом и нигилизмом. Правовой инфанти-

лизм — низкий уровень правового сознания, чувства ответственности относительно поведения в рамках права, несформированность, недостаточность правовых знаний и установок, но высокий уровень желаний получить результат (без осознанности последствий, с вероятной осознанностью отрицательного поведения). Правовой нигилизм (от лат. nihil — ничто, ничего) — отрицание права как социального института, системы правил поведения, которая может успешно регулировать взаимоотношения людей. Такой юридический нигилизм заключается в отрицании законов, что может приводить к противоправным действиям и, в целом, тормозит развитие правовой системы [5]. Сегодня у нас в городе ведется активная работа по борьбе с этими явлениями. В частности, филиалом совместно с управлением образования города Кисловодска реализуется проект «Школа права», это всероссийский проект Ассоциации юристов России. В его рамках старшеклассникам читается курс лекций, затрагивающий различные отрасли российского права. Данный курс даст школьникам необходимый объем правовых знаний, которым они смогут руководствоваться в реальной жизни.

Литература:

1. Кагерманов, А. С. С., Бидова Б. Б. Идеологические направления российского экстремизма конца XIX — начала XX вв // Научно-информационный журнал армия и общество. 2014. № 2 (39). с. 45—48.
2. Бидова, Б. Б. Проблемы легальной дифференциации завещательных распоряжений // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2012. № 5. с. 72—75.
3. Бидова, Б. Б. Некоторые аспекты обеспечения национальной безопасности на региональном уровне // Молодой ученый. 2014. № 19. с. 410—412.
4. Бидова, Б. Б. Исламский радикализм: анализ подходов и угроз // Молодой ученый. 2014. № 9 (68). с. 353—355.
5. Бидова, Б. Б. Уголовно-правовые грани преподавательской деятельности // Молодой ученый. 2014. № 20. с. 457—459.
6. Информационно-аналитический доклад «Роль и место гражданского общества в противодействии экстремизму и терроризму». Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. — URL: http://www.president-sovet.ru/structure/group_corruption/materials/

Экстремистское движение как тип девиантного поведения

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), филиал в г. Кисловодске

На пороге XXI в. понятие «экстремизм» плотно вошло в обиход политиков, средств массовой информации, обычных граждан. Экстремизм, «развиваясь» в виртуальном интернет-пространстве «выстреливает» реальными поступками в нашей жизни, и вовлеченными в это действие становятся несовершеннолетние, подростки, молодежь, которые даже не до конца осознают смысл экстремистских лозунгов.

Проблема экстремистского поведения молодежи становится все более актуальной. Элементы экстремистского поведения формируются на фоне деформации со-

Таким образом, необходимо разговаривать, обсуждать, строить конструктивный диалог в нашем обществе, когда речь идет об экстремизме. И круглые столы, подобные тому, что был в сентябре, о котором было упомянуто, не единственны в своем роде. Сегодня в регионе ведется очень активная работа по противодействию экстремизму. И последним ее проявлением является молодежный форум студентов и школьников «Экстремизму — отпор!», проведенный в РГЭУ «РИНХ» филиал в г. Кисловодске. Данное мероприятие явилось воплощением комплексной дискуссионной площадки, на которой обсуждались наиболее актуальные и важные проблемы, связанные с экстремизмом в России. Участниками форума стали студенты, молодые ученые и школьники региона КМВ.

Данный форум стал истинным проявлением работы и взаимодействия разных общественных структур и населения, представителей молодежи и студенчества России и лиц, чья профессиональная деятельность — борьба с экстремизмом. Это и есть яркий пример участия гражданского общества в борьбе с разными видами экстремизма.

циальной и культурной жизни общества. В перечень основных причин роста экстремистского поведения молодежи исследователи склонны включать следующие: социальное неравенство, желание самоутвердиться в мире взрослых, недостаточную социальную зрелость, а также недостаточный профессиональный и жизненный опыт, а следовательно, и сравнительно невысокий (неопределенный, маргинальный) социальный статус.

Анализ проблемы показывает, что экстремизм в России «молодеет», наиболее часто совершают преступления молодые люди в возрасте 15—25 лет.

Статистика зарегистрированных и раскрытых преступлений экстремистской направленности показывает, что количество данных преступлений держится на одном уровне с уверенной тенденцией роста. В 2013 г. было зарегистрировано 656 преступлений экстремистской направленности, раскрыто — 632, в 2011 г. зарегистрировано 622, раскрыто 503, за январь—октябрь 2014 г. зарегистрировано 607, раскрыто — 505 [1].

По данным МВД России, на учете органов внутренних дел состоит 302 неформальных молодежных объединения, 50 из которых представляют наибольшую общественную опасность.

В последние годы отмечается активизация ряда экстремистских движений, которые вовлекают в свою деятельность молодых людей. По экспертным оценкам, в среднем 80% участников организаций экстремистского характера составляют лица, возраст которых не превышает 30 лет.

Экстремистское движение как тип девиации представляет собой сложный социально-политический феномен, имеющий тенденцию к саморазвитию. Появление его обусловлено наличием целого ряда социально-политических и духовно-культурных факторов, тесно взаимодействующих между собой. В то же время отсутствие одного или нескольких из этих факторов значительно препятствует распространению экстремистских настроений и резко снижает воздействие экстремистской идеологии на этно-национальный менталитет и социокультурную деятельность [1].

К таким факторам ученые относят следующие:

- кризис социально-политической и экономической систем;
- социокультурный дефицит, симплификацию и опощление массовой культуры;
- распространение социальных проявлений «ухода от жизни»;
- отсутствие альтернативных форм проведения досуга;
- кризис школьного и семейного воспитания.

Большую роль также играют личностные факторы:

- деформация системы ценностей;
- неполноценная коммуникационная сфера;
- преобладание досуговых ориентаций над социально полезными установками;
- неадекватное восприятие педагогических воздействий; — отсутствие жизненных планов, «целей бытия» [2].

Необходимо более глубоко проанализировать природу и сущность девиантного поведения молодежи, которое традиционно в социологии отождествляется именно с негативными формами девиации и даже с чисто криминальными актами. Девиантное поведение — один из сложнейших аспектов жизни современного общества.

Понятие «девиантность» пришло из технической науки, где при изучении движения объекта выявляется и его отклонение от заданного направления, вызываемое внешними обстоятельствами, случайными причинами.

В социологии девиантность в самой общей форме принимается как отклонение от общепринятых норм поведения. Понятие «девиация» как неологизм появилось в социальной мысли XX столетия в начале 1960-х гг. для объяснения сущности неконвенционального поведения и социальных проблем, выходящих за рамки системы криминального права. Девиация включает преступность, но также это понятие применяется для обозначения наказуемых нарушений социальных правил, норм, установок.

Следует различать два вида девиантного поведения: созидательной и разрушительной направленности. Основным критерием определения характера девиантного поведения является не форма его реализации, в частности наличие атрибута насилия, а уровень справедливости перераспределения источников пополнения жизненной энергии. Агрессивный вид девиации как в прямой, так и в смещенной форме нацелен на преодоление фрустрации путем неадекватного в сложившейся ситуации перераспределения социальных благ, достижения цели без учета интересов окружающих людей, несправедливое решение проблемы в пользу одной из взаимодействующих сторон за счет ухудшения адаптационных условий другой. Агрессивный характер поведения обуславливается не только воспитанием, но и характером поведения взаимодействующей стороны. Смещенный вид агрессии свидетельствует о недостаточном для преодоления фрустрации энергетическом потенциале человека [3].

Существует множество причин роста девиации среди несовершеннолетних, к таким следует отнести: бесконтрольность продажи спиртных напитков, и даже детям, алкоголизм и насилие в семьях, коммерциализацию центров досуга, что толкает молодежь на совершение корыстных преступлений с целью заполучить деньги. Актуальной остается проблема занятости. Каждое третье преступление совершается нигде не работающими и не учащимися подростками. Оставшись вне стен учебного заведения и вне трудового коллектива, несовершеннолетние быстро находят «место работы» в криминальных структурах, чаще в сфере экстремизма.

По справедливому замечанию А.В. Кузьмина, повышенное внимание к детям и подросткам в контексте профилактики экстремизма необходимо в силу двух причин: во-первых, агрессивное поведение с чертами расовой, этнической и религиозной неприязни возникает на ранних стадиях индивидуального развития, и если остается без должного внимания, то может закрепиться или обостриться по мере взросления индивида. Следовательно, чем скорее начнется работа с моделями агрессивного поведения, тем больше шансов избежать агрессивного поведения во взрослой жизни. Во-вторых, серьезные формы насилия, распространенные среди подростков, причиняют вред большому количеству людей [4].

Сегодня в нынешних реалиях, в которых российской молодежи приходится существовать, необходимо реализовать целый комплекс задач, которые возникают перед нашим обществом и государством в рамках реализации

молодежной политики России. И уже здесь, на этом этапе, возникают проблемы, которые заключаются в том, что молодежная политика в современной России не отличается детальной проработкой и эффективностью. И как результат — мы имеем то, о чем говорилось выше.

Проблемы, с которыми сталкивается молодежь, связаны с положением молодежи в социальной структуре, характеризуемым прежде всего переходностью и нестабильностью. Социальные процессы, происходящие в современности, только усугубляют эти проблемы.

Уже упоминалось о социально-экономическом положении молодых людей, неудовлетворение которым и подталкивает их к экстремистским идеям и поступкам. Да, действительно, экономические факторы больше всего влияют на положение молодежи. В своей массе она недостаточно обеспечена материально, не имеет собственного жилья, вынуждена полагаться на финансовую помощь родителей. Желание получить образование отодвигает начало трудовой деятельности на более зрелый возраст, а отсутствие опыта и знаний препятствует получению высокооплачиваемых должностей. Зарботная плата молодежи гораздо ниже средней заработной платы, чрезвычайно мала и студенческая стипендия.

Но духовные факторы не менее важны. В современности усиливается процесс потери нравственных ориентиров, размывания традиционных норм и ценностей. Молодежь как переходная и нестабильная социальная группа наиболее уязвима перед негативными тенденциями современности. Так, постепенно нивелируются ценности труда, свободы, демократии, межнациональной терпимости, а на смену этим «устаревшим» ценностям приходят потребительское отношение к миру, нетерпимость к чужому, стадность. Характерный для молодежи протестный заряд в кризисные периоды искажается, приобретая жестокие и агрессивные формы. При этом происходит лавинообразная криминализация молодежи, растет численность молодых людей с социальными отклонениями, такими как алкоголизм, наркомания, проституция, не говоря уже об основной теме нашего исследования — экстремизме [5]. Более того, важно помнить, что вопрос о связи государственной молодежной политики и национальной безопасности поставлен самой жизнью. Ставка на молодежь — давний инструмент поддержания как национального духа, так и внешней экспансии, как диалога культур, так и подрыва ценностных систем. И в современной России этот вопрос звучит, что называется, во весь голос [6, 7].

Литература:

1. По данным статистики преступности МВД РФ. Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. — URL: <http://www.mvd.ru>
2. Ганаева, Е. Э. Правовое воспитание подростков как средство коррекции девиантного поведения [Текст] / Е. Э. Ганаева // Молодой ученый. — 2014. — № 20. — с. 467–469.
3. Кузьмин, А. В. Административно-правовое противодействие экстремизму в молодежной среде / А. В. Кузьмин // Административное и муниципальное право. — 2011. — № 6. — с. 38–44.
4. Ганаева, Е. Э. Проблема экстремизма и ее влияние на национальные интересы России [Текст] / Е. Э. Ганаева // Молодой ученый. — 2013. — № 5. — с. 509–510.
5. Кочергин, Р. О. Некоторые криминологические аспекты противодействия молодежному экстремизму в России / Р. О. Кочергин // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. — 2008. — № 1. — с. 63–67.
6. Ганаева, Е. Э. Молодежный экстремизм как тип девиации [Текст] / Е. Э. Ганаева // Молодой ученый. — 2012. — № 12. — с. 361–363.
7. Луков, В. А. Государственная молодежная политика: проблема социального проектирования будущего России / В. А. Луков // Информационный гуманитарный портал. — URL: <http://www.zpujournal.ru/gumtech/projection/articles/2007/Lukov/>

Понятие и сущность судебной защиты в уголовном процессе

Вишнякова Галина Юрьевна, магистрант
Российский государственный университет правосудия

Реализуя свое исключительное назначение по решению правового конфликта, суд при рассмотрении и разрешении по существу определенного уголовного либо гражданского дела восстанавливает нарушенные права одной из сторон конфликта и защищает от вероятного необо-

снованного нарушения либо ограничения блага противоположной стороны. Будучи беспристрастным и объективным арбитром, суд предназначен обеспечивать исполнение прав на судебную защиту, которые гарантированы государством, всем гражданам независимо от

того, какую именно роль они играют в конкретном правовом конфликте. Олицетворением защиты охраняемых законом прав является решение либо приговор суда. Будучи наиважнейшим актом судебной власти, судебный приговор или судебное решение означает признание факта нарушения прав пострадавшей стороны и их восстановление либо установление отсутствия этого нарушения, оберегание второй стороны от незаконного ущемления ее прав.

Итак, судебная власть призвана восстанавливать нарушенные права, обеспечивать возмещение причиненного вреда, ограждать права и свободы от незаконного и необоснованного нарушения или ограничения этих прав.

Заметим, что в правовом государстве, каким провозглашена Россия действующей Конституцией, особую роль отвели судебной защите прав и свобод граждан. Однако, закрепление в Конституции перечня прав и свобод граждан недостаточно, государство должно гарантировать их реализацию экономическими, культурными, политическими и правовыми средствами. Именно судебная защита являет собой тот механизм, который заставляет государство в лице его органов и должностных лиц исполнять все принятые им на себя обязанности.

Так как статьей 18 Конституции России верховенствующая роль по защите прав и свобод человека и гражданина возложена на правосудие, то защищенность личности напрямую будет зависеть от уровня законности и демократичности норм, которые регулируют осуществление правосудия и степень их закрепления в правоприменительной практике. Однако, непосредственное действие прав и свобод граждан, которые закреплены в Конституции России, не снимает вопросов о совершенствовании механизма и процедур, которые призваны защищать права и свободы граждан. Возложение на государство обязанности признавать, соблюдать и защищать права и свободы граждан означает заботу о создании прогрессивной системы гарантий, посредством которых исполняется данная задача. В настоящее время перед юридической наукой возникла потребность переосмыслить многие действующие нормы и правила, определить границы возможного и необходимость ограничить права и свободы граждан, цели и пределы применения принуждения.

Сейчас судебная защита стала наиважнейшей гарантией прав и свобод всех граждан. Правом на судебную защиту обеспечивается реализация прав и свобод граждан, которые стали потерпевшими от преступлений и злоупотребления властью, которым государством обеспечен доступ к правосудию и компенсации причиненного ущерба (ст. 52 Конституции России), возмещению вреда, который причинен незаконными действиями либо бездействием органов государственной власти либо их должностных лиц (ст. 53 Конституции России). В процессе осуществления судебной защиты исполняется право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48), на обжалование незаконных действий

и решений государственных органов или должностных лиц (ч.2 ст. 46).

В связи с тем, что суд является носителем государственной власти в области уголовного, гражданского и другого судебного производства, судебную защиту необходимо рассматривать именно как синоним государственной защиты прав и свобод граждан. Наряду с этим в судебную или государственную защиту включаются защита прав граждан, нарушенных вне судебного производства (преступлениями, правовыми нарушениями, незаконными действиями органов власти и управления) и защиту прав и свобод, которые нарушены внутри процесса (процедуры рассмотрения дела), учитывая и допускаемые органами следствия, дознания, хоть на них и лежит обязанность охранять и защищать права и свободы человека и гражданина. Судебная защита прав и свобод граждан опосредуется осуществлением судом процессуальной деятельности по восстановлению нарушенных преступлением либо другим правонарушением прав и свобод человека и гражданина и предупреждению данных правонарушений.

Заметим, что государственная защита прав и свобод граждан может проявляться и в других, внесудебных, формах реализации. Но в отличие от всех других органов государственной власти, учитывая и правоохранительные, исключительно только суд имеет свою наиглавнейшую задачу — охрану прав и свобод граждан. Как отмечает Б. Топорнин, «такая функция суда в условиях правового государства будет обоснованно и логично доминировать во всей его деятельности» [2]. Особая роль судебной защиты перед другими механизмами подтверждается рядом неоспоримых аргументов. Исключительно только судебная защита имеет только ей присущую совокупность особенностей, которые позволяют ее считать универсальным, а потому самым эффективным способом защиты и восстановления нарушенных прав и свобод граждан. Аргументировать данное утверждение можно следующими положениями.

1) Судебная защита распространена на неограниченный круг лиц. Конституция России применительно к субъектам, права и свободы которых обеспечены судебной защитой, применяет термин «каждый», что подчеркивает неперсонифицированность судебной защиты, отсутствие каких-нибудь формализованных ограничений на использование данного способа защиты субъективных прав и законных интересов. Из этого следует, что право на судебную защиту гарантировано не только гражданам России, но и иностранным гражданам и лицам, не имеющим гражданства. Указание Конституцией России на защиту прав граждан отражает желание восстановить все не зависящие от принадлежности к государству, являющиеся естественными и принадлежащими человеку от рождения общечеловеческие ценности. Государственная защита всех этих прав и свобод и состоит в невмешательстве государства в их непосредственную и свободную реализацию и ограждении от другого по-

стороннего вмешательства. Независимость частной жизни граждан от любого незаконного вмешательства, создавая при этом условия для саморазвития и реализации личности, стала нравственной основой большинства уголовно-правовых и других запретов и предметом судебной защиты.

2) Судебная защита распространена на все без исключения права и свободы, которые принадлежат индивиду, как в силу непосредственного прямого указания Конституции России и других законов, так и не имеющие правового закрепления, но не противоречащие законодательству. Но не смотря на то, что четкое отграничение между правами и свободами провести сложно, в научной литературе справедливо отметили, что термин «свобода» востребован подчеркнуть наиболее широкие возможности индивидуального выбора, не ограничивая определенно его результата (свобода совести, свобода вероисповедания, свобода мысли и другие), тогда как термин «право» определил конкретные действия человека (к примеру, право на участие в управлении делами государства, получение квалифицированной юридической помощи). Тождественность юридической природы прав и свобод обусловила и единство системы их гарантий, по этой причине и те и другие в одинаковой мере обеспечиваются правосудием. Предмет судебной защиты — материальные и процессуальные права. Будучи способом по обеспечению правового статуса личности, процессуальные права сами включаются в правовой статус и нуждаются в защите при их нарушении либо ущемлении. В связи с тем, что такие нарушения довольно распространены, восстановление процессуальных прав (к примеру, права на подачу иска при пропуске срока исковой давности) занимает наиважнейшее место в судебной защите. Необходимо признать, что защите подлежат и права граждан, которые сопровождают исполнение возлагаемых на них государством обязанностей и конкретных мер ответственности. Такими являются право на разумность и пропорциональность применяемой за правовое нарушение ответственности, достойные граждан условия по отбыванию наказания и т.д.

3) Судебная защита имеет гарантию высокой эффективности в форме обязательности исполнения судебных

актов, имеющих силу закона, в том числе наличие правовых механизмов для его принудительного исполнения.

4) Судебная защита в некоторых случаях является одной единственной возможностью восстановить права или удовлетворить законный интерес, к примеру, установить юридический факт, ограничить дееспособность, реабилитировать незаконно осужденного и т.д.

5) Судебная защита имеет высокий уровень надежности, так как реализуется в специальных процедурных формах, которые гарантируют справедливое рассмотрение и решение любого дела.

6) Судебная защита доступна всем и позволяет каждому проявить максимум активности, а, следовательно, сочетать государственную защиту с своей собственной инициативой по защите своих прав и свобод, которые гарантированы частью 2 статьи 45 Конституции России.

Все вышесказанное позволяет считать судебную защиту самым эффективным средством защиты именно государственной. Обеспечение прав граждан с помощью разных форм реализации правосудия приобретает все наибольшее распространение на практике. Объявив право граждан на судебную защиту, Конституция России предоставила всем и каждому возможность добиться восстановления справедливости, не зависимо от того, в какой именно сфере общественных отношений произошло нарушение их прав и свобод. Ориентирование деятельности суда на защиту прав и свобод граждан требует кардинального реформирования общественного сознания граждан, ломки стереотипов, которые присущи не только большинству граждан, но и большой части судейского корпуса. Необходимо признать, что Россия еще не стала абсолютно правовым государством, а права и свободы человека и гражданина — наивысшей ценностью. Статьи 1 и 2 Конституции России выражают вернее цель развития, идеал, чем реальное состояние дел. Создание правового государства и истинное признание прав и свобод граждан требует преодоления большого числа негативных направлений и традиций. Один из главных этапов данного процесса является создание новой концепции уголовного судебного производства, в основе которой станут закрепленные Конституцией России идеи защиты прав и свобод граждан и независимой судебной власти, которая направлена на защиту данных прав и свобод.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с поправками от 30 декабря 2008 г.) (в ред. от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237.
2. Топорнин, Б. Суд и разделение властей // Вестник Верховного Суда СССР. — 1991. — № 6. — С.26.

Стороны договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ

Галкин Алексей Юрьевич, старший преподаватель
Ростовский институт защиты предпринимателя

Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (далее — договоры на выполнение НИОК и ТР) являются одним из основных «инструментов» по оформлению договорных правоотношений на выполнение таких работ [1, с. 8]. Поэтому роль данных договоров трудно переоценить [2, с. 13].

Настоящая статья посвящена сторонам договоров на выполнение НИОК и ТР.

Понятия данных договоров, на основании анализа ст. 769 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (далее — ГК РФ) [3], можно изобразить следующими схемами:

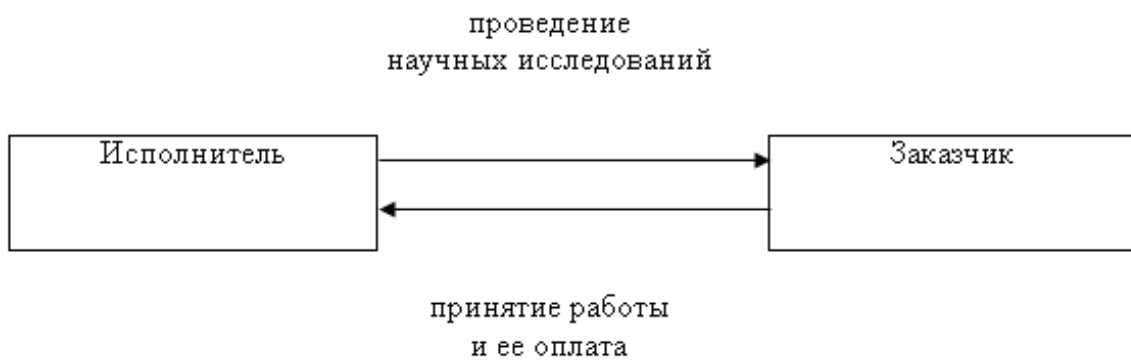

Рис. 1. Договор на выполнение НИР

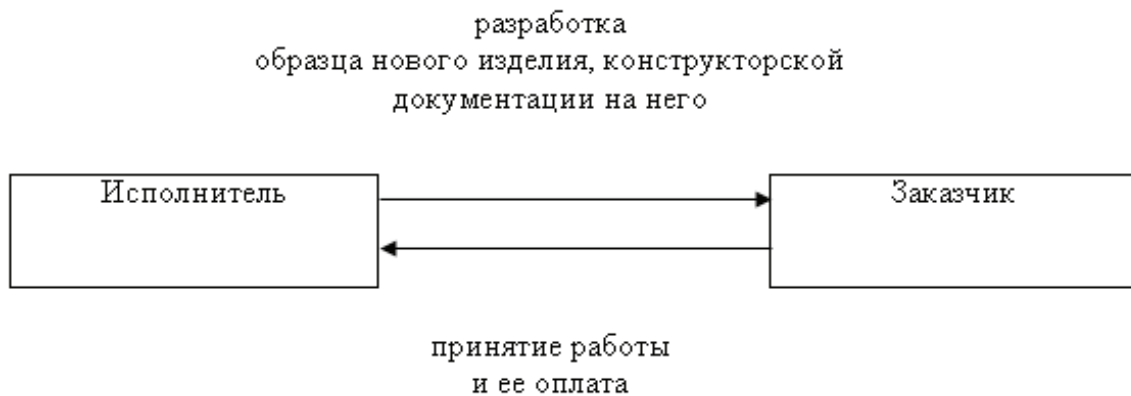

Рис. 2. Договор на выполнение ОКР

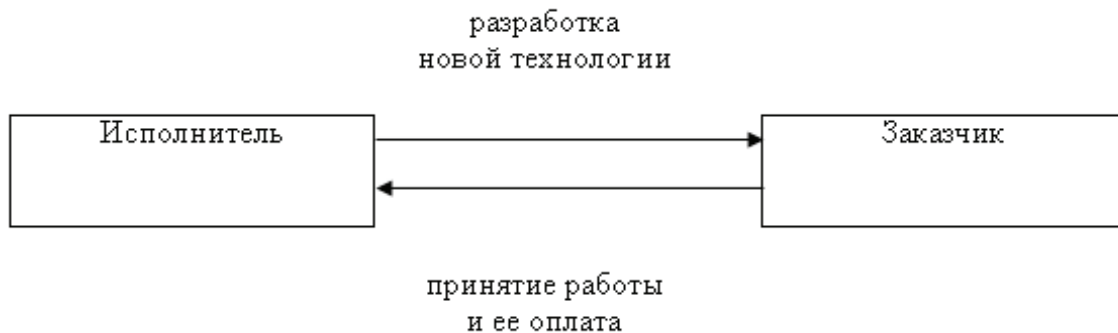

Рис. 3. Договор на выполнение ТР

Рис. 4. Стороны договоров на выполнение НИОК и ТР

Согласно ст. 769 ГК РФ, сторонами договоров на выполнение НИОК и ТР являются исполнитель и заказчик.

Исполнителем является лицо, выполняющее НИОК и ТР по рассматриваемым договорам.

Заказчиком выступает лицо, заказывающее выполнение НИОК и ТР по данным договорам.

Нормы гл. 38 ГК РФ, регулирующие договорные правоотношения на выполнение НИОК и ТР, не предусматривают какие-либо ограничения в отношении того, какие субъекты могут выступать в качестве исполнителя и заказчика. Исходя из этого, исполнителем и заказчиком в договорах на выполнение НИОК и ТР могут выступать физические и юридические лица.

Вместе с тем, для осуществления отдельных видов деятельности, установленных законодательством, лицо может заниматься только на основании специального разрешения (лицензии). Так, например, согласно ст. 10 Федерального закона от 09.01.1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» [4] научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в области обращения с источниками ионизирующего излучения, осуществляются только на основании специальных разрешений (лицензий), выданных органами, уполномоченными на ведение лицензирования.

В основном исполнителями по договорам на выполнение НИОК и ТР выступают научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические организации (например: научно-исследовательские институты, опытно-конструкторские бюро), образовательные организации, научные центры и т.д. [5, с. 29].

Согласно ст. 5 Федерального закона от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [6] научная организация — это юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, общественное объединение научных работников, осуществляющие в качестве основной деятельности научную и (или) научно-техническую деятельность.

В соответствии со ст. 23 Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [7] образовательная организация высшего образования — это образовательная организация, осуществляющая в качестве основной цели ее де-

ятельности образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования и научную деятельность.

Заказчиками по договорам на выполнение НИОК и ТР могут выступать физические и юридические лица, а также государственные органы, действующие от имени РФ или субъектов РФ, и муниципальные органы, действующие от имени муниципальных образований [8].

Сведения о сторонах договоров на выполнение НИОК и ТР, как и других договоров, указываются в преамбуле договора (в начале договора) и разделе договора, посвященному юридическим адресам сторон, их реквизитам и подписям сторон (последний раздел договора).

В преамбуле договоров указывается:

- наименование договора;
- регистрационный номер договора;
- место заключения договора;
- дата заключения договора;
- полное наименование сторон договора;
- должность и ФИО уполномоченных представителей сторон, подписывающих договор;
- документы, на основании которых действуют представители сторон, подписывающие договор.

Если стороной договора выступает физическое лицо, в договоре указываются его паспортные данные.

На практике встречаются случаи, когда в преамбуле договоров указывают также номер и дату свидетельства о внесении записи в ЕГРЮЛ в отношении сторон договора, являющихся юридическими лицами, а также наименование регистрирующего органа.

Если исполнитель осуществляет работы по договору на основании специального разрешения (лицензии) в преамбуле договора указывается сведения о лицензии на осуществление таких работ (номер и дата регистрации, вид работ, осуществляемый в соответствии с лицензией, наименование, адрес места нахождения выдавшего ее лицензирующего органа).

В преамбуле государственного или муниципального контракта указывается, что контракт заключается, соответственно от имени РФ, субъекта РФ или муниципального образования, а также указывается на основания его заключения (например: наименование конкурса, дата, номер протокола конкурса и др.).

Практика показывает, что в ряде случаев стороны не указывают наименование договора, употребляя при этом только слово — «Договор».

В других случаях, стороны указывают, например: «Договор на выполнение научно-исследовательских работ».

В-третьих, например:

«Договор на выполнение _____».

Вместе с тем, наименование договора позволяет отграничить его от других аналогичных договоров. Исходя из этого, представляется оформлять договоры с соответствующим наименованием.

В качестве места заключения договора указывается город, в котором заключается договор. В преамбуле договора указывается дата его заключения.

Как было отмечено, в преамбуле договора указывается полное наименование сторон (исполнителя и заказчика), в соответствии с их учредительными документами (устав), а также должности и ФИО (полностью) уполномоченных представителей сторон, подписывающих договор.

В преамбуле договора указывается наименование, дата и номер документов, на основании которых действуют представители сторон, подписывающие договор.

Таковыми документами, для юридических лиц, могут быть, например, устав и приказ или иной документ о назначении руководителя организации, устав и приказ об исполнении обязанностей руководителя организации, доверенность на право подписания договора.

В разделе договора, посвященном юридическим адресам сторон, их реквизитам и подписям сторон указываются соответственно юридические адреса и реквизиты сторон, указываются должности уполномоченных лиц исполнителя и заказчика, подписывающих договор, ставятся подписи и расшифровка подписей (фамилия и инициалы), ставятся печати сторон договора. Как уже отмечалось выше, если стороной договора выступает физическое лицо, в договоре указываются его паспортные данные.

Подводя итог, можно прийти к следующим выводам.

Сторонами договоров на выполнение НИОК и ТР могут выступать физические и юридические лица.

Если для выполнения определенных работ по договору, в соответствии с законодательством требуется специальное разрешение (лицензия), исполнителем по такому договору может выступать лицо, обладающее такой лицензией.

Заказчиками по государственным или муниципальным контрактам на выполнение НИОК и ТР могут выступать государственные органы, действующие от имени РФ или субъектов РФ, и муниципальные органы, действующие от имени муниципальных образований.

Сведения о сторонах договоров на выполнение НИОК и ТР указываются в преамбуле договора и в разделе договора, посвященном юридическим адресам сторон, их реквизитам и подписям сторон.

Литература:

1. Галкин, А. Ю. Элементы договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 10 (53). с. 8–9.
2. Галкин, А. Ю. Права и обязанности сторон по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 11 (54). с. 13–15.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Федеральный закон от 09.01.1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» // СЗ РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 141.
5. Галкин, А. Ю. Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Юрист-Правоведь. 2011. № 5 (48). с. 28–32.
6. Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 26.08.1996. № 35. Ст. 4137.
7. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
8. Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 08.04.2013. № 14. Ст. 1652.

О совершенствовании системы противодействия экстремистской и террористической деятельности в открытых телекоммуникационных сетях

Ганаева Есита Эминовна, кандидат юридических наук, зав. кафедрой
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В настоящее время современные телекоммуникационные технологии активно используются иностранными спецслужбами, международными экстремистскими и террористическими организациями, группировками радикального толка для ведения так называемых сетевых или информационных войн, оказания информационно-психологического воздействия (ИПВ) на население России в целях расширения сети своих сторонников и масштабов деятельности.

Основные методы сетевого противоборства (Information Warfare) разработаны во второй половине XX в. в США и определяются как «совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны». Расширительную трактовку это понятие получило в 1996 г. в отчете корпорации «Рэнд» MR661OSD (Strategic Information Warfare. A new face of War), в котором впервые использован термин «Strategic Information Warfare», придававший этому виду борьбы не только военностратегический смысл, но и политикоидеологический, путем применения следующих методов: [1]

1. Целенаправленное дезинформирование и пропагандистское воздействие на массовое сознание населения определенного региона, страны, нации. Цель — изменение стереотипов и сложившихся норм поведения, ценностных ориентиров, «разрыхление» или полное разрушение традиционных нравственно-культурных ценностей, осуществление культурно-идеологической экспансии через привнесение чуждых «культурных ценностей». Это приводит к подрыву национального самосознания и исторической памяти народа.

2. Целенаправленное дезинформирование и адресное пропагандистское воздействие на индивидуальное и групповое сознание людей. Его целью является манипулирование сознанием и поведением как отдельных лиц, так и конкретных групп, как правило, играющих важную роль в формировании общественного мнения, принятии политических решений и т.д.

3. Психологическое информационное — скрытое насильственное воздействие на психику человека в целях изменения его обыденного сознания, поведения, здоровья и манипулирования им.

Эксперты выделяют следующие начальные этапы ИПВ в рамках модели «цветных революций»:

1. Выявление конфликтного потенциала и существующих противоречий между различными социальными группами.

2. Выделение социальных групп, общественно-политических объединений, способных стать стихийным ини-

циатором (проводником) волны протеста. На эту роль могут подходить «легко воспламеняемые» группы (в частности молодежь).

3. Комплексная подготовка выделенных групп к дальнейшим активным действиям, определение основных модераторов.

4. Адаптация реальных целей в соответствии с мерой понимания выбранных групп и их модераторов (возможна подмена понятий, навязывание ложных целей). Внушение им уверенности в практической осуществимости поставленных задач.

5. Обеспечение информационного превосходства навязываемых идей (вбрасывание информации в целевую среду, ее «разгон» и т.д.).

6. Дальнейшее расширение контингента активных участников операции за счет обострения конфликтной ситуации, дестабилизации обстановки.

Первоначально сетевые технологии использовались иностранными спецслужбами для создания подконтрольных структур, ориентированных на ведение разведывательно-подрывной деятельности, поскольку построенные по сетевому принципу группировки очень гибкие, универсальны, легко адаптируются к различным условиям и способны к многочисленным вариантам взаимодействия. [2]

К настоящему времени методики ведения «сетевых войн» и ИПВ вышли из под контроля их разработчиков и взяты на вооружение членами международных террористических (МТО) и экстремистских организаций, националистических движений, «революционерами нового поколения», пытающимися создать идеологии «глобального гражданского общества». Их целями являются подрывная деятельность и дезориентация широких масс населения. Сетевые сообщества формируются ими из личностей, которые несут собственное концептуальное целеполагание, создавая временные виртуальные организации. Если выдвинутая идея содержит вызов, то заразившиеся ею люди собираются в кластеры — слабо связанные между собой группы, объединенные, как правило, по территориальному признаку. Даже если один кластер сети разрушен, остальные могут продолжать функционировать. По данному принципу выстраивается тактика МТО «АльКаида», «Имарат Кавказ», «Хизб утТахрир альИслами», а также таких экстремистских организаций, как «Автономное действие», «Северное братство» и др. [3]

Их идеологи, создавая и размещая в Интернете материалы экстремистского характера, стараются воздействовать на эмоциональную и потребностно-мотивационную сферу психики представителей молодежи в возрасте от

16 до 24 лет, использовать распространенные в данной среде протестные настроения. В качестве приоритетных направлений ИПВ избраны:

— активная работа с инструментарием «подмены понятий», фальсификация исторических фактов и тенденциозное освещение текущих событий в целях дискредитации политики руководства Российской Федерации, дезориентирования населения, снижения доверия к органам власти и правоохранительным структурам;

— трактовка в качестве враждебных и неприемлемых для современной молодежи традиционных, лояльных к органам государственной власти религиозных конфессий и общественных движений;

— героизация в качестве примеров для подражания одиозным членам террористических, экстремистских, националистических организаций;

— подбор и вовлечение в противоправную деятельность лиц с ярко выраженными лидерскими качествами; формирование резервов через сетевые проекты, применение специальных техник воздействия на сознание;

— публикация учебных пособий по способам ведения вооруженной борьбы, изготовления взрывных устройств, совершения диверсий, правилам соблюдения мер конспирации, в том числе при использовании современных телекоммуникационных технологий. [1]

Подрывная и вербовочная деятельность в сети Интернет осуществляется с использованием трех видов информационных ресурсов.

Первый вид — это «официальные» сайты организаций, размещенные, как правило, на серверах зарубежных провайдеров, на которых осуществляется первичная публикация аудио, видео, графических и текстовых материалов.

Второй — это социальные сети, блоги и форумы, через которые производится дальнейшее распространение (так называемый «разгон») экстремистских материалов, инициируется их обсуждение, осуществляется первичное вербовочное изучение участников дискуссий.

Начинающий пользователь, знакомящийся с сообщениями блога или форума, как правило, уверен, что видит текст, созданный неангажированным человеком. Встретив однотипный по информационному и эмоциональному наполнению материал на разных форумах и блогах, он подсознательно склонен считать, что информация им проверена, так как получена из разных, не связанных между собой источников. В рамках общественного обсуждения происходит лавинообразный вброс информации, построенной по правилам манипулятивной технологии. В итоге неквалифицированные пользователи теряют способность принимать решения самостоятельно, принимая навязываемые решения.

Размещенные на форумах и блогах материалы незамедлительно индексируются поисковыми системами («Яндекс», «Rambler», «Google» и др.), становясь доступными для всех пользователей. Поддерживаемые экстремистами долговременные сайты, динамично меняющиеся блоги и целенаправленно инициируемые и поддерживаемые

дискуссии на популярных форумах эффективно взаимодействуют между собой, создавая резонанс при индексировании опубликованных материалов поисковыми системами. [4]

Третьим видом интернет-ресурсов, используемых пропагандистами и вербовщиками, являются чаты и интернет-пейджеры. Общение в них служит для дополнительной вербовочной обработки отдельных участников обсуждений на интернет-форумах и блогах, проявивших интерес к радикальным идеям. Экстремисты рассматривают подобный способ пополнения числа своих сторонников в качестве одного из основных, так как контакты в интернет-сообществах позволяют оперативно поддерживать связь на географически больших расстояниях, обсуждать, планировать и координировать будущие акции в достаточно скрытом режиме.

Указанные угрозы актуальны и для Ставропольского края. На территории области отмечена активизация представителей молодежных радикальных группировок, выявлены отдельные лица, пытавшиеся установить контакты с членами МТО «Имарат Кавказ», организовать сбор денежных средств для бандподполья. В целях пропаганды экстремистской идеологии ими использовались социальные и файлообменные сети.

Для эффективной борьбы с экстремистской и террористической деятельностью в открытых телекоммуникационных сетях необходима разработка и реализация комплекса скоординированных мер правового, информационно-пропагандистского, оперативно-розыскного и профилактического характера. С учетом динамично меняющейся среды противоборства требуется и постоянное научно-методическое сопровождение, в первую очередь, в сфере совершенствования действующего российского законодательства.

В соответствии со ст. 15.1 в целях ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, создается единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено». Вместе с тем порядок создания, формирования и ведения данного реестра, конкретный механизм ограничения доступа к сайтам пока еще не отработаны. [5]

Кроме того, несмотря на общее мнение о необходимости ограничительных мер, ряд специалистов отмечает их низкую эффективность. На сайтах, используемых представителями экстремистских и террористических группировок, регулярно появляются новые инструкции о способах обхода программ, блокирующих доступ, а также о мерах конспирации и противодействия правоохранительным органам.

Конкретные формы и методы информационно-пропагандистских и оперативно-розыскных мероприятий в от-

крытых телекоммуникационных сетях являются предметом отдельного обсуждения.

Однако хотелось бы отметить, что одной из основных задач противодействия экстремистской и террористической деятельности в открытых телекоммуникационных сетях является создание условий, при которых пользователи в процессе интернет-серфинга и поиска необходимых материалов как можно чаще встречали объективную тематическую информацию, формирующую

негативное отношение к идеям экстремизма. В этой связи значительную роль может сыграть активная гражданская позиция каждого, конструктивная нетерпимость к экстремистским проявлениям. Здоровые силы общества должны продемонстрировать, что и в реальном, и в виртуальном пространстве преобладают они, принять участие в информационном подавлении ресурсов, пропагандирующих идеологию экстремизма и терроризма.

Литература:

1. Бидова, Б. Б. К вопросу об использовании компьютерных технологий экстремистскими организациями // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2013. № 7. с. 111–114.
2. Бидова, Б. Б. Некоторые аспекты обеспечения национальной безопасности на региональном уровне [Текст] / Б. Б. Бидова // Молодой ученый. — 2014. — № 19. — с. 410–412.
3. Ганаева, Е. Э. Правовое воспитание подростков как средство коррекции девиантного поведения [Текст] / Е. Э. Ганаева // Молодой ученый. — 2014. — № 20. — с. 467–469.
4. Ганаева, Е. Э. Проблема экстремизма и ее влияние на национальные интересы России [Текст] / Е. Э. Ганаева // Молодой ученый. — 2013. — № 5. — с. 509–510.
5. Ганаева, Е. Э. Молодежный экстремизм как тип девиации [Текст] / Е. Э. Ганаева // Молодой ученый. — 2012. — № 12. — с. 361–363.

Правосубъектность носителя конституционного права на образование в случае его реализации в негосударственном общеобразовательном учреждении

Горина Ольга Александровна, магистрант
Ессентукский институт управления, бизнеса и права (Ставропольский край)

Понятие правосубъектности в законодательстве отсутствует, несмотря на то, что оно широко применяется в научной и практической деятельности. В большинстве случаев понятие «правосубъектность» объединяет понятия правоспособности и дееспособности лица, то есть отождествляется с понятием «правоееспособности». [1]

В настоящей работе правосубъектность (совокупность правоспособности и дееспособности) рассматривается как возможность иметь субъективные права и нести юридические обязанности, а также совершать юридически значимые действия по их осуществлению.

По общему правилу правоспособность гражданина возникает с рождения и прекращается смертью (ст. 17 ГК РФ), а дееспособность, то есть возможность самостоятельно осуществлять свои права — с 18 лет (ст. 60 Конституции РФ, ст. 21 ГК РФ).

Одной из важнейших характеристик правового статуса личности в сфере образования является *момент возникновения конституционного права на образование* и момент, с которого субъект права приобретает возможность своими действиями реализовать принадлежащие ему права.

Вопрос о правосубъектности гражданина в области общего образования широко обсуждается в научной сфере. Существует несколько мнений относительно содержания и момента возникновения право- и дееспособности гражданина в сфере образования в целом и общего образования в частности.

Многие авторы отмечают так называемую ограниченную право- и дееспособность граждан в области реализации конституционного права на получение общего образования.

По мнению Л. Б. Александровой правоспособность в области образования не является безусловной, несмотря на то, что право на образование принадлежит человеку с рождения. Фактически правоспособность в области образования как юридически гарантированная возможность обладания правом на образование связана по времени с началом получения общего образования. Л. Б. Александрова также отмечает, что образовательная правоспособность гражданина прекращается не в связи со смертью, а в связи с наступлением предельного возраста получения бесплатного общего образования. [2] При этом автор рассматривает дееспособность несовершеннолетнего в области образования до завершения им основного общего

образования как частичную или ограниченную: обучающийся в рамках выбранной родителями формы обучения и вида образовательного учреждения, своими силами, исходя из собственных возможностей, участвует в процессе обучения и воспитания, является участником образовательного процесса. При этом, как отмечает автор, самостоятельность обучающегося ограничена правами и обязанностями родителей.

Аналогичной позиции придерживается Т. Н. Матюшева. Поскольку обучающийся не может до 15 лет самостоятельно прекращать обучение, а право самостоятельно выбирать тип и вид образовательного учреждения, форму получения образования принадлежит только совершеннолетним гражданам, дееспособность гражданина в области образования квалифицируется как ограниченная. Полная дееспособность в образовании, по мнению Т. Н. Матюшевой, невозможна до достижения совершеннолетия. [3]

Как отмечает З. П. Дашинская, образовательная дееспособность — способность личности самостоятельно, осознанно быть участником *образовательного процесса*. Образовательная дееспособность не связана ни с гражданской, ни с иными видами дееспособности гражданина. Однако следует заметить, что статус участника *образовательного процесса* не совпадает по объему прав и их содержанию со статусом участника *образовательного правоотношения*, а такие категории, как правоспособность и дееспособность являются существенными элементами именно правоотношения, а не иных видов общественных отношений. [4]

По нашему мнению, закрепленная законом и иными нормативно-правовыми актами способность граждан вступать в конкретные правоотношения, а также нести установленные обязанности и составляет содержание правоспособности.

Образовательная правоспособность гражданина возникает с рождения, то есть с самого рождения он приобретает право на получение образования в сложившейся образовательной системе, которое может быть реализовано по достижении определенного возраста. Именно эти дополнительные условия реализации права на образование и составляют содержание образовательной дееспособности, то есть способности лица своими действиями реализовать принадлежащие ему права. Таким образом, образовательная дееспособность — это правоспособность, обусловленная рядом факторов: возраст, состояние здоровья и др.

По общему правилу гражданин становится полностью дееспособным с 18 лет. Однако образовательная дееспособность возникает гораздо раньше. Достижение возраста, с которого возможно получение общего образования, является моментом, определяющим возникновение способности своими действиями реализовать конституционное право на образование, и имеет определяющее значение.

Обучение детей в образовательных учреждениях, реализующих программы начального общего образования,

начинается с достижения ими возраста шести лет шести месяцев при отсутствии противопоказаний по состоянию здоровья, но не позже достижения ими возраста восьми лет. По заявлению родителей (законных представителей) учредитель образовательного учреждения вправе разрешить прием детей в образовательные учреждения для обучения в более раннем возрасте.

Закон не делает исключения для негосударственных образовательных учреждений, реализующих программы общего образования. Таким образом, образовательная дееспособность гражданина, поступающего в общеобразовательное учреждение для освоения образовательных программ общего образования, независимо от формы собственности, наступает с 6 лет 6 месяцев. Установление минимального возраста, с которого может начинаться освоение общеобразовательных программ, представляет собой, фактически, пример позитивного ограничения права на образование с целью сохранения здоровья детей. Данное ограничение, таким образом, соответствует принципам позитивного ограничения прав и свобод, установленным в ч. 3 ст. 55 Конституции, поэтому его можно рассматривать в качестве дополнительной гарантии реализации конституционного права на образование.

Следует отметить, что образовательную дееспособность гражданина в данном возрасте нельзя квалифицировать как неполную или ограниченную. Право на образование может быть реализовано только собственными действиями, опираясь на личные способности и качества. Обучающиеся с первых дней обучения обладают всей полнотой прав и обязанностей и несут ответственность за допущенные дисциплинарные проступки. Участие родителей в освоении образовательных программ общего образования не требуется, к тому же родители выступают как самостоятельные субъекты образовательных правоотношений.

Как уже отмечалось ранее, в сфере образования не существует института ограничения дееспособности граждан, так как для граждан с отклонениями в развитии предусмотрена законодательная возможность получения общего образования в специальных коррекционных учебных заведениях, классах.

Также следует особо отметить, что не стоит отождествлять образовательную правоспособность и гражданскую. Так, например, стороной договора возмездного оказания образовательных услуг в негосударственном общеобразовательном учреждении, являются родители (законные представители) обучающегося. Это не дает основания говорить об ограниченной образовательной дееспособности гражданина, поскольку совершение сделок является элементом гражданской дееспособности, которая наступает в полном объеме с 18 лет.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что образовательная правосубъектность гражданина представляет собой правосубъектность особого вида, содержание которой определяется законодательством об образовании, локальными актами образовательного уч-

реждения и договором возмездного оказания образовательных услуг, заключенным с негосударственным общеобразовательным учреждением. Именно тот круг прав

и обязанностей, который обучающийся в рамках образовательных правоотношений осуществляет самостоятельно, и составляет особенность его правового статуса.

Литература:

1. Спасская, В. В. К вопросу о специфике образовательных правоотношений // Право и образование. 2014. № 2. — с. 99.
2. Александрова, Л. Б. Образовательное право России: становление и развитие в условиях реформ: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2005. — с. 58.
3. Матюшева, Т. Н. Правовой статус гражданина РФ в сфере образования: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2009. — с. 54.
4. Дашинская З. П. Конституционно-правовое регулирование организации и деятельности общеобразовательных учреждений: Автореф. дис... канд. юрид. наук. — М., 2013. — с. 21.

Реализация конституционного права на образование: понятие, формы, принципы, стадии

Горина Ольга Александровна, магистрант

Ессентукский институт управления, бизнеса и права (Ставропольский край)

Следует различать такие понятия, как реализация конституционно-правовых норм, гарантирующих конституционное право на образование и реализация самого конституционного права на образование.

В теории права под реализацией норм права понимается «деятельность членов гражданского общества и государства, его органов по переводу действующих норм права в конкретные правоотношения». Реализация права представляет собой особую стадию правового регулирования. Как образно выразился А. С. Пиголкин, «реализация норм права есть процесс превращения юридических идеальных моделей в практическую реальность, в действующую систему общественных отношений». [1]

Юридическая наука выделяет четыре основные формы реализации норм права:

— соблюдение — воздержание от совершения запрещенных правом действий;

— использование — осуществление предоставленных субъективных прав в виде дозволений или правомочий;

— исполнение — совершение действий в пользу управомоченного лица;

— применение — принятие компетентными органами государства и должностными лицами специального решения, которым на основе действующих норм права устанавливаются права и обязанности участников конкретного правоотношения.

Нормы конституционного права, закрепляющие основное право на образование могут быть реализованы в любой из вышеуказанных форм. При этом, если субъектами соблюдения, использования и исполнения данных норм являются граждане (физические лица), то в каче-

стве субъектов применения данных конституционных норм могут выступать только уполномоченные органы государственной власти, местного самоуправления.

Так, каждый вправе использовать свое конституционное право на получение образования установленного уровня, каждый обязан соблюдать нормы, предписывающие воздерживаться от каких бы то ни было неправомерных ограничений данного права, все родители должны исполнить обязанность по обеспечению получения детьми общего образования. При этом уполномоченные органы государственной власти путем применения соответствующих норм права обеспечивают действующий механизм реализации конституционного права на образование. [2]

В отличие от реализации норм конституционного права, закрепляющих конституционное право на образование, реализация гражданином самого конституционного права на образование представляет собой, по мнению Н. В. Витрука, «регламентированный нормами права демократический по своему содержанию и формам процесс, обеспечивающий каждому гражданину те материальные и духовные блага, которые лежат в основе принадлежащих ему субъективных прав, а также защиту этих прав от любых посягательств». [3]

Таким образом, рассматриваемые понятия соотносятся как общее к частному, то есть, реализация конституционного права на образование представляет собой лишь частную форму реализации нормы права.

Следует отметить, что гражданин в данном случае рассматривается не как субъект права, а как его носитель, обладатель, что не раз подчеркивалось в научной литературе. [4]

Как носитель конституционных прав граждан, в процессе их реализации выполняет следующие последовательные действия:

- 1) принятие решения о конкретных путях и средствах претворения в жизнь конституционного права;
- 2) организация исполнения принятого решения;
- 3) само исполнение этого решения.

В отличие от деятельности гражданина по реализации своего конституционного права, в деятельности правоприменителя (уполномоченных органов государственной власти и местного самоуправления) можно отметить следующие ступени реализации (применения) правовых норм:

- установление общих признаков носителей прав и свобод, их правосубъектности;
- установление соответствия конкретному фактическому составу нормы права;
- толкование законов и иных нормативных правовых актов о правах и свободах;
- восполнение пробелов в законодательстве, регулирующем правовые механизмы реализации прав и свобод;
- выработка конкретного решения, охватывающего фактический состав юридического отношения;
- обеспечение соблюдения прав и свобод.

Описывая механизм реализации конституционных прав человека и гражданина, В. О. Лучин упоминает такие обязательные элементы, как «разнообразные социальные и юридические факторы, формы, способы, условия и гарантии осуществления конституционных норм в соответствии с демократическими процедурами, принципами законности и социальной справедливости». [5]

Помимо указанных основных принципов реализации конституционных прав, можно выделить и ряд специфических принципов реализации конституционного права на образование в целом и в негосударственных общеобразовательных учреждениях в частности.

Систему принципов реализации конституционного права на образование в негосударственном общеобразовательном учреждении можно представить следующим образом:

- общепризнанные принципы международного права;
- принципы государственной политики в области реализации конституционного права на образование;
- руководящие положения и идеи, свойственные только правоотношениям в области реализации конституционного права на образование в негосударственном общеобразовательном учреждении.

Литература:

1. Пиголкин, А. С. Понятие правоприменения и его место в механизме социального регулирования. — М.: Гоуриздат, 1985. — с. 9.
2. Эбзеев, Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. — М.: Юрид. лит., 2005. — с. 158.
3. Витрук, Н. В. Реализация прав и свобод личности как процесс. — М: ИНФРА-М-НОРМА, 2007. — с. 225.

Принцип равенства прав граждан на образование, то есть осуществление права на образование каждым и наравне с другими лицами, равные возможности при получении образования данной ступени, основанные только на индивидуальных способностях каждого, в системе негосударственного образования сохраняет свое действие только применительно к реализации аккредитованным негосударственным общеобразовательным учреждением государственного стандарта общего образования. В остальном объем полученных знаний определяется выбором тех или иных дополнительных курсов, а также индивидуальными способностями каждого.

Конституционное право на образование реализуется в условиях свободы выбора: для обучающихся — уровня образования, образовательного учреждения, формы образования, для преподавательского состава — методик обучения, для образовательного учреждения — организационной структуры, формы управления, разработки учебных программ и др.

Такой вывод можно сделать и исходя из анализа действующего законодательства. Так, закон об образовании гарантирует светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в рамках концепции светского государства, которым Россия провозглашает себя в ст. 14 Конституции РФ. Светский характер образования основывается на свободе совести участников образовательного процесса. Область применения этого принципа — одна из самых дискутируемых в научной среде и широко обсуждаемых общественностью. Ряд общественных организаций выступают против клерикализации и милитаризации образования, обобщая эти тенденции попыткой навязать ребенку образ врага, в то время как школа, в соответствии с международными нормами, должна способствовать установлению мира и атмосферы терпимости. Поскольку законодательством РФ гарантируется светский характер образования только в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, негосударственные образовательные учреждения вправе вводить в учебные программы религиозную составляющую. [6]

В целом, реализация права представляет собой процесс, состоящий из трех стадий: 1) уяснение (толкование) права; 2) формирование воли субъекта, связанной с желанием использовать предоставленное ему субъективное право; 3) вступление в конкретное правоотношение.

Таким образом, правоотношение можно рассматривать как самостоятельную стадию реализации конституционного права на образование.

4. Научно-практический комментарий Конституции Российской Федерации /Под ред. К. А. Экштайна. — М.: ЭКОМ, 2010. — с. 35.
5. Сырых, В. М. Теория государства и права: Учебник. — М: Юстицинформ, 2014. — с. 257.

Некоторые подходы к определению признаков и понятия коррупционных преступлений

Жадан Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматриваются вопросы определения уголовно-правовых признаков и понятия коррупционных преступлений на основе анализа российского законодательства и правоприменительных актов в области противодействия коррупции, научных подходов и авторского понимания преступлений указанной категории.

Ключевые слова: признаки, понятие, коррупционные преступления, анализ, российское законодательство, правоприменительные акты, подходы.

Среди всех видов правонарушений и преступлений, влияющих на криминогенную ситуацию в России, и в то же время востребованных в правоприменительной практике [5, с. 387], являются коррупционные преступления. При этом коррупционная преступность является существенным фактором, представляющим опасность для национальной безопасности России.

Вопросам анализа криминологической и уголовно-правовой характеристики коррупционной преступности в России [16] посвящено немало публикаций. В то же время актуальность вопросов о коррупционной преступности не становится меньше, а поэтому предметом данного исследования будут некоторые подходы по определению уголовно-правовых признаков и понятия коррупционных преступлений.

Одним из дискуссионных вопросов в юридической литературе, характеризующим коррупционные преступления является обозначение их соответствующим термином и определение признаков и понятия этих преступлений.

В нормативных правовых актах, официальных документах и научной литературе в отношении указанных преступлений используются термины «коррупционные преступления», «преступления о коррупции», «преступления, связанные с коррупцией», «преступления в сфере коррупции», «должностные преступления, связанные с коррупцией», «преступления коррупционного характера», «преступления коррупционной направленности» и другие.

В действующем российском законодательстве используются термины «коррупция» и «коррупционные правонарушения». Так, в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [19] (далее — ФЗ «О противодействии коррупции») дается нормативное понятие термина «кор-

рупция». При этом коррупция определяется как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица» [19].

В данном понятии коррупции законодатель выделяет ее признаки, указывает конкретные виды преступлений (злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп и др.) и тем самым отсылает к отдельным составам преступлений, предусмотренным в Уголовном кодексе Российской Федерации [17] (далее — УК).

В тоже время, используемый в ФЗ «О противодействии коррупции» термин «коррупционные правонарушения» соответствующим нормативным понятием не определяется, а термин «коррупционные преступления» вообще не используется. Если же перечисленные в данном законе составы преступлений (злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп) определить термином «коррупционные преступления», то этот термин представляет и уголовно-правовое значение.

В ФЗ «О противодействии коррупции» и в УК не дается определение понятия «коррупционные преступления». Между тем определение коррупционных преступлений значимо не только для достижения задач уголовного законодательства, но и в не меньшей степени для правоприменительной практики.

В УК также нет состава преступления, называемого коррупционным (коррупцией). При этом к антикоррупционным нормам УК относятся предусмотренные в главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» должностные и связанные с ними иные преступления — злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК), получение взятки (ст. 290 УК), дача взятки (ст. 291 УК), служебный подлог (ст. 292 УК); в главе 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» — злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК), коммерческий подкуп (ст. 204 УК) и т.д. Антикоррупционные нормы имеются и в других главах УК. Следовательно, к коррупционным преступлениям относится достаточно широкий круг общественно опасных деяний, квалифицируемых по различным статьям Особенной части УК [6, с. 346].

В юридической литературе имеет место дискуссия в части возможного использования термина и понятия «коррупционные преступления» в уголовном праве.

Согласно основного научного подхода термин и понятие «коррупционные преступления», являются по сути чисто криминологическими, поскольку не нашли отражение ни в Федеральном законе от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», ни в уголовном праве [3].

Автор разделяет научный подход Н.В. Бугаевской [1] и других ученых, которые считают, что термин и понятие «коррупционные преступления» должны иметь уголовно-правовое значение.

Как указывалось выше в ФЗ «О противодействии коррупции» и в УК не дается определение понятия «коррупционные преступления», а поэтому представляют интерес правоприменительные акты, в которых используются термин и понятие коррупционного преступления.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [12] (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24) в названии и содержании используются термины «коррупция» и «коррупционные преступления». При этом в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 указывается, что «В целях уголовно-правового обеспечения противодействия коррупции и в интересах выполнения международных обязательств Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответственность за совершение коррупционных преступлений» [12], но понятия этих терминов не определяются.

В Указании Генеральной прокуратуры РФ № 387–11 и Министерства внутренних дел РФ № 2 от 11.09.2013 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» [18] (далее — Указание Генеральной прокуратуры и МВД) в отношении данных преступлений используется термин «преступления коррупционной направленности» и прилагается

перечень № 23, в котором термин «преступления коррупционной направленности» соответствующим понятием не определяется, а перечисляются составы этих преступлений.

Исходя из вышеизложенного, следует, что в правоприменительных актах используются термины «коррупционные преступления» и «преступления коррупционной направленности», но не определяется нормативное понятие коррупционного преступления, тогда как формулирование его значимо не только для достижения уголовно-правовых целей, но и для правоприменительной практики.

На взгляд автора, первый термин более приемлемый, учитывая уже используемый в УК термин «экологические преступления» при определении названия главы 28 «Экологические преступления».

В целях более полного изучения уголовно-правового понятия «коррупционные преступления» необходимо определиться в основных признаках, характеризующих указанные преступления.

Как определение понятия коррупционных преступлений, так и выделение уголовно-правовых признаков, характеризующих данные преступления, в юридической литературе являются дискуссионными, и имеются различные научные подходы.

Автор не ставит перед собой цель, исследовать все научные подходы по выделению признаков коррупционных преступлений, а предлагает рассмотреть некоторые из них.

В.А. Григорьев и В.В. Дорошин предлагают выделять следующие признаки коррупционного преступления [4], как деяния, которое: 1) общественно опасно; 2) предусмотрено уголовным законом; 3) выражается в незаконном использовании публичного статуса, сопряженным с получением выгоды, либо незаконном предоставлении выгоды лицу, обладающему публичным статусом, или его близким в предусмотренных законом случаях, влекущим определенные последствия; 4) совершается с прямым умыслом; 5) имеет цель — получение выгоды.

Г.С. Гончаренко характеризуя коррупционные преступления, отмечает, что «все они должны обладать непрерывными признаками [2]: 1) использование служебного положения в личных целях; 2) корыстный характер деяния; 3) участие в преступлении иных заинтересованных физических или юридических лиц; 4) наличие в действиях сторон подкупа; 5) получение или передача предмета подкупа».

Представляет интерес и научный подход С.В. Максимова, который в качестве признаков коррупционного преступления выделяет следующие [9]: 1) непосредственное нанесение ущерба авторитету публичной службы (государственной службы или службы в органах местного самоуправления); 2) незаконный (противоправный) характер получаемых государственным (муниципальным) служащим преимуществ (имущества, услуг или льгот); 3)

использование виновным своего служебного положения вопреки интересам государственной службы или службы в органах местного самоуправления; 4) наличие у субъекта, совершившего коррупционное преступление, признаков лица, принадлежащего к одной из категорий, указанных в примечаниях к ст. 285 УК РФ, за исключением дачи взятки должностному лицу (ст. 291 УК РФ), которая наказывается вне зависимости от того, является виновный государственным (муниципальным) служащим или нет; 5) наличие у виновного умысла на причинение ущерба законной деятельности государственного или муниципального аппарата, авторитету государственной или муниципальной службы; 6) наличие у виновного корыстной или иной личной заинтересованности.

Помимо указанных и иных научных подходов, имеются также законопроекты по основам законодательства об антикоррупционной политике — проект федерального закона № 216592–3 «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (внесен депутатами Государственной Думы А.А. Аслахановым, Н.М. Безбородовым, В.П. Воротниковым) [13] и проект федерального закона № 164749–3 «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (внесен депутатами Государственной Думы А.И. Александровым, А.А. Аслахановым, Н.М. Безбородовым, П.Т. Бурдуковым, В.П. Воротниковым, А.И. Гуровым, О.В. Морозовым, Н.А. Овчинниковым, Г.И. Райковым) [14]

В этих законопроектах (в обобщенном виде) коррупционное преступление определяется как деяние (действие или бездействие): 1) общественно опасно; 2) запрещено УК РФ под угрозой наказания; 3) противоречит законным интересам общества и государства и обладает признаками коррупции: подкуп (незаконное получение денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно незаконное оказание услуг имущественного характера, а равно незаконное пользование услугами имущественного характера; незаконная передача денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно незаконное оказание услуг имущественного характера публичному лицу или его близким); незаконное использование услуг, льгот и (или) преимуществ неимущественного характера, а равно незаконное предоставление услуги, льготы и (или) преимущества неимущественного характера публичному лицу или его близким; 4) совершается способом незаконного использования статуса публичного лица непосредственно (самим публичным лицом) или опосредованно (посредством использования публичного лица); 5) совершается виновно (умышленно или по неосторожности); 6) совершается по мотивам корысти или иной личной заинтересованности; 7) совершается в зависимости от способа либо лицами, которые имеют публичный статус, т.е. теми, кто постоянно, временно или по специальному полномочию выполняет должностные или служебные обязанности в органах государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также лицами, выполняющими управленческие функции в госу-

дарственных и муниципальных предприятиях или в некоммерческих (в том числе в иностранных и международных) организациях, не являющихся государственными органами, органами местного самоуправления РФ или их учреждениями, либо иными лицами, которые обладают признаками субъекта коррупционного преступления.

Анализ приведенных выше подходов к выделению признаков коррупционного преступления позволяет сделать вывод о том, что они имеют общее и существенные различия.

Во-первых, по-разному определяется и трактуется круг субъектов коррупционного преступления. В.А. Григорьев и В.В. Дорошин относит к ним лиц, обладающим публичным статусом. С.В. Максимов относит к ним лиц, принадлежащим к одной из категорий, указанных в примечаниях к ст. 285 УК, за исключением дачи взятки должностному лицу (ст. 291 УК), которая наказывается вне зависимости от того, является виновный государственным (муниципальным) служащим или нет. Авторы законопроектов определяют более широкий круг субъектов коррупционных преступлений и помимо ранее указанных лиц, относят к ним также лиц, выполняющим управленческие функции в государственных и муниципальных предприятиях или в некоммерческих (в том числе в иностранных и международных) организациях, не являющихся государственными органами, органами местного самоуправления РФ или их учреждениями, либо иными лицами, которые обладают признаками субъекта коррупционного преступления.

Во-вторых, по мнению В.А. Григорьева и В.В. Дорошина коррупционные преступления совершаются с прямым умыслом; С.В. Максимов считает, что для этих преступлений характерно наличие у виновного умысла на причинение ущерба законной деятельности государственного или муниципального аппарата, авторитету государственной или муниципальной службы; по мнению авторов законопроектов, преступления указанной категории могут совершаться умышленно или по неосторожности.

В-третьих, по мнению В.А. Григорьева и В.В. Дорошина лица, совершающие коррупционные преступления имеют цель — получение выгоды; С.В. Максимов считает, что для этих преступлений характерно наличие у виновного корыстной или иной личной заинтересованности; по мнению авторов законопроектов, преступления указанной категории совершаются по мотивам корысти или иной личной заинтересованности.

По мнению автора, указанные законопроекты учитывают научные подходы и более того, правильно выделяют многие признаки общественно опасного деяния как коррупционного преступления, в том числе конкретизируют признаки коррупции и правового статуса лиц, подпадающих под признаки субъекта коррупционного преступления, но сложно с ними согласиться в части возможности совершения преступлений указанной категории по неосторожности, и ограничиваться мотивами корысти или иной личной заинтересованности.

Позиция С. В. Максимова понятна в части наличия у виновного умысла и корыстной или иной личной заинтересованности, но согласиться с ней полностью сложно, так как предусматривается умысел на причинение ущерба. В тоже время, коррупционные преступления могут иметь не только материальный, но и формальный состав. Следовательно, более точным будет утверждение о том, что коррупционные преступления совершаются всегда умышленно.

Для того чтобы определиться в форме умысла (прямой или косвенный) совершения коррупционных преступлений необходимо уточнить другие признаки субъективной стороны этих преступлений — мотив и цель.

Как известно, в науке уголовного права под мотивом преступления понимается совокупность внутренних побуждений лица, связанных с потребностями и интересами, которые вызывают у него не только решимость совершить преступление, но затем ими руководствуется при его совершении, а под целью преступления — мыслительная модель предполагаемого результата, к достижению которого лицо стремится при совершении преступления.

По мнению В. А. Григорьева, В. В. Дорошина и других ученых коррупционные преступления совершаются с прямым умыслом и имеют цель — получение выгоды. Автор разделяет данный научный подход.

В качестве аргументов данного подхода можно указать то, что в нормативном понятии «коррупция» (п. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции» [19]) законодатель выделяет ее признаки, в том числе указывает цель получения выгоды, и тем самым свидетельствует о целенаправленном характере коррупционного деяния, которое в этом случае служит не самоцелью, а способом достижения того конечного результата, который и является целью.

Автор разделяет научный подход А. И. Рарога, что «специальная цель деяния совместима только с прямым умыслом. Ни неосторожные преступления, ни преступления с альтернативной формой вины, ни даже преступления, совершение которых возможно с любым видом умысла, никогда не включают в свой состав специальной цели, сформулированной законодателем» [15, с. 150].

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что коррупционные преступления совершаются из корыстных мотивов только с прямым умыслом и имеют цель — получение выгоды.

И. А. Яровая комментируя законопроект «О противодействии коррупции» отмечает, что коррупционное преступление в нем определяется как «виновно совершенное общественно опасное деяние, сопряженное с незаконным использованием физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды для себя или третьих лиц либо незаконным предоставлением такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, запрещенное Уголовным кодексом Российской Федерации под угрозой наказания» [20].

В юридической литературе имеется много научных определений понятия коррупционных преступлений. Например, коррупционное преступление определяется как подкуп или продажность официального лица, которое подразумевает корыстное использование служащих, в своих личных интересах или корпоративных / узкогрупповых, интересах полномочий, которыми он наделен в соответствии с занимаемой должностью [8].

В. А. Григорьев и В. В. Дорошин коррупционное преступление определяют как «предусмотренное уголовным законом общественно опасное незаконное использование лицом своего публичного статуса или незаконное предоставление выгоды лицу, обладающему публичным статусом, совершаемое с прямым умыслом и целью получения выгоды для себя или своих близких» [4].

Е. В. Коломийченко и А. А. Зеленцов считают, что «коррупционное преступление — это корыстное ненадлежащее преступление, связанное с незаконным использованием должностного (служебного) положения или особого статуса физического лица, позволяющего оказывать влияние на проведение каких-либо общественных мероприятий» [7].

С. В. Максимов полагает, что под «коррупционным преступлением можно понимать предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации общественно опасные деяния, непосредственно посягающие на авторитет публичной службы, выражающиеся в незаконном получении государственными или муниципальными служащими каких-либо преимуществ (имущества, прав на него, услуг или льгот) либо в предоставлении последним таких преимуществ» [10, с. 15].

Е. В. Марьина определяет коррупционное преступление как «предусмотренное уголовным законом умышленное общественно-опасное деяние, заключающееся в предоставлении и (или) получении денег, ценных бумаг, иного имущества или других выгод имущественного характера за действия (бездействие) в интересах корруптера или лица, представляемого им» [11, с. 7]. Имеются в литературе и другие определения понятия коррупционных преступлений.

Анализ вышеуказанных определений понятия коррупционных преступлений позволяет сделать вывод, что их авторы особое внимание уделяют объекту посягательства, а некоторые выделяют и уголовно-правовые признаки (например, общественно опасные деяния, незаконное использование должностного (служебного) положения, в целях получения выгоды, незаконное получение преимуществ и т.д.). Как справедливо отмечается в юридической литературе, каждый из правоведов, исследовавший ту или иную проблему, предлагает свое оригинальное понятие, выделяет определенные признаки и т.д.

Как отмечалось автором в Указании Генеральной прокуратуры и МВД дается перечень № 23, в котором определяются конкретные составы преступлений коррупционной направленности [18]. При этом в нем термин «преступления коррупционной направленности» поня-

тием не определяется, но содержится предписание, что к этим преступлениям «относятся противоправные деяния, имеющие все перечисленные ниже признаки: а) наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, к которым относятся должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени и в интересах юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ; б) связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей; в) обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц); г) совершение преступления только с прямым умыслом. Исключением являются преступления, хотя и не отвечающие указанным требованиям, но относящиеся к коррупционным в соответствии с ратифицированными РФ международными правовыми актами и национальным законодательством, а также связанные с подготовкой условий для получения должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуги имущественного характера, иных имущественных прав либо незаконного представления такой выгоды» [18]. Именно данный подход используется правоохранительными органами при формировании статистической от-

четности в России за соответствующий период (квартал, полугодие, год и т.д.), определяющей преступления коррупционной направленности.

По мнению автора, это еще раз свидетельствует об уголовно-правовом значении понятия коррупционные преступления и необходимости нормативного определения (в законе, а не в ведомственном акте) преступлений данной категории.

С учетом вышеизложенного, предлагается следующее уголовно-правовое определение понятия преступлений данной категории.

Коррупционные преступления — это предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, содержащие признаки коррупции и связанные с незаконным использованием лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы в соответствующих организациях, в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, и повлекшие существенные нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Автор считает, что не только термин «коррупционные преступления», но и определение его нормативного понятия имеет право на уголовно-правовое значение. При этом определение понятия «коррупционные преступления» может быть закреплено в ФЗ «О противодействии коррупции».

Таким образом, на основе анализа законодательства и правоприменительных актов в области противодействия коррупции, а также научных подходов и авторского понимания рассмотрены уголовно-правовые признаки и понятие коррупционных преступлений.

Литература:

1. Бугаевская, Н.В. Коррупционные преступления: особенности определения термина — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.rusnauka.com/3_ANR_2014/Pravo/5_156933.doc.htm (дата обращения: 20.03.2015).
2. Гончаренко, Г.С. Понятие, сущность и виды коррупции современной России — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.juristlib.ru/book_8500.html (дата обращения: 20.03.2015).
3. Гончаренко, Г.С. Специфика уголовно-правового воздействия на преступления коррупционной направленности — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://sibac.info/13532> (дата обращения: 20.03.2015).
4. Григорьев, В. А., Дорошин В. В. Коррупционное преступление: понятие, признаки, виды — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.lawmix.ru/comm/2042> (дата обращения: 20.03.2015).
5. Жадан, В.Н. Актуальные вопросы криминологической характеристики экологических преступлений // Молодой ученый. — 2013. — № 4. — с. 387–393.
6. Жадан, В. Н. О коррупции и криминологической характеристике коррупционных преступлений // Молодой ученый. — 2015. — № 5 (85). — с. 345–351.
7. Коломийченко, Е. В., Зеленцов А. А. Общая характеристика преступлений коррупционной направленности в России — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id (дата обращения: 20.03.2015).
8. Коррупционное преступление во всех сферах деятельности — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://advocat-piter.com/korruptionnye-prestuplenija> (дата обращения: 20.03.2015).
9. Максимов, С.В. Коррупционная преступность в России: Правовая оценка, источники развития, меры борьбы // Уголовное право. — 1999. — № 2. — с. 107–112.

10. Максимов, С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. — М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 2000. — 143 с.
11. Марьина, Е. В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм: автореф. дис... канд. юрид. наук. — Самара, 2010. — 24 с.
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 (в ред. от 03.12.2013 № 33) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155458/ (дата обращения: 20.03.2015).
13. Проект федерального закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике» № 216592–3 (снят с рассмотрения) — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.garant.ru/3953561/#ixzz3HcnAKI5K> (дата обращения: 20.03.2015).
14. Проект федерального закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике» № 164749–3 (снят с рассмотрения) — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.garant.ru/5105887/#ixzz3Hco9VmCA> (дата обращения: 20.03.2015).
15. Рарог, А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. — С. — Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — 304 с.
16. См.: Коваль А. В. К вопросу о понятии коррупции и объекте преступлений коррупционной направленности (уголовно-правовой аспект) — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.center-bereg.ru/m1970.html> (дата обращения: 20.03.2015); Жадан В. Н. Имеет ли право на существование уголовно-правовое понятие «коррупционные преступления»? // Сборник публикаций фонда развития юридических наук: «Либеральная политика правового регулирования: перспективы и проблемы», «Идея правового регулирования и вызовы XXI века»: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень) (г. Санкт-Петербург, 18 октября, 15 ноября 2014 г.). — С. — П.: Фонд развития юридической науки, 2014. — с. 36–41; Паршин И. С. Противодействие коррупции: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2014. — 289 с. и др.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 08.03.2015 № 45-ФЗ) // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
18. Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 387–11, Министерства внутренних дел Российской Федерации № 2 от 11.09.2013 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154639/ (дата обращения: 20.03.2015).
19. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 28.12.2013 № 396-ФЗ) — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=156929> (дата обращения: 20.03.2015).
20. Яровая, И. А. Мы вводим новые понятия — коррупционное правонарушение и коррупционное преступление — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/052057124049050055057.html> (дата обращения: 20.03.2015).

Международно-правовые гарантии социального государства

Клименко Станислав Васильевич, магистрант

Ессентукский институт управления, бизнеса и права (Ставропольский край)

За последние десятилетия в результате усилий государств и межгосударственных организаций, сложилась потенциально эффективная система международно-правовых гарантий, как форм и средств контроля деятельности государств по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Главным условием функционирования системы международно-правовых гарантий является принятие государствами обязательств через подписание и ратификацию

соответствующих международно-правовых актов. Государства свободны в выборе международных договоров. Их желание или нежелание подписать или присоединиться к международным договорам или конвенциям зависит от многих факторов, в том числе и от экономического положения, и от политической воли руководителя государства. Однако, взяв на себя международные договорные обязательства, государства должны их добросовестно выполнять в соответствии с основополагающим началом всех

правовых систем — принципом *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться). Этот общепризнанный принцип международного права является одновременно и основным условием действительности всего международного механизма обеспечения соблюдения государствами своих обязательств в области социальных прав [1].

Как справедливо отмечает В.В. Гаврилов, действительность международных правовых норм во многом зависит от эффективности международного контрольного механизма за их осуществлением. Выступая в качестве средства обеспечения исполнения международных норм, контроль заключается в действиях субъектов международного права по установлению фактического положения и его оценки с точки зрения соответствия нормативным предписаниям, разрабатываемым на международном уровне. [2]

Центральное место в системе международных форм и средств контроля занимает ООН. Ее функции и полномочия весьма разнообразны. ООН организует и проводит исследования, составляет доклады, представляет государствам рекомендации, выносит решения, готовит проекты конвенций и созывает международные конференции для принятия разработанных нормативно-правовых актов. Нормативные правовые акты ООН сформулировали пакет основных прав человека, в том числе и социальных, которые должны содержаться в законодательстве любого государства, претендующего на статус цивилизованного.

Акты ООН отличаются по юридической силе. Всеобщая декларация прав человека одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. в виде резолюции, это в большей мере программный политический документ, однако его авторитет достаточно велик, потому что это первый международный документ, который стал результатом осмысления человечеством последствий Второй мировой войны.

Во Всеобщей декларации прав человека выделен и сформулирован пакет основных неотъемлемых и неотчуждаемых трудовых прав человека:

- 1) право на труд;
- 2) право на свободный выбор работы;
- 3) право на защиту от безработицы;
- 4) право на справедливые и благоприятные условия труда;
- 5) право на равную плату за равный труд без какой-либо дискриминации;
- 6) право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи и дополняемое при необходимости другими средствами социального обеспечения;
- 7) право создавать профессиональные союзы и вступать в них для защиты своих интересов;
- 8) право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего времени и на оплачиваемый периодический отпуск, а также прав в сфере социального обеспечения;

1) право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи;

2) право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства; наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам;

3) право на особое попечение и помощь матерям и младенцам;

4) право детей на социальную защиту;

5) право на образование. [3]

Для того чтобы самореализоваться, удовлетворять свои естественные потребности, человек как биологическое существо и как социальная личность должен выполнять определенную интеллектуальную и физическую работу для создания материальных и нематериальных благ, которые нужны для удовлетворения разнообразных потребностей его самого и общества. Поэтому труд есть социальное право, социальная необходимость и социальная обязанность человека, как члена общества. Именно поэтому международные нормативные акты так настойчиво и подробно регламентируют обязанность государств по созданию внутригосударственного механизма реализации этого права человека. В социальном государстве должны быть созданы условия для его реализации.

Напрашивается естественный вопрос, почему правам «второго поколения» международные организации придают такое значение? Потому что, человек не может пользоваться свободой, если не живет в достоинстве — то есть, хотя бы в минимальном социальном достатке. В конструкции «права человека» вторая часть — «человек» выпадает, если он голоден, нищ, болен, не имеет жилища, не образован и не может реализовать себя через свободный труд. Отсюда проистекает много раз проговоренная неделимость, взаимосвязанность и взаимозависимость двух категорий прав. [4]

Роль международного контроля как средства юридической гарантии социального государства постоянно возрастает, однако, работа органов ООН в этой сфере все же малоэффективна. В числе причин, влияющих на эффективность работы ООН можно указать следующие: сессионный характер деятельности; отсутствие достаточных полномочий для принятия результативных решений, так как главное средство работы — это диалог; длительный, а иногда и бесконечный поиск компромисса; возражение многих государств против усиления контрольных функций международных организаций в целом и ООН в частности.

Многие государства (в том числе и Россия) не своевременно присылают доклады и ответы на запросы о дополнительной информации, формально подходят к изложению фактов по реализации своих обязательств, что также влияет на аналитическую работу ООН и Комитетов.

Важную роль в международном контрольном механизме стали играть международные суды. Особенно эф-

фактивно работает Европейский суд по правам человека, который призван рассматривать дела о толковании и применении Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в целях обеспечения выполнения государствами-участниками вытекающих из нее обязательств. Суд осуществляет эту задачу путем рассмотрения и разрешения конкретных дел, принятых им к производству на основе поданных на его имя жалоб отдельных физических лиц или неправительственных организаций на нарушение государством прав человека, закрепленных в конкретной норме конкретной статьи Конвенции. Жалоба на нарушение Конвенции может быть подана также и самим государством-участником Конвенции на другое государство-участника.

Таким образом, на международном уровне установлен международно-правовой контроль, который является одной из юридических гарантий социального государства и он выражается в:

— рассмотрении периодических докладов государств;

— рассмотрении споров о толковании и осуществлении конкретных соглашений;

— рассмотрении индивидуальных и коллективных петиций административными или конвенционными органами;

— рассмотрение жалоб международными судебными органами.

Очевидно, что международное сообщество уже работало и использует определенный механизм функционирования международных контрольных и судебных органов, призванный содействовать осуществлению государством принятых на себя обязательств по созданию условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, что, безусловно, способствует поднятию авторитета государственной власти. Что касается российского государства, то международные юридические гарантии способствуют тому, чтобы элементы Европейской модели социального государства были восприняты и способствовали развитию и совершенствованию российского социального государства.

Литература:

1. Иваненко, В. А., Иваненко В. С. Международное право как гарантия реализации прав человека. — М.: Наука, 2011. — с. 88.
2. Гаврилов, В. В. ООН и права человека: механизмы создания и осуществления нормативных актов. Автореф. дис... канд. юрид. наук. — Владивосток, 2011. — с. 23.
3. Трошкин, Ю. В. Права человека. — М.: Юрид. лит., 1997. с. 45.
4. Джибладзе, Ю. Социальные и экономические права: действительно ли они являются правами человека и как их можно защищать? //Социальные науки. 2003. № 1. — с. 52.

Учет амортизационного износа транспортных средств в страховании

Лёвкин Роман Александрович, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

В статье приводится и анализируется судебная практика по вопросу учета страховщиками амортизационного износа в случае полной гибели или хищения транспортного средства. Автором даются рекомендации, которые могут помочь страховой компании снизить риск удовлетворения исковых требований страхователя о взыскании амортизационного износа.

Ключевые слова: КАСКО, амортизационный износ, годные остатки, полная гибель.

Согласно ч. 5 ст. 10 Закона РФ от 27.11.1992 N 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (далее, Закон «Об организации страхового дела»), в случае утраты или гибели застрахованного имущества страхователь (выгодоприобретатель) вправе отказаться от своих прав на него в пользу страховщика в целях получения от него страховой выплаты (страхового возмещения) *в размере полной страховой суммы.*

Вопрос определения полной страховой суммы и стал камнем преткновения между страховщиками и страхователями. У большого количества страховых компаний в правилах страхования предусмотрено, что выплата на

условиях «полной гибели» или «хищения» при отказе от годных остатков производится за вычетом амортизационного износа. Амортизационный износ — это установленная договором страхования норма уменьшения страховой суммы в зависимости от времени пользования транспортным средством.

Судебной практикой до сегодняшнего дня не былработан единый подход о законности включения такого условия в правила страхования.

Обратимся к принятому 27 июня 2013 года Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 20 «О применении судами законодательства

о добровольном страховании имущества граждан». Для целей решения вопроса о законности учета амортизационного износа при полной гибели необходимо ознакомиться с п.п. 23,36,38 Постановления Пленума ВС.

Согласно пункту 23 стороны вправе включить в договор добровольного страхования имущества условия о действиях страхователя, с которыми связывается вступление в силу договора, об основаниях для отказа в страховой выплате, *о способе расчета убытков, подлежащих возмещению при наступлении страхового случая.*

Согласно пункту 36 в случае, если при заключении договора добровольного страхования имущества страхователю предоставлялось право выбора способа расчета убытков, понесенных в результате наступления страхового случая (*без учета износа или с учетом износа застрахованного имущества*), при разрешении спора о размере страхового возмещения следует исходить из согласованных сторонами условий договора.

После прочтения пунктов 23, 36 вывод о законности учета амортизационного износа напрашивается сам собой. Стороны при заключении договора могут выбрать вариант КАСКО как с учетом износа так и без.

Но в то же время, согласно пункту 38 Постановления Пленума ВС: в случае полной гибели имущества, т.е. при полном его уничтожении либо таком повреждении, когда оно не подлежит восстановлению, страхователю выплачивается страховое возмещение в размере полной страховой суммы в соответствии с пунктом 5 статьи 10 Закона «Об организации страхового дела» (абандон). По сути, в данном пункте Верховным судом была скопирована соответствующая статья Закона «Об организации страхового дела».

Фактически, обращаясь к Постановлению Пленума ВС, суды сталкиваются с необходимостью толкования соотношения пунктов 23, 36 и пункта 38. И некоторые суды считают, что пунктом 38 исключается возможность применения износа, то есть они исходят из необходимости взыскания страховой суммы, установленной в договоре страхования на момент заключения договора. Другие же суды наоборот считают, что положения пункта 38 не исключают учет износа и амортизационный износ уменьшает страховую сумму.

В Обзор практики Верховного суда от 30 января 2013 года была включена позиция, что поскольку нормами гражданского законодательства не предусмотрена выплата страхового возмещения в случае «полной гибели» транспортного средства за вычетом суммы амортизационного износа и остаточной стоимости транспортного средства, то постольку наличие данного положения в договоре страхования средств автотранспорта или в правилах добровольного комплексного страхования автотранспортных средств противоречит федеральному закону, что недопустимо.

Но указанный Обзор был принят до принятия Постановления Пленума ВС.

Вскоре после выхода Постановления Пленума ВС было принято Определение ВС от 3 декабря 2013 года по делу № 78-КГ13–33. В данном деле в пользу истца взыскали страховую сумму за вычетом амортизационного износа. Верховный суд указал, что «довод кассационной жалобы о незаконности взыскания судом страхового возмещения в размере, определенном Правилами добровольного страхования... не может быть принят во внимание, поскольку данный довод основан на неправильном толковании норм материального права («статьи 943», «947» Гражданского кодекса Российской Федерации). Содержащаяся в кассационной жалобе ссылка на полную гибель транспортного средства, предполагающую выплату страхового возмещения в полном объеме, также является несостоятельной».

И в Обзоре и в приведенном Определении Верховный суд не стал подробно анализировать доводы сторон и не стал писать аргументированное решение вопроса об учете амортизационного износа при полной гибели или хищении.

В таких условиях было трудно ожидать становления единообразной региональной судебной практики.

Санкт-Петербургский городской суд в 2014 году неоднократно признавал учет амортизационного износа незаконным:

— Определение Санкт-Петербургского городского суда от 27.05.2014 № 33–7687/2014;

— Определение Санкт-Петербургского городского суда от 09.06.2014 N 33–9456/2014;

— Определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.09.2014 N 33–12503;

— Определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.10.2014 N 33–16622/2014.

— Но и в пользу законности учета амортизационного износа было принято достаточно решений:

— Определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.06.2014 N 33–7183/2014;

— Определение Санкт-Петербургского городского суда от 08.07.2014 N 33–10422/2014;

— Определение Санкт-Петербургского городского суда от 07.08.2014 N 33–11932/2014.

Можно говорить о том, что Санкт-Петербургский городской суд до сих пор не пришел к единообразной практике.

По существу попытка решить проблемный вопрос была предпринята в «Обзоре апелляционной и кассационной практики Пермского Краевого суда по гражданским делам за первое полугодие 2014 года». Судом было дано толкование взаимосвязи положений пункта 36 и пункта 38 Постановления Пленума ВС: «из содержания пункта 38 Постановления Пленума не следует, что *полная страховая сумма не может быть выплачена с учетом амортизационного износа* транспортного средства за период действия договора, если начисление такого износа предусмотрено Правилами страхования».

То есть суд считал, что амортизационный износ приводит к уменьшению страховой суммы в период действия договора страхования, и что положения пункта 38 Поста-

новления Пленума не являются более специальными, исключаящими учет износа, по отношению к пункту 36 Постановления Пленума.

Как видно из приведённой практики, имеется значительная правовая неопределённость по вопросу учета амортизационного износа.

При этом в судебной практике выявлена одна особенность правил страхования, которую суды рассматривают в пользу страховщиков. Так, в деле от 17.02.2015 № 33—2524/2015 Санкт-Петербургский городской суд особо обратил внимание на предоставление страховщиком страхователю при заключении договора права выбрать способ расчета убытков (с амортизационным износом или без износа). По сути, предоставление страхователю выбора способа расчета возмещения при полной гибели, снимает остроту вопроса о законности учета износа.

А в случае, если страховщик не предоставил страхователю возможность выбрать способ расчета убытков, суд может взыскать сумму износа, как в решении Санкт-Пе-

тербургского городского суда от 23.10.2014 N 33—16622/2014: «Доказательств возможности такого выбора у страхователя при заключении договора (с учетом содержания представленного суду полиса и Правил страхования) в материалах дела не имеется».

Таким образом, страховым компаниям обязательно необходимо иметь документальное подтверждение того, что у страхователя была возможность заключения договора страхования без учета амортизационного износа. Соответствующая опция может содержаться в страховом полисе, или в Правилах страхования за увеличенную страховую премию.

Учитывая приведенную выше последнюю практику Верховного суда, практику Санкт-Петербургского городского суда в 2015 году, толкование, изложенное в Обзоре практики Пермского краевого суда, можно говорить о том, что в 2015 году скорее всего суды займут позицию о законности учета амортизационного износа при полной гибели транспортного средства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ. Часть первая // СЗ РФ. 5 декабря 1994. N 32;
2. Закон РФ от 27.11.1992 N 4015—1 (ред. от 04.06.2014) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // «Российская газета». 12 января 1993. N 6.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества граждан» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 8, август, 2013;
4. «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан» утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.01.2013 // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 5, май, 2013;
5. Определение ВС от 3 декабря 2013 года по делу N 78-КГ13—33;
6. «Обзор апелляционной и кассационной практики Пермского Краевого суда по гражданским делам за первое полугодие 2014 года» утвержден президиумом Пермского краевого суда 15 августа 2014 года;
7. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 27.05.2014 N 33—7687/2014;
8. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 09.06.2014 N 33—9456/2014;
9. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.06.2014 N 33—7183/2014;
10. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 08.07.2014 N 33—10422/2014;
11. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 07.08.2014 N 33—11932/2014;
12. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.09.2014 N 33—12503/2014;
13. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.10.2014 N 33—16622/2014;
14. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 17.02.2015 N 33—2524/2015.

Понятие и общая характеристика коррупционной преступности

Магомадов Нурид Сайд-Хасанович, магистрант
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Под коррупцией (от лат. *corruptio* — разламывать, портить, повреждать) как социально-правовым явлением обычно понимается подкупаемость и продажность государственных чиновников, должностных лиц, а также общественных и политических деятелей вообще. [1, с.369]

Коррупционные преступления — это предусмотренные УК РФ общественно опасные деяния, непосредственно посягающие интересы государственной власти и публичной службы, выражающиеся в незаконном получении публичными лицами каких-либо благ (имущества,

прав на него, услуг или льгот) либо в предоставлении последним таких благ.

В частности, к коррупционным преступлениям в форме подкупа относятся общественно опасные деяния, предусмотренные следующими статьями Уголовного кодекса РФ:

- воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий в случае совершения соответствующего деяния путем подкупа, в том числе с использованием своего служебного положения;

- незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну в случае совершения соответствующего деяния путем подкупа;

- подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов;

- коммерческий подкуп;

- организация преступного сообщества (преступной организации) (при наличии цели совершения любого из тяжких или особо тяжких коррупционных преступлений в форме подкупа);

- получение взятки;

- дача взятки;

- провокация взятки или коммерческого подкупа;

- подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу в случае совершения соответствующего деяния путем подкупа.

Основу криминологической характеристики коррупционной преступности обычно составляют данные уголовной статистики о качественных и количественных свойствах. Однако статистические показатели коррупционной преступности носят весьма неполный или некорректный характер, что может быть отчасти компенсировано результатами научных исследований.

В 2014 г. в России общий объем коррупционной преступности (в узком значении понятия), характеризуемый числом зарегистрированных наиболее распространенных коррупционных преступлений, составил около 14,5 тыс., в том числе злоупотребление властью или служебным положением — 2848; незаконное участие в предпринимательской деятельности — 17; получение взятки-3559; дача взятки — 2049; служебный подлог — 5831.

Общее число зарегистрированных коррупционных преступлений (по 19 составам преступлений) в 2013 г. составило 25 211, в 2014 г. — 29 698.

Таким образом, суммарный объем зарегистрированных фактов уголовно наказуемой коррупции составлял в 2014 г. менее 1% общего объема зарегистрированной в этом году преступности.

Однако корректнее рассчитывать специальный индекс коррупции, т.е. показатель числа коррупционных преступлений в расчете на 100 тыс. человек, осуществляющих государственные функции. В этом случае коэффициент интенсивности коррупции увеличился бы в 9 раз.

Структура зарегистрированной коррупционной преступности в России в соотношении основных ее видов выглядит следующим образом: злоупотребление властью или служебным положением — 19,7%, дача и получение взятки — 39,2, служебный подлог — 40,8%. [2, с.86]

Обязательный элемент криминологической характеристики коррупционной преступности — ее латентность, т.е. свойство неполноты регистрации официальной уголовной статистикой.

Для определения уровня латентности той или иной разновидности преступлений используются различные методы, однако чаще в этих целях используется метод экспертных оценок, средний коэффициент латентности всех видов коррупционных преступлений в начале прошлого десятилетия в нашей стране составил 10. [3, с.249]

Как правило, не более 20% лиц, выявленных в связи с совершением взяточничества, реально осуждаются к одной из мер уголовного наказания, в том числе к лишению свободы. Даже за получение взятки при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах к наказанию в виде лишения свободы осуждаются не более половины виновных. Данному феномену трудно найти легальное оправдание, особенно если учесть, что основным видом наказания за взяточничество является лишение свободы.

Общественная опасность коррупционных преступлений наиболее точно может быть измерена по средней величине тяжести наказаний, назначенных судами за преступления того или иного вида. Однако на практике, как уже отмечалось, подобные расчеты из-за сложности методики обычно не выполняются. Тем не менее, может быть использован косвенный показатель общественной опасности — сравнительный удельный вес наказания в виде лишения свободы.

Территориальное распределение коррупционных преступлений в пределах Российской Федерации характеризуется существенными отличиями.

Например, наибольший коэффициент взяточничества в расчете-100 тыс. населения в возрасте 16 лет и старше был зарегистрирован в Калмыкии — 13,7; наименьший — на Сахалине 0,5. Москва по этому показателю находится в середине списка 4,4. Столь существенные колебания в территориальном распределении отдельных видов коррупционных преступлений, по нашему мнению, могут быть объяснены не столько социально-экономическими различиями, сколько традициями региональной уголовной политики в сфере борьбы с коррупционными преступлениями, которые сформировались задолго до начала нынешнего общего кризиса нашего общества. [4, с.251]

Характеристика лиц, совершивших коррупционные преступления, включает два относительно самостоятельных и существенно различающихся криминологических портрета: 1) лиц, уполномоченных на выполнение публичных функций, незаконно получивших преимущества по государственной должности, государственной или муниципальной службе, службе в коммерческих или иных организациях вопреки интересам публичной службы; 2)

лиц, предоставивших такие преимущества последним. Иначе говоря, первые — это взяточники, вторые — взяточдатели. Критерием для подобной дифференциации служит уголовно-правовой признак наличия особого публичного статуса.

В соответствии с особенностями этого статуса структура первой группы лиц (коррупционеров) выглядит примерно следующим образом: работники министерств, комитетов и их структур на территории субъектов Российской Федерации — 41,1%; сотрудники правоохрани-

тельных органов — 26,5; работники контролирующих органов — 8,9; работники таможенной службы — 3,2; депутаты — 0,8; иные категории — 19,6%. [5, с19]

Из статистического анализа видно, что в наибольшей степени коррупции подвержены служащие органов исполнительной власти. При этом необходимо иметь в виду, что особый уголовно-процессуальный статус депутатов, судей и прокуроров препятствует эффективному выявлению и привлечению к уголовной ответственности коррумпированных должностных лиц из их числа.

Литература:

1. Словарь иностранных слов. / Под ред. Михеева А. П. — М.: Слово, 2010. — 691с.
2. Мелешко, Н. Коррупция как системообразующий фактор: криминологические проблемы // Борьба с преступностью. 2014. № 4. — с. 86–91.
3. Бородин, С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. — М.: Магnum, 2014. — 302с.
4. Максимов, С. В. Организованная преступность. — М.: Статут, 2013. — 351с.
5. Волженкин, В. В. Коррупция. — СПб.: Норинт, 2010. — 482с.

Средства борьбы с коррупцией в системе государственной службы

Магомадов Нурид Сайд-Хасанович, магистрант
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

За последние годы практически ни один документ, характеризующий социально-экономическую и политическую ситуацию в стране, а также положение дел в области борьбы с преступностью, не обходится без упоминания о коррупции. С самого начала социально-экономических преобразований в России провозглашалась борьба с коррупцией как в целом в системе государственной власти, так и в отдельных ее звеньях.

Создание дееспособного и эффективного аппарата исполнительной власти является одной из ключевых задач, стоящих перед Президентом и Правительством Российской Федерации. Явления, связанные с коррупцией в системе государственной службы, выявлялись и выявляются практически в любом государстве, однако это не означает, что коррупция везде и всегда одинакова. Причины ее возникновения и распространения в системах государственной службы различных государств весьма разнообразны, а поэтому и попытки выработать универсальные административно-правовые средства по предупреждению и пресечению коррупции представляются малореальными.

Проблема реформирования неэффективного и отчасти коррумпированного аппарата исполнительной власти остро вставала перед целым рядом зарубежных государств, в связи с чем там уже накоплен достаточный позитивный опыт структурных преобразований аппарата управления и совершенствования системы государственной службы. [1, с.2]

Использование зарубежного опыта в целях предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы России обусловлено, на наш взгляд, еще и тем, что основные законы функционирования чиновничьего аппарата универсальны и, как показывает практика, во многом не зависят от национальной специфики. В связи с чем необходимые условия для формирования честного, компетентного и дисциплинированного аппарата государственного управления в любом обществе включают следующие элементы: соблюдение принципа отбора и продвижения кадров на основе объективной оценки их профессиональной пригодности; стабильность правовых норм, регламентирующих отношения, связанные с продвижением государственного служащего по службе, его материальным и моральным вознаграждением по результатам выполнения служебных обязанностей (эти элементы прохождения государственной службы позволяют служащим планировать карьеру, активно заниматься повышением своей квалификации, а также созданием позитивного имиджа как для себя лично, так и для государственной службы в целом); обеспечение государственным служащим оплаты труда и набора социальных льгот, в достаточной мере стимулирующих добросовестный труд и гарантирующих высокую престижность социального положения после отставки; систему государственного контроля за действиями государственных служащих, способную предупреждать и пресекать возможные нару-

шения и должностные злоупотребления с их стороны. [2, с.33]

В нашей стране карьера государственного служащего зачастую лишена четких ориентиров. Система классовых чинов должна быть понятна и соответствовать определенной должности. Также необходимо, чтобы соблюдался комплекс социальных гарантий, соответствующих каждому классному чину, а денежное содержание, соответствующее каждому классному чину, выплачивалось независимо от занимаемой должности. Отсутствие вышеперечисленных предпосылок, как показывает отечественный опыт, а также практика государственного управления в зарубежных государствах неминуемо ведет к постепенному разрушению и деградации государственного аппарата.

В настоящее время, к сожалению, необходимо констатировать, что в России вышеперечисленные условия, необходимые для эффективного функционирования государственной службы, а также предупреждения и пресечения коррупции в ее системе, практически отсутствуют, а в тех сферах, где все же имеются, применяются крайне неэффективно.

Реализация данных нормативных правовых актов — дело ближайшей перспективы, поэтому будет вполне уместным обратиться к зарубежному опыту.

Как уже указывалось, одним из эффективных правовых средств предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы является институт аттестации. Это обусловлено тем, что определение качеств, которыми обладает «государственный» человек, во все времена оставалось непременным атрибутом технологии власти и управления. [2, с.44] Имеющаяся нормативная правовая база по вопросу проведения аттестации государственных служащих, а также сложившаяся практика ее осуществления не в полной мере отвечают современным требованиям. Так, в нормативных правовых актах недостаточно точно определены цели аттестации как комплексного процесса мотивации персонала организации, не всегда учитываются изменения в действующем законодательстве о государственной службе, практически не используются возможности независимых экспертов при проведении аттестации государственного служащего. [4, с.28]

Помимо этого, проблемы, связанные с аттестацией государственных служащих, необходимо рассматривать без отрыва от политики отбора персонала на государственные должности. Как показывают многочисленные выборы, избранный руководитель чаще всего ведет за собой во власть людей, не подготовленных для государственной службы. Они остаются специалистами различных областей управления. В зарубежных государствах особое внимание уделяется формированию высшего слоя государственных служащих. В США, Великобритании, Франции, Германии и некоторых других странах этот слой формируется в основном не за счет «естественного» отбора из всей массы чиновников, а путем целенаправленного выращивания молодых кадров, специально предназначенных для

вхождения в элиту [5, с.131]. Путь вверх начинается со сложных экзаменов, к которым допускаются лица определенного возраста (как правило, до 30 лет), имеющие высшее образование. Основную массу отобранных таким образом кандидатов традиционно составляют выпускники нескольких ведущих учебных заведений страны. [6, с.48]

Подготовка высококвалифицированных кадров для государственной службы в странах Запада имеет вековые традиции. Так, еще Наполеон призывал открыть государственную службу для самых одаренных людей. Именно в период его правления сформировались прочные традиции французской бюрократии.

Система отбора и подготовки государственных служащих в зарубежных государствах (США, Великобритания, Франция, Германия), их высокий социальный статус, защищенность от политического произвола, та важная роль, которую они играют в деле регулирования социально-экономических процессов, происходящих в обществе, способствуют формированию в этом слое элитарной морали. Ее составной частью является своеобразное чувство избранности и ответственности за состояние общества, культ управленческого профессионализма, прагматизма и трудолюбия. Слой чиновников в вышеперечисленных государствах относительно свободен от коррупции и партийных распри и служит стабилизатором системы государственного управления в периоды политических неурядиц.

Одним из основных принципов государственной службы в странах Запада является принцип материального стимулирования государственных служащих. Обращаясь к российской действительности, приходится констатировать, что государство несправедливо и пренебрежительно относится к абсолютному большинству своих чиновников. Государственные служащие зачастую чувствуют себя политически и социально незащищенными. Между тем за эффективно работающий государственный аппарат обществу необходимо платить достаточно высокую цену. [7, с.30]

Необходим целый комплекс правовых и организационных мероприятий в этой сфере. Крайне важно настойчиво и целенаправленно формировать эффективную государственную систему социального обеспечения государственных служащих. Данная система могла бы включать в себя следующие гарантии: невысокую вероятность увольнения с государственной службы в связи со сменой политического руководства, достойную пенсию, продолжительный отпуск и иные социальные льготы, нередко отсутствующие в негосударственных организациях. Серьезным дополнительным стимулом может служить в некоторых случаях возможность получения после выхода в отставку высокооплачиваемой работы в коммерческих организациях.

В отечественном законодательстве о государственной службе было бы вполне оправданным предусмотреть определенную возможность для незначительной, менее оплачиваемой категории государственных служащих со-

вмещения в той или иной форме основной работы с участием в некоторых коммерческих организациях, не имеющих прямого или косвенного отношения к их служебной деятельности. Для большинства государственных слу-

жащих запрет на такое участие должен быть сохранен. Несомненно, круг должностей, входящих в ту или иную группу, нуждается в детальной проработке и требует специального исследования.

Литература:

1. Шукин, А. В. Противодействие коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации — задача общая // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 4. — с. 2–4.
2. Шнитенков, А. В. Обычный подарок для служащего: проблемные вопросы законодательной регламентации // Юрист. 2013. № 9. — с. 33–36.
3. Шабалин, В. А. Политика и преступность // Государство и право. 2012. № 4. — с. 44–48.
4. Цирин, А. М. Формирование институциональной основы противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти // Журнал российского права. 2012. № 3. — с. 28–33.
5. Лобанов, В. В. Служба высших руководителей в США // Государство и право. — 2010. № 6. — с. 131–135.
6. Шишкарев, С. Н. О содержании и дефинициях коррупционных правонарушений // Закон и право. 2013. № 4. — с. 10–14.
7. Кузьминов, Я. И. Механизмы коррупции и их особенное проявление в государственном аппарате. — М.: Материалы научно-практической конференции института МВФ РФ, 2012. — с. 30–35.

Право на смерть. Перспективы легализации эвтаназии в Российской Федерации

Моисеева Евгения Юрьевна, студент
Новосибирский государственный университет

Двадцатое столетие не только ознаменовано высочайшими достижениями в науке, однако и фундаментальным переосмыслением того, что же представляет из себя тело человека и каков его статус, каковы пределы физической свободы каждого. По сути, мир переходит в реалии новой социально-правовой парадигмы. Желания человека в подходящий момент своей жизни осознанно уйти от страданий, совершенствовать/ изменять свой организм медико-агрегатными инструментами, воссоздать свое существо путем клонирования либо моделировать собственное тело в неметрической форме объективного существования и т.д. породили новое правовое явление — соматические права человека (от греч. Soma-тело). Данные правопритязания человека на свободное распоряжение своим телом возникли не только в последние два столетия: специфические вопросы относительно права человека гомосексуальные контакты, проституцию, стерилизацию интересовали правовую науку давно, однако в силу своей специфики всегда находились вне закона, вне социума и его морально-этических устоев.

Актуальность проблемы соматических прав человека и гражданина обусловлена тем, что отсутствие их законодательного закрепления ведет к нарушению иных прав, прямо предусмотренных Конституцией РФ. Развитие НТР никогда не остановится, следовательно, будут возникать иные способы медико-агрегатного реконструирования тела человека, будут появляться иные методы трансплантации биообъектов и т.д., а значит, никогда не

отпадет потребность людей в законодательном регулировании данных видов общественных отношений. Впервые понятие соматических прав в юридический оборот ввел Красс В. И. в начале XXI в. «Среди правопритязаний личности, представляющей человечество на рубеже третьего тысячелетия от Рождества Христова, можно выделить особую группу таких, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом... Сюда можно отнести права на смерть, изменение пола, гомосексуальные контакты, трансплантацию органов, употребление наркотиков и психотропных средств, право на искусственное репродуктивное, стерилизацию, аборт, право на клонирование, а затем и виртуальное моделирование, в смысле полноправного утверждения (дублирования) себя в нематериальной форме объективного существования. Права эти, имеющие сугубо личностный характер, предлагается определить как «соматические права» [6, с. 43]. Анализируя доктринальные взгляды, можно прийти к выводу о том, что в узко-юридическом смысле под соматическими правами следует понимать признанную обществом и государством возможность определенного поведения, выражающегося в полномочиях по распоряжению человека своим телом. Необходимо отметить, что сегодня в Российской Федерации не сложился оптимальный механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина. Более того, некоторые соматические права вообще не получили

своего законодательного закрепления. В данной статье хотелось бы коснуться одной из злободневных тем в Российской Федерации — легализации права на эвтаназию.

Понятие «эвтаназия» является одним из проявлений «права на смерть». Эвтаназия (греч. *euthanasia*; *eu* — хорошо, *thanatos* — смерть) интересуют правоведов с давних пор. Еще в 1918 году известный российский юрист А. Ф. Кони писал: «Где нет возможности совершенно прекратить страдания, не прерывая нити жизни, допустимо с нравственной точки зрения участие врача в успокоении больного навеки» [5, с. 69]. Право на смерть не вошло в систему естественных прав человека и гражданина, обычно рассматривается в контексте права на жизнь, гарантированное ч. 1 ст. 20 Конституции РФ. Общеизвестным является тот факт, что право на жизнь занимает центральное место в системе соматических прав человека. Жизнь возникает вне государственных влечений и институтов. Она дается человеку природой, но никогда — государством и властью. Общество и государство обязаны уважать и защищать эту ценность, которая приоритетна над другими. Н. Н. Алексеев удачно заметил, что «юридическая норма не обладает способностью производить на свет живые существа» [1, с. 151]. Положения о праве на жизнь провозглашены и закреплены всеми важнейшими международно-правовыми документами по правам человека. Так, в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека констатируется, что «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» [2, с. 8]. В ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах сказано: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни» [9]. Связь права на жизнь и запрета произвольного ее лишения подчеркивается и в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и т.д. Содержание права на жизнь включает два основных элемента: право на неприкосновенность жизни и на свободное распоряжение своей жизнью. Все запреты, касающиеся двух этих элементов, являются не конституционными. Право на жизнь, с точки зрения позиции права, представляет собой меру возможного поведения, предусмотренную законом. Это значит, что человек может и отказаться от этого права, что, по сути, означает существование права на смерть. Современное российское законодательство не закрепляет право гражданина на смерть как естественное право человека; складывается впечатление, что законодатель игнорирует его. По словам А. Н. Красикова, «право на смерть — это такое же естественное право человека, как и право на жизнь, а эвтаназию следует рассматривать как разновидность реализации человеком права на смерть» [4, с. 71]. Необходимо отметить, что право на смерть складывается из двух составляющих: право на суицид и право на эвтаназию. Сегодня вопрос о легализации эвтаназии в РФ стоит как никогда остро. Статистика инкурабельных больных по всей стране достаточна велика. Так директор Евразийской фе-

дерации онкологов Сомасундарам Субраманиам отмечает, что в 2009 г. В России умерло 183 тысячи человек (терминальных пациентов), нуждающихся в купировании боли [10]. С каждым годом этот показатель возрастает. А значит, и потребность больных граждан в легализации эвтаназии существует. Первоначально необходимо разобраться с тем, что же такое эвтаназия. Современная наука подходит к тому, что эвтаназия — это акт медицинского вмешательства, производимый по просьбе безнадежно больного пациента с целью избавления его от физических и моральных страданий легким ускорением смерти какими-либо действиями или средствами [4, с. 71]. Существует несколько видов эвтаназии:

1) активная, осуществляемая путем действия — введения лекарственных средств, приводящих в быстрой и легкой смерти; 2) пассивная, осуществляемая путем воздержания о совершения определенных действий, поддерживающих жизнь больного (отказ от жизненно необходимого медикаментозного или аппаратного лечения и т.д.).

Хотелось бы согласиться со словами с. Тасакова, который еще в 2003 году отметил, что отсутствие законодательного акта, разрешающего эвтаназию, унижает достоинство граждан в РФ. Сегодня ряд отечественных ученых открыто заявляют о том, что эвтаназия — это капитуляция медицины, когда медперсонал, якобы не хочет дальше бороться за жизнь больного. Хороший ответ данному аргументу приготовили Ю. А. Дмитриев и Е. В. Шленева: «Если государство, в лице органов здравоохранения, не в состоянии облегчить мучения больного и попытаться приблизить качество его жизни к достойным условиям, отказ от эвтаназии может рассматриваться как применение к человеку пыток, насилия, жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения, что запрещается статьей 21 Конституции РФ» [3, с. 58]. Следовательно, представляется разумным, что запрет эвтаназии унижает достоинство тяжело больных людей, а в целом, и положения ст. 7 Конституции РФ, провозглашающей РФ социальным государством, в котором создаются необходимые условия для обеспечения **достойной жизни** человека и гражданина.

Следует проанализировать несколько норм действующего законодательства в области здравоохранения с целью выявления явных правовых коллизий: ст. 19 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [11] закрепляет возможность отказа пациента от медицинского вмешательства: гражданин или его законный представитель имеет право на отказ от лечения, а значит, можно положения данной нормы возможно рассматривать, как существование пассивной эвтаназии в РФ. Статья раскрывает диспозитивность поведения управомоченного лица, так называемую «свободу воли»: человек может остаться жить, а может и отказаться от лечения, во многих случаях, это означает, что он умрет. Но ст. 45 тех же Основ, накладывает ограни-

чения на применение, как активной, так и пассивной эвтаназии, в частности ограничением является пассивная эвтаназия — прекращение мер, по искусственному подержанию жизни больного. Это право, которое предоставляется пациенту вне зависимости от смертельного заболевания, основывается на понимании того, что любое вмешательство есть вторжение в область личной свободы и, соответственно, должно основываться на личном волеизъявлении гражданина. Вышеуказанная статья, помимо прочего, нарушает право человека на свободное распоряжение своей жизнью, которое является составной частью права человека на жизнь, провозглашённое ст. 20 Конституции РФ. Представляется абсурдным наличие ситуации, когда теоритическое (и декларируемое всеми) право распоряжаться собственной жизнью на практике практически не реализуется. А право на жизнь, по сути, превращается в обязанность жить.

Анализ литературы, касающейся данной проблемы приводит к выводу, что аргументы в пользу легализации эвтаназии сводятся к следующему:

- 1) эвтаназия — как проявление реализации права человека на жизнь;
- 2) законодательно пациент имеет право отказываться от лечения;
- 3) пациент имеет право на облегчение страданий всеми имеющимися в распоряжении медицинских работников средствами и, нередко, отдаёт предпочтение «легкой» смерти, а не мучительным страданиям, нестерпимым болям, утрате человеческого облика;
- 4) запрещение эвтаназии — это ограничение прав неизлечимо больных людей, толкающее их на самоубийство.

Мировой опыт легализации данного института является крайне интересным.

Первой страной в Европе, которая декриминализовала эвтаназию была Голландия, в которой еще в 2001 году верхняя палата парламента приняла закон, который освобождал врачей от уголовной ответственности за данную процедуру. По некоторым данным, эвтаназия в Голландии осуществляется с 1984 года, однако она находилась на нелегальном положении, когда врачи по просьбе тяжело умирающих больных или по просьбе их родственников, умерщвляли их. Только в 2000 г. в Голландии было 2123 официально зарегистрированных случая эвтаназии, из которых 1893 — на последних стадиях рака; в 2005 г. их количество возросло до 4300 случаев [4, с. 105]. По этому закону граждане с 16 лет в праве самостоятельно определить право и способ ухода из жизни. Хотелось бы сказать, что и в Голландии эвтаназия применима в исключительных условиях, так законодатель Голландии специально оговаривает, что активная эвтаназия допускается в строго определенных случаях. Институт эвтаназии сегодня легально существует и в Бельгии. По официальным данным, с сентября 2002 г. уже более четырехсот граждан Бельгии ушли из жизни при помощи эвтаназии. В феврале 2014 г. В Бельгии была официально

разрешена детская эвтаназия. Эксперты утверждают, что данный вид эвтаназии может затронуть небольшой процент инкурабельных юных больных в Королевстве [7]. Интересным является опыт США: в июне 1997 г., после полугода дебатов, Верховный суд постановил, что американцы не имеют конституционного права на смерть с помощью врача, но, с другой стороны, самоубийство с помощью врача не противоречит Конституции [4, с. 100]. По решению суда каждый штат должен рассматривать эту проблему самостоятельно и либо разрешить эвтаназию, либо запретить ее. В некоторых странах существует легализованная пассивная эвтаназия: Франция, Швейцария, Австралия и т.д. Всего 40 стран.

Представляется, что Российской Федерации как демократическому и социальному государству в целях создания условия для реализации и защиты прав тяжелобольных необходимо принять Федеральный закон «Об эвтаназии в Российской Федерации», который бы легализовал все виды эвтаназии. Необходимо выделить условия, при которых право на эвтаназию должно быть реализовано:

1. Неоднократно подтвержденная различными специалистами невозможность существующими способами и методами вылечить больного.
2. Сознательная, настойчивая, неоднократная просьба больного о проведении эвтаназии либо просьба представителей, инкурабельного (в т.ч. коматозного) больного
3. Достаточное и достоверное информирование такого больного либо его представителей лечащим врачом относительно прогноза заболевания для его здоровья и жизни.
4. Подтверждение консилиумом врачей-специалистов диагноза неизлечимого заболевания, невозможности спасения жизни или облегчения страданий больного.
5. Информирование родственников больного о его решении по поводу эвтаназии.
6. Вынесение решения суда о возможности проведения эвтаназии либо разрешение прокурора. Факт и способ осуществления эвтаназии должны быть указаны в медицинской документации, в зависимости от усмотрения врачебного консилиума.

Российской Федерации как демократическому и государству следовало бы обратиться к опыту зарубежных стран, где существует легализованная эвтаназия, для реципирования этого института, в целях создания юридического механизма реализации и защиты данного вида соматического права. Именно эвтаназия является одним из инструментов всеми провозглашённого конституционного принципа, закрепляющего право каждого на достойную жизнь. Хотелось бы согласиться с некоторыми авторами, которые утверждают о том, что запрет смертельно больным людям, испытывающим каждодневные страдания, которые невозможно ослабить даже сильнодействующими анестетиками и наркотиками, является применением, по сути, пыток к данной категории лиц. Коллизия отечественного законодательства, существу-

ющая уже на протяжении долгого времени, не позволяет инкурабельным больным — гражданам РФ полноценно реализовывать свои конституционные права, что при-

водит к нарушению их прав и законных интересов, а самое главное — приносит как физические, так и нравственные страдания.

Литература:

1. Алексеев, С. С. Теория права. М., 1994. 315 с.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А) от 10.12.1948// «Российская Газета», 05.04.1995, № 67.
3. Дмитриев, Ю. А., Шленева Е. В. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии//Государство и право.2002. № 11. с. 58–62
4. Капинус, О. С. Эвтаназия в свете права на жизнь / О. С. Капинус. — М.: Камерон, 2006. 479 с.
5. Кони, А. Ф. Избранные труды. М.: Из-во Ю-райт, 2000. 256 с.
6. Крусс, В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении. К постановке проблемы//Государство и право. 2000. № 10.С.43.
7. Медицина Бельгии: [Электронный ресурс]: Бельгия одобрила детскую эвтаназию.URL: <http://www.utro.ru/articles/2014/02/14/1175485.shtml> (дата обращения 20.01.2015)
8. Медицина...: [Электронный ресурс]: Терапевтическое клонирование.URL: <http://orientir.ru/Article/View/2736> (дата обращения 27.01.2015)
9. Международный Пакт о гражданских и политических правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН) от 19.12.1966// «Бюллетень Верховного Суда РФ» от 5.12.1994, № 12
10. Российские эксперты призвали коллег объединиться для защиты инкурабельных больных... [Электронный ресурс]: По информации хирурга-онколога, директора Евразийской федерации онкологии **Сомасундарама Субраманиана**. URL: http://old.hmgma.ru/press/detail.php?ID=768&IBLOCK_ID=1 (дата обращения 02.02.2015)
11. Федеральный закон от 21.11. 2011 № 323-ФЗ (ред. От 28.12.2013) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»//«Российская газета», 2011, № 5939
12. Чиркин, В. И. Конституционные личные права человека и гражданина: Россия и зарубежные страны// «Гражданин и право», 2010, № 1. С.15–17.

Помилование как акт милосердия верховной власти

Мокина Мария Николаевна, магистрант
Тюменский государственный университет

Помилование — акт верховной власти, полностью или частично освобождающий осужденного от наказания либо заменяющий назначенное ему судом наказание более мягким. Законодательного определения понятия «помилование» нет. Акты помилования имеют всегда индивидуальный характер, то есть они принимаются в отношении конкретного лица или нескольких определенных лиц.

Ключевые слова: помилование, амнистия.

Каждый человек имеет право на ошибку, но иногда эта ошибка может стать роковой, она может унести многие годы жизни, радости, может разрушить семью, сломать судьбы людей.

Помилование — это акт милосердия верховной власти, это в какой-то степени шанс выбраться и встать на путь исправления, а для кого-то — это дорога в новую жизнь с чистого листа.

Актуальность исследования вопросов амнистии и помилования заключается в том, что амнистия и помилование — это определенная правовая возможность смягчения назначенного наказания или же полного освобождения от уголовной ответственности для лиц, совер-

шивших преступление. В соответствии с принципом справедливости каждое лицо, совершившее преступление должно понести соответствующее наказание. Акты амнистии и помилования создают определенный дисбаланс освобождая от уголовной ответственности и наказания преступников. Поэтому порядок принятия таких актов должен строго соответствовать законодательству.

Помилование — это акт высшего должностного лица Российской Федерации, полностью или частично освобождающий конкретное лицо от наказания либо заменяющий его более мягким [9].

А. Корецкий определяет помилование как исключительную меру, «которая, в отличие от условно досрочного

освобождения, может применяться лишь в единичных случаях, при возникновении исключительных обстоятельств, связанных, как правило, с позитивными поступками осужденного. К лицам, осужденным за убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, терроризм, бандитизм, похищение человека, помилование может применяться только при наличии исключительных обстоятельств, например героизм осужденных на пожаре, при котором получены ожоги и т. д». [2, с.42].

«Под помилованием подразумевается погашение всего или части наказания волей государственной власти, объявленной по отношению к данному конкретному случаю. Уголовный закон есть выражение воли общественной власти, приговор судебный — ее осуществление в конкретном случае. Но если общественная власть в виду обстановки данного дела высказывает иную волю, то выраженная законом воля отпадает, наказание не применяется, а применимое отменяется. Таково формальное основание права помилования: воля, высказанная раньше, отменяется позднейшим ее выражением. Новая воля может быть рассматриваема как новый закон для частного случая, мягчайший для совершившего преступление», — писал И. Я. Фойницкий [2, с.44].

Позицию известных русских ученых юристов разделяют современные ученые. Так, Н. И. Ветров считает помилование актом милосердия верховной власти, одним из видов освобождения лица от отбывания наказания, сокращающим его или заменяющим более мягким, либо снимающим судимость.

А. с. Михлин пишет: «Помилование — это не только акт милости, это еще и акт доверия. Если мы доверяем осужденному, если мы его освобождаем от наказания, смягчаем его положение, то он должен искупить свою вину честным трудом и уж, по крайней мере, не совершать новых преступлений. А если он совершает новое преступление, значит, мы должны признать, что помилование было ошибочным, и он оказанного доверия не оправдал». В. Ю. Тычинский отмечает: «Помилование — это акт государственного прощения, осуществляемый Президентом Российской Федерации в отношении индивидуально определенного лица, совершившего преступление, но раскаявшегося в его совершении или утратившего общественную опасность» [2, с.45].

Известный русский юрист Н. с. Таганцев констатировал, что помилование как акт прощения преступника исходит непосредственно («единственно») от верховной самодержавной власти и может быть лишь действием монаршего милосердия. В этой констатации факта применения помилования царем (императором) заключался глубокий идеологический смысл: лишь монарх мог обладать не только полномочиями по помилованию преступника, но и только ему присущими высшими степенями милосердия и гуманизма.

В советский период развития России помилование применяли суды (1917–1920 гг.), органы законодательной власти (1920–1990 гг.) и с 1991 года — Президент Рос-

сийской Федерации. При всем развитии, которое прошло человечество в целом и Россия в частности, идеологическая составляющая помилования осталась и по сей день. Институт помилования (в особенности с надлежащей практикой его применения) должен способствовать повышению авторитета руководителя государства, демонстрируя его принципиальность и государственный прагматизм, с одной стороны, человеколюбие и милосердие, с другой. В этом заключается один из аспектов социально-правового назначения института помилования как субинститута государственного права [3, с. 24].

В законодательстве понятие помилования отсутствует. Оно не дается ни в Конституции Российской Федерации, ни в других законодательных актах. Не было его и в Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г., Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1991 г. В Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 г. раскрывается лишь общий смысл указанного института (статья 85):

«1. Помилование осуществляется Президентом Российской Федерации в отношении индивидуально определенного лица.

2. Актом помилования лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания либо назначенное ему наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания. С лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость» [6, с. 36].

Таким образом, помиловать значит смягчить либо совсем отменить наказание, к которому приговорили обвиняемого; простить кому-либо вину, проявить снисхождение к кому-либо. Помилование в свою очередь — это акт прощения со стороны главы государства в отношении лица, осужденного за совершение преступления при наличии уверенности в том, что данное лицо не совершит иное новое преступление, кроме того, с учетом личности осужденного и потерпевшего, семейного положения осужденного, состояния его здоровья, иных обстоятельств, свидетельствующих о целесообразности применения акта помилования.

Помилование имеет много общих черт с амнистией (см. комментарий к ст. 84 УК РФ). Однако, будучи самостоятельными правовыми институтами, помилование и амнистия существенно различаются по своей юридической природе, основаниям и порядку применения.

В соответствии с п. «в» ст. 89 Конституции РФ помилование осуществляется Президентом Российской Федерации [7], в то время как издание актов об амнистии согласно п. «ж» ст. 103 Конституции РФ отнесено к ведению Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [8].

Кроме того, статья 85 УК РФ, воспроизводя положение Конституции РФ об осуществлении помилования Президентом Российской Федерации, конкретизирует его указанием на то, что помилование применяется в отношении

индивидуально определенного лица. В отличие от помилования амнистия объявляется в отношении индивидуально не определенного круга лиц (ч. 1 ст. 84 УК РФ) [6, с. 36].

Как и амнистия, помилование представляет собой комплексный, межотраслевой институт, который включает нормы не только уголовного права, но и конституционного, уголовно-исполнительного и административного права.

В соответствии с п. 3 ст. 50 Конституции РФ инициатива о помиловании может исходить только от осужденного за преступление (акты об амнистии принимаются по инициативе органов государственной власти) [9].

В отличие от амнистии помилование может осуществляться только в отношении лиц, осужденных за совершение ими преступлений. Актом об амнистии лица, совершившие преступления, могут быть также освобождены от уголовной ответственности. Согласно ч. 2 ст. 85 УК РФ акт о помиловании может содержать следующие решения:

- об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания;
- о сокращении назначенного наказания;
- о замене назначенного наказания более мягким видом наказания;
- о снятии судимости.

В правоприменительной практике встречаются случаи замены актом помилования назначенного наказания условным осуждением. Представляется, что это выходит за рамки ч. 2 ст. 85 УК РФ. Поскольку подобные решения подсказаны потребностями жизни, целесообразно внести соответствующие изменения в данную статью [9].

Таким образом, необходим взвешенный, сугубо индивидуальный подход в каждом случае применения актов помилования, особенно к осужденным к исключительной мере наказания. Чрезмерно широкое применение актов помилования способно негативно сказаться на стабильности судебных приговоров.

Литература:

1. Брагин, А. П. Российское уголовное право: учебно-практическое пособие / А. П. Брагин. — М.: Изд. Центр ЕАОИ, 2011. — 688 с.
2. Гришко, А. Я. Амнистия. Помилование. Судимость / А. Я. Гришко, А. М. Потапов. — М.: Университетская книга; Логос, 2009. — 272 с.
3. Саженов, Ю. В., Селиверстов, В. И. Правовые проблемы помилования в России: учебное пособие / Ю. В. Саженов, В. И. Селиверстов. — 3-е изд., доп. — М.: ИД «Юриспруденция», 2011. — 167 с.
4. Уголовное право России. Общая часть. Учебник. 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЗАО Юстицинформ, 2010. — 496 с.
5. Правоведение / под ред. Ю. Крохина. — М.: Студенческая наука, 2012. — Ч. 2. Сборник студенческих работ. — 2121 с. — (Вузовская наука в помощь студенту). — ISBN 978-5-906419-80-4; То же [Электронный ресурс]. — URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=214512> (24.03.2015).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 15 октября 2014 г. — Москва: Эксмо, 2014. — 208 с.
7. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/popular/cons/1_4.html#p647 (29.03.2015).
8. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/popular/cons/1_5.html (29.03.2015).
9. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В. А. Вайпан, В. П. Ревин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юстицинформ, 2010. — 496 с. — ISBN 978-5-7205-0979-8; То же [Электронный ресурс]. — URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=120683> (24.03.2015).

Развитие коррупционной преступности: историко-правовой аспект

Нефедова Виктория Владимировна, магистрант;
Агаджанян Эдуард Михайлович, кандидат исторических наук, доцент
Ессентукский институт управления, бизнеса и права (Ставропольский край)

Коррупционная преступность известна человечеству с глубокой древности. Появление данного явления неизбежно связано с классовой организацией общества, образованием государства и права, следствием чего стало появление группы людей, выполняющих властные

функции. «... Известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет определенного предела» [1, с. 56]. До нас дошло выражение короля Македонии Филиппа II о том, что «не существует

таких высоких крепостных стен, через которые бы невозможно было перебраться ослу, навьюченному золотом» [2, с.46].

Первое упоминание о коррупционных проявлениях в системе государственной службы, нашедшее отражение в древнейшем из известных человечеству памятнике государственности — архивах Древнего Вавилона, — относится ко второй половине XXIV в. до н.э. В эпоху шумеров и семитов Царь Лагаша (древнего города — государства в Шумере на территории современного Ирака) Урукagina реформировал государственное управление с целью пресечения злоупотреблений своих чиновников и судей, а также уменьшения вымогательства незаконных вознаграждений у храмового персонала со стороны царской администрации, уменьшения и упорядочения платежей за обряды [3, с.94]. Упоминается о коррупции чиновников и в знаменитых законах Хаммурапи [4, с.5].

Достаточно обширные сведения о коррупции содержатся в античном наследии. Величайшие древнегреческие философы Платон и Аристотель в своих работах неоднократно упоминали о разлагающем и разрушающем воздействии злоупотребления властью и взяточничества на экономическую, политическую и духовную жизнь общества.

При переводе трудов Аристотеля на английский язык обычно «неправильная», «выродившаяся» форма правления переводится как «соггирт» [6, с.14]. Борьбу с коррупционной преступностью Аристотель рассматривал как основу обеспечения государственной стабильности: «Самое главное при всяком государственном строе — это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться»; «Только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными» [7, с547].

Некоторые из рекомендаций Аристотеля были реализованы в практике древних Афин, что было отмечено позже Гегелем: «В Афинах существовал закон, предписывающий каждому гражданину отчитываться, на какие средства он живет; теперь же полагают, что это никого не касается» [8, с.269].

В римском праве термин «соггипреге» означал разламывать, портить, повреждать, фальсифицировать показания, но в то же время и подкупить судью (претора). Содержится упоминание о коррупционной преступности и в величайшем памятнике римского права — Законах двенадцати таблиц: «Таблица IX. 3. Авл. Геллий, Аттические ночи, XX.17: Неужели ты будешь считать суровым постановление закона, карающее смертную казнью того судью или посредника, которые были назначены при судоговорении для разбирательства дела и были уличены в том, что приняли денежную мзду по этому делу?». [9, с.93]

В Средние века понятие «коррупция» имело прежде всего каноническое значение. «Соггиптибилитас» — означало брэнность человека, подверженность разрушению, но отнюдь не его способность брать и давать взятки.

В частности, одно из первых письменных упоминаний о посулах как незаконном вознаграждении княжеским местникам относится еще к концу XIV века. Соответствующая норма была закреплена в так называемой Двинской уставной грамоте (Уставная грамота Василия I), а позже уточнена в новой редакции Псковской Судной грамоты.

Распространенность мздоимства и лихоимства (взяточничества) в России была столь значительной, что по Указу Петра I от 25 августа 1713 года и позднейшим «указонениям» лихоимцам была определена в качестве наказания смертная казнь [10, с.89]. По историческим данным были казнены за взяточничество сибирский губернатор князь Матвей Гагарин, обер-фискал (Главный прокурор) Алексей Нестеров, и на этом список видных деятелей чиновничьего аппарата погрязших в коррупции еще далеко не заканчивался.

Весьма любопытна как одна из первых попыток борьбы с коррупционной преступностью направленная императору Николаю I записка «Высочайше учрежденного Комитета для соображения законов о лихоимстве и положения предварительного заключения о мерах к истреблению сего преступления», относящаяся к августу 1827 года. В этом документе с исключительной скрупулезностью рассматриваются причины распространения коррупционных преступлений в государственном аппарате, дается классификация форм коррумпированного поведения, предлагаются меры по противодействию данному явлению.

В частности, среди основных причин упоминаются «редкость людей истинно правосудных», «склонность к любостыжанию, самим устройством жизни непрестанно раздражаемая и никакими действительными препонами не стесняемая», низкий уровень окладов чиновников, которые «... не преподают никаких средств к приличному себя содержанию... не дают ни малейшей возможности за удовлетворением ежедневных жизненных потребностей уделить что-то на воспитание детей, на первое вспомоществование при определении их на службу, или хотя на малое награждение дочерей при выдаче в замужество». Это способствует тому, что врученную ему Правительством власть чиновник употребляет «в пользу корыстных видов, преступает во всех возможных случаях те законы, кои вверены его хранению, одним словом, побуждается лихоимство» [11, с.58].

Например, елизаветинский канцлер Бестужев-Рюмин получал за службу российской империи 7 тысяч рублей в год, а за услуги британской короне (в качестве «агента влияния») — двенадцать тысяч в той же валюте [12, с.62]. Есть документальные основания утверждать, что смена государственного строя и формы правления в октябре 1917 г. не отменила коррупционную преступность как явление, но зато сформировала лицемерное отношение к ней, немало способствовавшее укоренению мздоимства и лихоимства (как выражались предшественники большевиков) в новой административной среде.

Декрет СНК «О взяточничестве» [13] от 8 мая 1918 г. стал первым в Советской России правовым актом, пред-

усматривавшим уголовную ответственность за взяточничество (лишение свободы на срок не менее пяти лет, соединенный с принудительными работами на тот же срок). Интересно, что в этом декрете покушение на получение или дачу взятки приравнивалось к совершенному преступлению. Кроме того, не был забыт и классовый подход: если взяткодатель принадлежал к имущему классу и стремился сохранить свои привилегии, то он приговаривался «к наиболее тяжелым и неприятным принудительным работам», а все имущество подлежало конфискации. Суровость мер в борьбе с взяточничеством объяснялась тем, что большевиками оно рассматривалось не только как позорный и отвратительный пережиток старого общества, но и как попытка эксплуататорских классов подорвать основы нового строя [14, с.58].

Тем не менее, несмотря на суровость правовых мер воздействия к взяточникам, искоренить это явление не удалось, так и не были устранены основные причины его, многие из которых были обозначены еще в упомянутой выше записке российскому императору Николаю I. Даже во времена тоталитарного правления И. Сталина вирус коррупции не был истреблен, хотя, безусловно, следует признать, что модель сталинского квазисоциализма внешне казалась наименее коррумпированной.

Рациональный подход к изучению коррупционной преступности в СССР сформировался только в конце 80-х годов прошлого века. Рациональный подход к изучению

коррупции в СССР сформировался только в конце 80-х годов прошлого века. Результаты расследования в середине 80-х годов XX века уголовных дел в отношении партийной и советской элиты привели к осознанию того, что этот феномен присущ Советскому Союзу. Одним из первых официально признал существование в стране коррупционной преступности своим постановлением от 23 декабря 1989 г. № 976—1 «Об усилении борьбы с организованной преступностью» Съезд народных депутатов СССР. Констатировав факт сращивания преступных групп с коррумпированными должностными лицами, Съезд инициировал разработку комплекса мер по устранению причин и условий коррупционной преступности, теневой экономики и других сходных явлений, наметил конкретные шаги по противодействию коррупционной преступности. Указом Президента СССР от 4 февраля 1991 г. № УП-1423 [15] борьба с коррупционной преступностью возлагалась на специализированные подразделения МВД СССР.

Таким образом, нынешнее состояние России во многом обусловлено давно наметившимися тенденциями и переходным этапом, который и в других странах, находящихся в подобной ситуации, сопровождался ростом коррупционной преступности.

Сегодня аксиоматичным является статус коррупционной преступности как глобальной угрозы мировому порядку, одного из вызовов развитию человечеству в новом столетии.

Литература:

1. Монтескье Шарль Луи. О духе законов. Избранные произведения. — М.: Иней, 1955. — С.56.
2. Корчагин, А. Г., Иванов А.М. Сравнительное исследование коррупционных и служебных преступлений. — Владивосток.: Издательство «Тихий океан», 2001. — С.46.
3. Большая советская энциклопедия. Т. 27. — М.: Юридическая литература, 1977. — С.94.
4. Ванцев, В. А. Проблема легального определения понятия коррупции //Коррупция в России. Информационные и аналитические материалы. Выпуск. 3. — М.: Приор, 2001. — с. 5.
5. Карпович, О. Г. Коррупция в современной России. — М.: Юристь, 2009. — с. 14.
6. Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т. 4. — М.: Политика, 1983. — с. 547.
7. Гегель, Г. В. Ф. Философия права. — М: Мысль, 1990. — с. 269.
8. Бартошек, М. Римское право. Понятие, термины, определения. — М.: Юридическая литература, 1989. — С.93.
9. Ромашкин, П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. — М.: Госюриздат, 1947. — с. 89.
10. Есаков, Е. Г. Сборник документов по истории уголовного законодательства дореволюционной России. — М.: Госюриздат, 1962. — С.58.
11. Голованова, Е. И.. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI—XIX веков. Историко-правовое исследование. Автореферат диссертации кандидата юридических наук. — М.: Бек, 2002. — С.62.
12. Постановление СНК РСФСР «О зяточничестве» от 08 мая 1918 г. № 78 //Собрание узаконений РСФСР. 1928. № .25. Ст. 280. (утратило силу).
13. Каратуев, А.Г. Советская бюрократия: Система политико-экономического господства. — Белгород, 2003. — С.58.
14. Постановление СНД СССР от 23 декабря 1989 «Об усилении борьбы с организованной преступностью». Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий. Эпоха социализма. Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «История». Вып. 1. 1917—1920 гг /Под ред. В. З. Дробижева. — М.: Высшая школа, 1978. — С.261.
15. Дробижев, В. З.. Указ. соч. — С.58.

Должностные лица публично-правовых образований как специальный субъект преступления

Павлов Александр Александрович, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Брянский филиал

В статье описываются особенности должностных лиц публично-правовых образований как специальных субъектов преступления.

Ключевые слова: специальный субъект, должностное лицо, деликт, преступление, вред, публично-правовые образования.

This article describes the features of officials of public-law entities as special subjects of the crime.

Keywords: special subject, officer, tort, crime, harm, public legal education.

Содержание понятия деликта за последние десятилетия несколько изменилось. В начале XXI в. цивилисты рассматривают сферу применения деликтной ответственности значительно шире. По их справедливому мнению, она охватывает все случаи гражданской ответственности в силу наступления обстоятельств, прямо предусмотренных законом (при отсутствии договора).

Современный механизм возмещения вреда с участием государства установлен Гражданским кодексом РФ, а основания наступления деликтной ответственности предусматриваются не только ст. 1069, 1070, 1081 ГК РФ, но и другими федеральными законами, т.е. основания гражданско-правовой ответственности государства могут быть установлены как в гражданско-правовой, так и в публично-правовой сферах. Существенное расширение обязательств вследствие причинения вреда, особенности правовой формы свидетельствуют о появлении специальных составов деликтных правоотношений (субъектом которых является Российская Федерация и другие публичные образования).

Однако сам институт возмещения убытков или возмещения причиненного вреда независимо от сферы общественных отношений, где они возникли, имеет исключительно гражданско-правовую природу. Ключевым здесь является факт причинения «вреда», «ущерба», «убытков», т.е. имущественных потерь у гражданина или юридического лица, произошедших в результате противоправного поведения (органа власти, должностного лица, государственного или муниципального служащего) при осуществлении властной функции или полномочий. Обязательства из причинения вреда могут возникнуть в сферах государственного управления, правоохранительной деятельности, прокурорского надзора, судопроизводства и т.д. Возникает вопрос, институтом какой отрасли является специальный деликт, где исключительным субъектом деликвентного (от лат. *delinquens* — совершающий проступок, правонарушитель) поведения является Российская Федерация (ст. 16 ГК РФ). В литературе имеет место точка зрения, согласно которой отношения между органом или должностным лицом, причинившим

вред, и потерпевшим по своей природе не имеют отношения к гражданскому праву (и к любой отрасли частного права вообще). Это отношения публично-правовые по своей сути, в которых сторона, располагающая властью, обладает правом отдавать распоряжения другой стороне, которая обязана подчиняться и выполнять полученные распоряжения. [2, с. 23]

Из публично-правового происхождения рассматриваемого деликтного правоотношения следует вывод ряда ученых о том, что ответственность публично-правовых образований за вред, причиненный при осуществлении власти, носит публичный характер. Признавая важность постановки проблемы возмещения вреда, причиненного публично-правовыми образованиями, В.В. Попов рассматривает ее как комплексную по своей сути и не соглашается с выводом о ее публично-правовом характере. Он обращает внимание на ряд существенных черт, характерных для гражданско-правовой ответственности, — ее имущественный и компенсационный характер и ее происхождение из гражданско-правового деликта. Указанные признаки, делает вывод автор, позволяют говорить об этой ответственности как об ответственности деликтной, хотя и обладающей рядом специфических черт. И именно из-за этих специфических черт, привнесенных публично-правовым характером, породивших обязательство отношений, данный деликт можно признавать специальным (сингулярным). Деяние, причинившее вред, полагает автор, является одновременно гражданско-правовым деликтом и публично-правовым нарушением.

Соглашаясь с автором, что отношения, при осуществлении которых был причинен вред, имеют публично-правовую природу, мы тем не менее признаем обязанность возмещения причиненного вреда видом гражданско-правовой ответственности. По общему правилу основанием возникновения деликтного обязательства и одновременно юридическим фактом, порождающим соответствующее правоотношение, является вред, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица. Это — краеугольный институт науки гражданского права, исключающий возможность рассматри-

вать нормы, регулирующие деликтные правоотношения, в качестве структурного элемента иных отраслей права. Любое правонарушение, отмечает Л. С. Явич, является актом внешне объективированного характера и выражает отношение субъекта к реальной действительности, к другим людям или организациям. Асоциальность, общественная опасность или вредность составляют «материальное» содержание правонарушений как особого социального явления. [3, с. 263] По мнению М. Н. Марченко, деяние должно признаваться противоправным, если оно представляет собой неисполнение юридической обязанности или злоупотребление правом, т.е. если оно запрещено правом. [1, с. 628]

Противоправное поведение заключается в совершении запрещенного либо в несовершении предписанного действия. Отсюда две его возможные формы: противоправное действие и противоправное бездействие. Противоправность действия (бездействия) как одно из условий возникновения деликтной ответственности выражается в нарушении обязанным лицом и нормы права, и одновременно субъективного права управомоченного лица (кредитора), писал О. С. Иоффе, признававший, что «действие представляет собой наиболее типичный способ нарушения гражданских прав в области внедоговорных отношений».

В настоящее время действие как форма деликвентного поведения характерно преимущественно для генерального деликта. Для специального деликта возможны обе формы противоправного поведения: и действие, и бездействие, которые должны в полной мере зависеть от сознания и воли обязанного лица. При этом правонарушение совершается не просто деликтоспособным человеком, способным контролировать свою волю и поведение, а лицом, олицетворяющим государственную власть

(судья, прокурор, сотрудник полиции) или выполняющим функции управления или контроля в публичной сфере. Здесь не действует принцип генерального деликта о противоправности любого причинения вреда, если законом не установлено иное. Специальный деликт находится в причинно-следственной связи с правонарушением, совершенным специальным субъектом в ходе осуществления им публичной власти. Правонарушение — основа специального деликта. Факт противоправного поведения публичного образования (государственного органа, должностного лица) в связи с осуществлением им своей компетенции или полномочий должен доказать заявитель. Принцип генерального деликта о презумпции вины причинения вреда здесь не применяется. Презумпция вины причинителя вреда на основании ст. 1069, ч. 2 ст. 1070 ГК РФ не действует в отношении государственных органов и должностных лиц, следователей, прокуроров, дознавателей и судей.

Подводя итог, можно сказать, что специальные деликтные правоотношения (в контексте рассматриваемой проблемы) — это сложные правоотношения, урегулированные нормами гражданского права и предусматривающие механизмы восстановления имущественных и личных неимущественных прав и законных интересов граждан и юридических лиц в случаях причинения им вреда решениями, действиями (бездействием) государственных органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному нормативному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, должностных лиц, государственных или муниципальных служащих, а также в связи с осуществлением судьей функции правосудия. Судебная практика свидетельствует о сложной правовой природе специального деликта.

Литература:

1. Марченко, М. Н. Проблемы общей теории государства и права: Учебник: В 2 т. М., 2008. Т. 2. с. 628.
2. Бугаевская, Н. В. (Наталья Валентиновна). Должностное лицо как субъект преступления: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.08 — Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право / Н. В. Бугаевская; Науч. рук. А. А. Чистяков. — Рязань, 2003. — 23 с.
3. Явич, Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. с. 263, 265.

Организация работы районных судов в Российской Федерации

Погорелая Татьяна Игоревна, помощник судьи
Хорольский районный суд Приморского края

На сегодняшний день в нашей стране районный суд является наиболее востребованным органом судебной власти, поскольку к его компетенции отнесены и гражданские, и уголовные, и административные дела, которые

он может рассматривать как суд первой инстанции, так и как суд второй инстанции.

Районный суд создается федеральным законом в судебном районе, территория которого охватывает терри-

торию одного района, города или иной соответствующей им административно-территориальной единицы субъекта РФ. Он может быть создан также в судебном районе, территория которого охватывает общие (смежные) границы территории нескольких районов или иных соответствующих им административно-территориальных единиц субъекта РФ.

Длительное время в российской правовой практике районный суд воспринимался в качестве первого и основного звена судов общей юрисдикции, в который может обратиться любой гражданин или иной субъект за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав. Однако данное утверждение является правомочным лишь в отношении его полномочий в качестве суда первой инстанции, которые достаточно широки по отношению к иным органам данной ветви власти.

Основным видом деятельности районного суда выступает отправление правосудия в соответствии с требованиями, установленными действующими законодательными актами. В частности, он осуществляет рассмотрение дел в качестве суда первой и второй инстанции. Районный суд рассматривает все уголовные, гражданские и административные дела в качестве суда первой инстанции, за исключением дел, отнесенных федеральными законами к подсудности других судов. Деятельность в качестве суда второй инстанции предполагает пересмотр судебных актов в апелляционном и кассационном порядке. Однако ч. 4 ст. 34 ФКЗ «О судах общей юрисдикции в РФ» предусматривает, что районный суд рассматривает апелляционные жалобы, представления на решения мировых судей, действующих на территории соответствующего судебного района. Таким образом, закон констатирует ограниченность полномочий суда второй инстанции лишь возможностью обжалования не вступивших в законную силу судебных актов, принятых по существу спора мировыми судьями.

В субъектах РФ, где еще не назначены (не избраны) на должность мировые судьи, дела, относящиеся к их компетенции, рассматриваются судьями районных судов единолично.

Районный суд — это основное звено судебной системы Российской Федерации. Районные (городские) суды до создания мировых судов рассматривали более 90% гражданских и уголовных дел, отнесенных к компетенции судов общей юрисдикции, и дела об административных правонарушениях. Кроме того, районные (городские) суды на своей территории решают все вопросы, связанные с приведением в исполнение приговоров и решений, поступивших из военных и арбитражных судов, а также других правоохранительных органов.

Своим Постановлением от 29 апреля 1996 года N 1 «О судебном приговоре» Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал судам следующие разъяснения по поводу правильного и единообразного применения судами материального и процессуального законодательства при формировании текста приговора:

- приговор выносится именем государства;
- основывается лишь на тех доказательствах, которые были непосредственно исследованы в судебном заседании;
- при постановлении приговора должны получить оценку все рассмотренные в судебном заседании доказательства;
- обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства доказана виновность подсудимого;
- неустранимые сомнения в виновности подсудимого толкуются в его пользу;
- приговор должен состоять из следующих трех частей: вводной, описательной и резолютивной;
- отказ подсудимого от дачи показаний не может служить подтверждением доказанности его вины и учитываться в качестве обстоятельства, отрицательно характеризующего личность подсудимого при назначении ему вида и размера наказания;
- разбирательство дела в суде производится только в отношении подсудимых, поэтому в приговоре не должно быть формулировок, свидетельствующих о виновности в совершении преступления других лиц;
- в приговоре необходимо мотивировать выводы суда относительно квалификации преступления по отдельным статьям, частям и пунктам уголовного закона;
- всякое изменение обвинения в суде должно быть мотивировано в описательной части приговора;
- законом установлен исчерпывающий перечень оснований постановления оправдательного приговора (не установлено событие преступления; в деянии подсудимого нет состава преступления; не доказано участие подсудимого в совершении преступления);
- лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, вправе предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда, которая осуществляется в денежной форме независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда.

В соответствии со статьей 128 Конституции Российской Федерации судьи районных (городских) судов назначаются Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации, основанному на заключениях квалификационных коллегий и согласованному с законодательными органами государственной власти соответствующих субъектов Российской Федерации. Кандидаты в судьи районного суда до их назначения должны сдать квалификационный экзамен экзаменационной комиссии и получить рекомендацию от квалификационной коллегии судей.

Несмотря на наличие ограничения полномочий в части пересмотра судебных решений, закон относит к компетенции районного суда и иные полномочия, которые прямо предусмотрены действующим законодательством. Действующее законодательство, например, предостав-

ляет районному суду возможность обращаться в Конституционный Суд РФ. Районный суд вправе обратиться на основании ч. 4 ст. 125 Конституции РФ в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле. Он в соответствии с федеральным законом рассматривает дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Представляется закономерным и целесообразным не ограничивать сферу деятельности районного суда исключительно возможностью обращения в Конституционный Суд РФ, поскольку в его деятельности возникает потребность и необходимость направления соответствующего запроса и в конституционный (уставный) суд субъекта РФ при его наличии.

Законодательство предусматривает достаточно высокие требования к носителям судейской мантии (по сравнению с требованиями для лиц, замещающих депутатский мандат или должность в системе исполнительной власти). Общие конституционные предписания детализируются в Законе Российской Федерации от 26 июня 1992 года «О статусе судей в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

Общие требования к кандидату на должность судьи следующие:

- гражданство РФ;
- возрастной ценз — не моложе 25 лет;
- высшее юридическое образование;
- стаж работы по юридической профессии не менее 5 лет (под юридической профессией понимается любая деятельность, связанная с наличием юридического образования, — работа в качестве следователя, прокурора, адвоката, нотариуса, юрисконсульта, преподавателя, научного сотрудника и т.п.);
- отсутствие медицинских противопоказаний (кандидат проходит предварительное медицинское освидетельствование).

Судья обязан неукоснительно соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные конституционные законы и федеральные законы. Судья конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, мировой судья обязаны также соблюдать конституцию (устав) субъекта Российской Федерации и законы субъекта Российской Федерации.

Судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности.

В случае возникновения конфликта интересов судья, участвующий в производстве по делу, обязан заявить самоотвод или поставить в известность участников процесса о сложившейся ситуации.

Под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) судьи влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей и при

которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью судьи и правами и законными интересами граждан, организаций, общества, муниципального образования, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации, способное привести к причинению вреда правам и законным интересам граждан, организаций, общества, муниципального образования, субъекта Российской Федерации или Российской Федерации.

Под личной заинтересованностью судьи, которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей, понимается возможность получения судьей при исполнении должностных обязанностей доходов в виде материальной выгоды либо иного неправомерного преимущества непосредственно для судьи, членов его семьи или иных лиц и организаций, с которыми судья связан финансовыми или иными обязательствами.

Судья не вправе:

1) замещать иные государственные должности, должности государственной службы, муниципальные должности, должности муниципальной службы, быть третейским судьей, арбитром;

2) принадлежать к политическим партиям, материально поддерживать указанные партии и принимать участие в их политических акциях и иной политической деятельности;

3) публично выражать свое отношение к политическим партиям и иным общественным объединениям;

4) заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, в том числе принимать участие в управлении хозяйствующим субъектом независимо от его организационно-правовой формы;

5) заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме педагогической, научной и иной творческой деятельностью, занятие которой не должно препятствовать исполнению обязанностей судьи и не может служить уважительной причиной отсутствия на заседании, если на то не дано согласия председателя соответствующего суда (для мировых судей — председателя соответствующего районного суда, для председателей судов — президиумов соответствующих судов, а в случае отсутствия таких президиумов — президиумов вышестоящих судов). При этом педагогическая, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации или договоренностями на взаимной основе Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации с соответствующими судами иностранных государств, международными и иностранными организациями.

Развитие и пути совершенствования судов общей юрисдикции, а именно звена районных (городских судов) должна быть, по моему мнению, связана информатизацией процесса организации работы суда.

Демократические преобразования российского государства, становление «информационного общества» непосредственно затронули и вопросы организации правосудия, обострили проблемы развития информационной сферы судебной системы: информационное обеспечение судов на фоне интенсивно меняющегося законодательства, открытость и прозрачность деятельности судов для общества, обеспечение оперативного доступа к правосудию. Можно также отметить возрастание угроз безопасности осуществления судебной деятельности, рост нагрузки на судей и аппарат судов, потребность в совершенствовании административного обеспечения деятельности судов и организации их эффективного информационного взаимодействия.

Вступление России в Совет Европы также выдвинуло ряд требований по реализации современных механизмов открытости правосудия и обеспечению европейских стандартов информационной сферы судопроизводства.

Все это предопределило одно из основных требований судебной реформы — развитие информационной сферы судебной системы РФ, а именно судов среднего звена (районных, городских судов общей юрисдикции)

Информатизация судов позволяет перевести многие информационные процессы на современную технологическую базу и тем самым изменить содержание и характер труда в судах. Благодаря автоматизации информационных процессов, главное звено судебной системы — судьи в значительной мере освобождаются от рутинных, трудоемких операций и могут основное время посвятить качественному, всестороннему и более полному изучению материалов судебных дел, подготовке судебных решений, изучению нормативных правовых актов, обобщению и анализу судебной практики, повышению собственной квалификации, обеспечению контроля за процессуальными сроками и действиями работников аппарата суда. Следует отметить и эффект повышения степени личной безопасности судей, работников аппаратов судов, участников судебных процессов.

При реализации административных процессов информатизация позволяет более равномерно распределять нагрузку судей и работников аппаратов судов, оперативно и достоверно проводить анализ организационно-управленческих проблем и вырабатывать эффективные меры их решения, снизить финансовые затраты на организацию и проведение судебных процессов, обеспечить контроль соблюдения процессуальных норм.

Информатизация судебной системы реализует новые механизмы доступности, открытости и прозрачности правосудия, прав граждан на судебную информацию, формирует новые схемы государственного и общественного управления, позволяет повысить уровень правовой защищенности человека. Распространение информации о ме-

ханизмах и процедурах судебной защиты прав и свобод человека и гражданина имеет первостепенное значение для построения правового государства. Особенно значима информация о судебной реформе, нововведениях в организации судопроизводства, изменениях в судебном процессуальных нормативных актах. Новые информационные технологии способствуют расширению прямых и обратных связей судебной власти и гражданского общества, более высокому уровню анализа информации о состоянии судебной реформы, делая более совершенным процесс принятия решений и контроль за их исполнением. [1]

Таким образом, использование современных информационных технологий в организации и обеспечении судебной деятельности изменяет структуру и динамику общественных отношений в информационной сфере судов, что в свою очередь требует совершенствования существующих и создания новых механизмов организационно-правового обеспечения информатизации судов общей юрисдикции. В своем диссертационном исследовании Чаплинский Владимир Алексеевич дал оценку анализу применения информационных технологий. Автор курсовой работы также согласен с данной точкой зрения.

Анализу применения информационных технологий в деятельности судов посвящено ограниченное число исследований. Они не в полной мере отражают практику применения компьютерных технологий и тенденции дальнейшего их использования.

В соответствии с проведенным анализом по функциональному назначению применения информационных технологий можно выделить следующие задачи в обеспечении и организации деятельности судов областного уровня: — автоматизация и рационализация отдельных трудовых операций в деятельности судей и работников аппарата судов, обеспечение научной организации труда, например: использование шаблонов при изготовлении процессуальных документов и текстов судебных решений, автоматизация лингвистической проверки текстов, печать документов и т.д.;

— комплексная автоматизация судебного делопроизводства: автоматизация регистрации дел и материалов, подготовка процессуальных документов, осуществление процессуальной переписки, планирование заседаний и использования залов судебных заседаний, передача дел в архив и т.п.;

— обеспечение административного управления деятельностью суда: оперативное получение сведений, анализ прохождения и состояния дел в суде (контроль процессуальных сроков), анализ загрузки и управление планами судей, автоматизация распределения судебных дел, автоматизация бухгалтерского учета и материально-хозяйственной деятельности, информационное обеспечение закупок для нужд судов и т.п.;

— формирование государственной и ведомственной судебной статистики: автоматизация подготовки, сбора, обработки, обобщения, анализа, предоставления и распространения статистической и прочей отчетности;

— реализация информационных процессов непосредственно в судопроизводстве (зале судебного заседания): наглядное представление всем участникам процесса, необходимой информации (изображения, тексты, документы, аудио- и видеозаписи, вещественные доказательства), обеспечение защите и обвинению возможности подключения мобильных компьютеров, которые могут быть интегрированы в информационную сеть зала, аудио- и видеопотоколирование судебных процессов и т.п.;

— реализация технологичных способов доступа граждан к правосудию: дистанционное участие сторон в судебном процессе, применение интерактивных технологий информационного взаимодействия (электронная почта, чаты) и т.п.;

— формирование электронного архива судебных документов;

— информационное обслуживание граждан и информирование общественности о деятельности судебной системы: справочные сервисы, сайты судов в Интернет, создание системы пресс-служб и т.п.

— обеспечение безопасности судов, судей и работников аппаратов судов: использование электронных систем видеонаблюдения, контроля доступа в здания и залы судов и т.д.;

— обеспечение учебных процессов в учебных заведениях судебной системы, повышение квалификации судей и работников аппаратов судов непосредственно на рабочих местах. [2]

Но наиболее востребованными являются судебные решения и обзоры судебной практики, информация по судебному делопроизводству (дата назначения слушания, участники процесса, решение по делу и т.п.), сведения по госпошлине, формы наиболее необходимых гражданам судебно-процессуальных документов, подаваемых в суд и т.п.

Сайты используют различные интерактивные возможности: электронную почту, форумы, рубрики «Вопросы и ответы», оперативный доступ к реальному судебному делопроизводству (назначенные дела, итоги рассмотрения).

В тоже время следует отметить следующие недостатки в организационно-правовом и методическом обеспечении создания и сопровождения Интернет-сайтов судов общей юрисдикции:

— число судов общей юрисдикции, имеющих Интернет-сайты, не соответствует современным требованиям информационной открытости государственных органов власти;

— в Интернет отсутствуют сайты, информирующие о работе мировых судей; — не решены вопросы организационно-правового и методического характера создания и обеспечения работы Интернет-сайтов судов.

Проблема совершенствования организационно-правового обеспечения диктует необходимость качественной переработки действующих правовых норм в сфере информатизации судебной системы, устранение несогласованностей и противоречий, восполнение пробелов и отмену

устаревших норм, развитие терминологического и понятийного аппарата в рассматриваемой сфере. В целом правовая база информатизации судов может быть представлена в виде 4-уровневой иерархической системы: — Конституция РФ, акты международного права, федеральные конституционные законы, федеральные законы, Указы Президента по вопросам информатизации судебной системы; — решения органов судебного сообщества федерального уровня, Постановления Правительства РФ, общепризнанные международные и национальные стандарты, регламенты и положения, приказы Судебного департамента при Верховном Суде РФ, акты министерств и ведомств исполнительной власти (связанные с информационной сферой судебной системы); — нормативные правовые акты государственных органов власти субъектов РФ, разъяснения к актам 1 и 2-го уровней, инструкции, положения, регламенты, правила и т.п., принимаемые территориальными подразделениями федеральных органов государственной власти в сфере информационного взаимодействия с судебной системой; корпоративные положения, регламенты, правила, стандарты (например, местных операторов связи, провайдеров и т.п.);

— внутренние нормативные акты (приказы, положения, инструкции, регламенты) судов и Судебного департамента. При формировании правовой базы следует решить несколько задач: — определить единый понятийный аппарат информатизации судебной системы;

— разработать методологию организационно-правового обеспечения информатизации судебной системы; — определить организационную структуру системы информатизации судов; — определить полномочия органов управления процессами информатизации судебной системы; — определить, права и обязанности субъектов правоотношений в области создания и использования автоматизированных информационных систем в судах общей юрисдикции; — определить порядок построения системы правового обеспечения информатизации судебной системы; — разработать порядок систематизации правовых актов в сфере информатизации судебной системы;

— отметить основные аспекты взаимосвязи правовых актов в сфере информатизации судов с актами иных подотраслей информационного и судебно-процессуального права, а также с другими отраслями права. При этом система правовых актов информатизации судов должна строиться с учетом следующих основных требований: — правовые акты не должны иметь противоречий, не должны дублировать друг друга;

— необходимо четко определить, какие конкретные вопросы рассматривает тот или иной уровень правового регулирования, как он взаимодействует с иными уровнями, какие виды правовых актов входят в тот или иной уровень; — должна быть четко определена обязательность применения, порядок разработки и согласования правовых актов. Одним из важнейших вопросов формирования правовой базы является разработка и принятие основополагающего нормативного правового акта, ко-

торый будет являться системообразующим актом общей системы правовых актов информатизации судов. Таким системообразующим актом мог бы стать федеральный закон «О государственной автоматизированной системе «Правосудие», закладывающий правовые основы формирования единого информационного пространства судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента. Данный закон, очерчивая концептуально правовое пространство информатизации судов, должен учитывать экономические и социально-политические условия, отвечать требованиям судебной реформы. Основная цель Закона — установление нормативной правовой основы информатизации судов.

Необходимость принятия данного закона диктуется также одним из принципов информационного права, закрепленным в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» — недопустимость установления нормативными правовыми актами каких-либо преимуществ применения одних информационных технологий перед другими, если только обязательность применения определенных информационных технологий для создания и эксплуатации государственных автоматизированных систем не установлена федеральными законами. На основе такого документа должны быть сформированы акты о структуре и органах управления информатизацией судов общей юрисдикции.

Литература:

1. Ниесов, В. А., Чаплинский В. А. Нормативно-методическая база ГАС «Правосудие»: концептуально-методические аспекты // Информационные отношения и право: Сб. научн. тр. — Вып. 2 / Под ред. В. В. Ершова, Д. А. Ловцова. — М.: Российская академия правосудия, 2007. — с. 214–225. 0,7 п.л.
2. Чаплинский, В. А. Организационно-правовое обеспечение создания, внедрения и использования информационных технологий в судебной системе Российской Федерации // Вестник Московской академии рынка труда и информационных технологий. — М.: МАРТИТ, 2006. — № 14 (36). — с. 93–97. 0,4 п.л.

Правовое регулирование и реализация права на доменное имя в предпринимательской деятельности в России

Рубан Александра Андреевна, студент
Новосибирский государственный университет

Интернет — основная движущая сила инновационного развития. Значение информационно-телекоммуникационной сети Интернет для современного предпринимательства лапидарно изложил один из основателей Microsoft Билл Гейтс, в своей книге «Бизнес со скоростью мысли»: «В будущем на рынке останутся два вида компаний: те, кто в Интернете, и те, кто вышел из бизнеса». Что касается нашей страны и ее рыночной экономики и, как следствие, конкуренции между производителями товаров и услуг необходимым условием коммерческого успеха для предпринимателя становится выделение себя, своего бизнеса, производимой продукции и оказываемых услуг на существующем рынке. Решение состоит в индивидуализации соответствующего объекта, что позволяет реализовать целый комплекс необходимых для предпринимательской деятельности функций, а именно: информационную, гарантийную и рекламную.

Актуальность проблемы реализации права на доменные имена определяется темпами роста регистрации доменных имен, возрастающим количеством споров в данной сфере и особой ролью интеллектуальной собственности на современном этапе развития — данные факторы являются признаками динамичного развития

экономики Российской Федерации. Число пользователей современного российского Интернета, по разным оценкам, на начало 2014 года составляло около 67 млн. человек, а по данным Минкомсвязи уже к началу 2015 г. в России количество пользователей увеличилось на 2,5 млн. человек [6]. В связи с этим, появляется тенденция увеличения количества национальных доменов, на сегодняшний день к ним относятся следующие: .ru, .com.ru, .net.ru, .spb.ru, .org.ru, .pp.ru, .su, .moscow, .рф, .москва [4]. Говоря языком маркетинга, домены, введенные на кириллице, расширяют свойства продукции и предлагаемых услуг, поскольку они приближают их к потребителю, тем самым, делая выбор доменного имени, залогом достижения положительных результатов в сфере электронного бизнеса.

Так что же такое доменное имя? Какова его правовая природа? Как защитить интересы владельца? Поставленные вопросы, пожалуй, за исключением первого, следует отнести к числу злободневных. Сегодня домен является неотъемлемой частью функционирования компьютерной сети Интернет в привычном для пользователя виде. Каждый компьютер, подключенный к сети, имеет уникальный IP-адрес, который идентифицирует каждый

компьютер, подключенный к сети. Именно по адресному протоколу IP происходит обеспечение доставки пакетов информации от одного устройства к другому, однако, запоминание последовательности из четырех чисел, разделенных точками, вряд ли можно было назвать удобным для потребителя — это и стало причиной создания доменной системы имен (Domain Name System, далее — DNS). DNS — распределенная база данных, в которой символному имени домена соответствует цифровой адрес компьютера, где расположен сайт, индивидуализируемый данным доменным именем [9, с. 32]. Что касается самого домена, то он представляет собой зону (область) пространства иерархических имен сети Интернет, которая обслуживается набором серверов доменных имен (DNS) и централизованно администрируется. Домен идентифицируется именем (доменным именем), легальное определение которого было введено лишь в 2012 г., согласно п. 15 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», домен — это обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети «Интернет» в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети «Интернет» [11]. Можно еще выделить понятие «доменной зоны» — указание на домен первого уровня, но практической необходимости в разделении приведенных выше понятий нет.

Относительно структуры доменного имени, можно сказать, что полное доменное имя любого сайта в сети «Интернет» включает в себя несколько доменов, разделенных точками (в конце имени может присутствовать точка, тогда доменное имя считается полным или абсолютным (часто на практике она добавляется программным обеспечением), а если ее нет, то относительным). Крайний правый — домен верхнего уровня, далее, справа налево, следуют имена доменов второго уровня и так далее. Например, в записи `dns.nsk.ru`: `ru` — домен верхнего (первого) уровня, `nsk` — домен второго уровня, а `dns` — третьего. Существует еще «корневой» домен (нулевого уровня), который обслуживается различными серверами DNS, располагающимися в разных странах мира — обозначается пустым.

Доменное имя на первых порах можно было получить бесплатно. Однако к концу девяностых в Рунете появились первые ростки большой коммерции, а в апреле 2004 года RU-CENTER (главный регистратор) запустил собственный аукцион доменных имен.

На сегодняшний день согласно Правилам регистрации доменных имен предусмотрены два способа приобретения прав на доменное имя. Во-первых, это договор возмездного оказания услуг между организацией по распределению доменных имен (регистратором) и будущим владельцем (администратором) доменного имени. Причем, регистраторы прямо указывают в своих правилах на неприятие ответственности в отношении зарегистрированного доменного имени с другими средствами индивидуализации, придерживаясь принципа «первого заявителя». Такой договор является консенсуальным, возмездным

и срочным. Во-вторых, это договор о передаче права администрирования, который носит обязательственный характер [12]. А прекращаются права: по истечении срока действия исключительного права на доменное имя, по заявлению обладателя права на доменное имя и в случае принятия судом решения о прекращении исключительного права на доменное имя.

Владелец обладает совокупностью нескольких правомочий, в частности, это право на использование и право на администрирование, право на распоряжение является дискуссионным. Обычно домен приобретается для того, чтобы создать Интернет-сайт, разместить на нем определенную информацию. После создания сайта владелец доменного имени «прикрепляет» его к своему сайту, тем самым указывает «путь», по которому можно получить доступ к нему. Следовательно, у зарегистрированного доменного имени может быть два состояния «делегирован», когда при наборе доменного имени пользователь сети Интернет попадает на определенный сайт, и «не делегирован», когда домен зарегистрирован, но не отождествлен с конкретным Интернет-ресурсом (т.е. доступ к сайту отключен). На один и тот же сайт может указывать два и более доменных имени. При этом, каждый владелец доменного имени должен также обеспечить его техническое функционирование, однако, часто эти функции переключаются им на регистратора или Интернет-провайдера [12].

Как было упомянуто выше, доменное имя — это не единственный путь, по которому можно найти определенный сайт, это осуществляется и при наборе в программе-браузере определенного IP-адреса. В этой связи, можно говорить о такой важной функции доменных имен в отличие от IP-адресов, как индивидуализация. Для получения информации о владельце домена есть специальные службы WHOIS, которые помогают определить его контактную информацию, характер доменного имени (корпоративный или частный) и некоторые другие данные [1]. Несмотря на все данные характеристики, правовой охраны у доменного имени нет, которая есть у большинства средств индивидуализации.

Научное сообщество в вопросе правовой природы доменного имени разошлось по разные стороны баррикад. Одни, связывают природу доменных имен исключительно с технической стороны, основным аргументом сторонников данного подхода — наличие адресной функции [7, с. 49]. Другие же опираются на индивидуализирующую функцию (индивидуализация информационного ресурса, уникальность в трансграничных масштабах, выражение в ограниченном наборе символов), как основную, отличающую ее от IP-адресов, призванную способствовать аккумуляции репутации, которая была приобретена ранее на конкурентном рынке. И соответственно относят доменные имена к числу средств индивидуализации, данная позиция подкрепляется и зарубежным опытом [5, с. 29]. Однако закрытый перечень средств индивидуализации, который отражен в ст. 1225 Гражданского Кодекса РФ

не свидетельствует о применении институтов, разработанных для средств индивидуализации к доменным именам [3]. Данные точки зрения являются полярными, и сторонники активно выступают в защиту положений каждой из них, поэтому законодателю необходимо ставить вопрос о придании доменного имени особого правового статуса, так как вряд ли возможно достижения консенсуса в доктринальном порядке.

Обращаясь к судебной практике, нетрудно заметить, что правоотношения, складывающиеся по поводу доменных имен, затрагивают прежде всего интересы владельцев товарных знаков и фирменных наименований. Исходя из того, что «доменные споры» зачастую связаны со средствами индивидуализации физических и юридических лиц, по всему миру возникают недобросовестные пользователи сети Интернет, именуемые «киберсквоттерами». Практика определила четыре их основных вида: точный, тайпсквоттинг, транскрибирование и мультитайпный, причем нарушителем может являться только хозяйствующий субъект.

Следует указать, что традиционная судебная процедура на сегодняшний день не может в полной мере обеспечить достойную правовую защиту правообладателей в условиях формирования инновационной экономики. Созданный «Суд по интеллектуальным правам» как новая структурная единица системы арбитражных судов вряд ли достигнет поставленных задач. Такая структура должна быть более автономной. По словам Новоселовой Л. А., на сегодняшний день его задачей в отношении доменных имен является, главным образом, обеспечение единообразия и стабильности подходов, выступая в качестве суда кассационной инстанции. И все-таки профессор полагает, что правовое регулирование доменных имен в скором времени будет изменено, поскольку этого требует ИТ-индустрия. А произойдет это в тот момент, когда новоиспеченный суд сформирует и накопит соответствующую практику [8, с. 25].

Представляется, что основной способ разрешения выявленной проблемы — создание быстрой, эффективной досудебной процедуры, решения по которой бы выносились не только компетентными органами в вопросах права, но и в технических вопросах арбитрами. Например, во многих странах большинство судебных решений относительно регистрации и использования до-

менных имен было принято в соответствии с UDRP — Единой политикой рассмотрения споров о доменных именах (далее — ЕПРС) [7, с. 47], разработанной на основе рекомендаций ВОИС. Согласно ЕПРС, обладатели прав на доменные имена при их регистрации заключают договоры о регистрации доменных имен со специальными уполномоченными (аккредитованными) ICANN регистраторами доменных имен (Registrar). В таких договорах может быть принято решение для правообладателя о запрещении использования доменного имени, оно принимается по заявлению третьего лица уполномоченными ICANN для разрешения споров организациями (Approved Dispute-Resolution Service Provider) по специальным процессуальным правилам — Rules for Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy (Правила для единой политики рассмотрения споров о доменных именах) [2, с. 19]. Данная процедура не аналогична третейскому разбирательству, так как не предусматривает наличие обязательного соглашения между сторонами. Но, все же это не мешает созданию правил разрешения споров аналогичным ВОИС — Russian Domain Names Disputes Resolution Policy, поскольку законодательство не запрещает предусмотреть в договоре процедуру во внесудебном порядке. Для ее создания необходимо: изменить регламент регистрации доменных имен, включив в него положение о возможности одностороннего расторжения со стороны регистратора при вынесении досудебным органом решения о неправомерности регистрации; сделать указания в договорах на данные правила; предусмотреть структуру, для разрешения споров в административном порядке; составить список компетентных специалистов, разрешающих указанные споры. [10, с. 255].

Обстоятельно исследовав поставленные проблемы, в заключение можно сделать ряд предложений. Во-первых, что касается правового регулирования, то целесообразно определить правовую природу доменного имени, изменив при этом нормы **ст. ст. 1484 и 1519 Гражданского Кодекса Российской Федерации**. Во-вторых, заимствуя международный опыт процедуры UDRP, следует обратить внимание на основные принципы и постараться воплотить их в отечественной правовой системе, некоторые из которых, уже имплементированы в российское законодательство.

Литература:

1. Азаров, М. С. Формирование правового института доменных имен как один из аспектов совершенствования правовой основы информационного пространства Российской Федерации. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. юр. Наук. — М., 2010
2. Горбунов, С. Домены в законе // Доменные имена. 2010. № 1 (2). С. 18–22
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // СЗ РФ. 2006, № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
4. Домены: [Электронный ресурс]: Регистрация. URL: <http://www.nic.ru/dns> (дата обращения 13.03.2015 г.)
5. Дмитриев, С., Рузакова О. Доменные имена: проблемы российского и зарубежного законодательства // Интеллектуальная собственность. 2001. № 6 С. 28–38

6. Интернет: [Электронный ресурс]: В РФ за год число пользователей интернета выросло на 2,5 млн. человек. URL: <http://www.rg.ru/2015/01/15/internet-site-anops.html> (дата обращения 10.03.2015 г.)
7. Невзоров, И. В. Правовая природа доменного имени и его соотношение с объектами интеллектуальной собственности // Предпринимательское право. 2005. № 4. С. 45–57
8. Новоселова, Л. А. Суд по интеллектуальным правам: активное взаимодействие с представителями IT-индустрии // Доменные имена. 2013. № 2. С. 24–26
9. Смирнов, Р. С. Доменное имя как объект гражданских прав: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. юр. Наук. — М., 2011
10. Серго, А. Г. Доменные имена. Правовое регулирование. — М.: Изд-во Российской гос. академии интеллектуальной собственности, 2013. 312 с.
11. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч.1). Ст. 3448
12. Щурова, И. А. Доменные имена: понятие, осуществление и правовое обеспечение в предпринимательской деятельности. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. юр. Наук. — М., 2010

Понятие социального государства

Руденко Виктор Николаевич, магистрант

Ессентукский институт управления, бизнеса и права (Ставропольский край)

Социальное государство, несмотря на специфические особенности, всегда оставалось и остается государством, которое не отождествляется и не растворяется в обществе или системе других общеполитических организаций, оно помимо своих собственных, специфических признаков и черт, обладает, как и любое иное государство общеродовыми признаками и чертами.

Государство — это сложное и многогранное явление. В понимание государства, его сути, назначении и роли в жизни общества отсутствует единая точка зрения, потому что государство «полиструктурно и полифункционально». Это является причиной того, что существует множество его определений. В соответствии с целью диссертационного исследования целесообразно рассмотрение государства с позиций его функциональных свойств и роли, выполняемой в жизни общества. [1]

Государство — это общественное явление, и предпосылки его возникновения имеют социально-историческую природу. Возникает государство повсеместно в период смены родоплеменных связей людей в обществе вещными, обменными отношениями, поэтому можно предположить, что факторы, разлагавшие первобытно-общинный строй, были одновременно и предпосылками формирования государства.

Объективная потребность новой социальной организации в общественной силе, которая способна была решать общие дела или объединять население для их решения, и породила государство и публичную власть.

Возникающее государство не могло не быть властью, потому что после распада родового строя потребность в решении общих дел не имела иных механизмов самообеспечения, и государство становится силой, стоящей над населением.

Государство есть союз людей, организованных на началах права, объединенный господством над единой территорией и подчинением единой власти. Русские юристы XIX — начала XX вв. существенным признаком государства считали государственный порядок, который заключается в запрещении применения принуждения частными лицами, в монополизации принудительного властвования государством. [2]

По мнению В. В. Лазарева, «Государство — это особая организация публичной, политической власти господствующего класса (социальной группы, блока классовых сил, всего народа), располагающая специальным аппаратом управления и принуждения, которая, представляя общество, осуществляет и руководство этим обществом, и обеспечивает его интеграцию». [3]

В настоящее время выделяют три основных подхода к определению государства: классический, согласно которому государство есть совокупность народа, территории и власти; юридический, где государство есть правовая организация и деятельность власти; социологический, в соответствии с которым, государство — это разделенное на классы, политически организованное общество.

В соответствии с философскими представлениями сущность, т.е. главная определяющая характеристика любого предмета, явления, процесса, обычно связывается с его назначением, со способностью удовлетворять те или иные потребности человека. С этих позиций сущность государства состоит в его социальном назначении, а именно, регулировать общественные отношения, управлять обществом.

По отношению к человеку социальные качества государства раскрываются как его ценностные свойства.

Ценность — положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом — определяется не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений. Социальная ценность государства не может сводиться к его отдельным социальным качествам и свойствам, а также не может быть их простой суммой — это «системная, интегративная характеристика, выражающая меру соответствия явления социальным потребностям людей». [4]

По своей сущности и ценности государство как правовое явление и понятие — это организационно-властная форма выражения, конкретизации и реализации принципа формального равенства, его смысла и требований, всеобщая форма нормативного и институционально-властного выражения свободы людей.

Очевидно, что правовая сущность и ценность государства и представленное в нем правовое начало (принцип формального равенства свободных людей, признание их правосубъектности и государство субъектности) в том или ином виде проявляются во всех исторических типах и формах государства, во всех аспектах и направлениях организации и функционирования государственной власти. Степень развитости государства (его сущности, организационных форм, функциональных проявлений) определяется мерой развитости воплощенного и реализованного в нем принципа формального равенства людей.

Социально-исторические этапы развития государства — это прогрессирующие ступени осуществления начал формального равенства, свободы и справедливости в человеческих отношениях.

Появление идеи и концепции «социализации» государства и права, формирование «социально ориентированной» политики было связано с индустриализацией и бурным развитием рыночной экономики.

Существует несколько концепций, связанных с идеей социального государства. Наиболее обоснованными в теоретическом плане и реализуемыми в той или иной мере на практике являются умеренно консервативная, социал-демократическая, марксистская и неомарксистская концепции социального государства. Так как от специфики понимания сути социального государства зависит нормативное обеспечение социальных прав и интересов людей, необходимо остановиться на содержании этих концепций.

С точки зрения теоретиков консерватизма, социальное государство призвано решать проблемы, которые не способны решить и снять рыночные отношения. Это проблемы обеспеченности в старости, при заболевании, нищете, проблемы обеспеченности качественным жильем, возможности получить образование и др.

Практически всеми политическими силами современного общества, существующими теоретическими концепциями государственного устройства, признается, что возникновение социального государства — это

исторически закономерный процесс, связанный с логикой общественного развития, определенным уровнем развития производственных сил, демократизацией общественной жизни, повышением уровня правовой культуры граждан, постепенным утверждением нормами права принципов формального равенства, свободы и справедливости. Немаловажную роль в создании концепции социального государства сыграла и борьба трудящихся за свои права. [5]

Необходимо подчеркнуть, что идее «социального государства» предшествовала идея и практика «правового государства». Концепция правового государства была связана с появлением и признанием прав человека «первого поколения», а теория и практика «социального государства» непосредственно связана с появлением и признанием «второго поколения» прав человека — социальных и экономических. При этом, в основе теории и практики «правовой государственности» были принципы верховенства права и закона, демократии, индивидуальной свободы, гражданских и политических прав, а основой концепции «социальной государственности» являются принципы гуманности и социальной справедливости, «верховенства общей солидарности всех групп общества, неприятие неравенства и торжество социального равенства, признание и государственное гарантирование защиты социальных прав». [6]

Между правовым и социальным государством есть существенные различия, и они заключаются в том, что правовое государство есть «форма ограничения власти правами и свободами человека», тогда как «социальное государство» — это форма обременения власти правами и свободами человека. Социальное государство по определению не может не вмешиваться в жизнь общества, не обеспечивать своими властными методами его социальную стабильность, не гарантировать и не защищать жизненно важные права его членов, особенно социально уязвимых и нуждающихся. Социальное государство обязано, в силу своего назначения, всей своей административной и правовой политикой стремиться максимально влиять на распределение экономических благ в духе справедливости для обеспечения каждому человеку достойного существования. Регулируя рыночные процессы, содействуя развитию свободного рынка, государство в то же время должно брать на себя и функции социальной защиты населения, устанавливая сбалансированную систему налогов и перераспределяя часть государственного бюджета.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что до сих пор нет единого понимания «социального государства», но во всех определениях социального государства первым признаком является признание, соблюдение и защита жизненно важных для каждого человека прав — социальных прав. Государство является социальным, если в нем разработаны и нормативно закреплены механизмы реализации социальных прав граждан, а также функционирует развитое гражданское общество, способное контролировать государственную власть.

Сущность современного понимания социального государства во многом определяется синтезом либерально-демократических идей и ценностей прошлого и современности и социалистического опыта.

Обобщая различные взгляды и мнения о сущности социального государства можно предложить следующее опреде-

ление социального государства. Социальное государство есть политико-правовая организация, основанная на принципах формального равенства, свободы и социальной справедливости, на социальных правах и свободах человека и гражданина, законодательно закрепляемых, обеспечиваемых и гарантируемых, прежде всего, юридическими гарантиями.

Литература:

1. Мамут, Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2011. № 7. — с. 5.
2. Левашов, В. К. Социализация государства — процесс, идущий через века // Социология. 2014. № 5. — с. 51.
3. Лазарев, В. В. Права человека: идеи, нормы, реальность. — М.: Юридлит., 2011. — с. 56.
4. Тиковский, А. А. Государство правовое и социальное // Вопросы философии. 2014. № 6. — с. 141.
5. Каменецкий, В. А. Патрикеев В. П. Проблемы становления социального государства. — М.: Волтерс Клувер, 2011. — с. 115.
6. Бочаров, М. П. От социальных ценностей к социальному государству. — М.: Луч, 2007. — с. 76.

Судебная реформа 1864 года

Сахаровский Илья Юрьевич, магистрант
Российский государственный университет правосудия (г. Хабаровск)

Ключевые слова: судебная реформа 1864 года, концепция судебной реформы, судебная система.

Отмена крепостного права неминуемо влекла за собой реформы в области центрального и местного управления, суда, военного дела, просвещения.

Гораздо более последовательной, чем земская и городская реформы, стала реформа суда. Подготовка судебной реформы началась осенью 1861 г., на высшей точке демократического подъема в стране. Александр II поручил готовить судебную реформу комиссии из лучших законоведов, которых фактически возглавлял юрист, статс-секретарь Государственного совета С. И. Зарудный, он специально изучал законодательство и судебную практику европейских государств. 20 ноября 1864 г. Александр II утвердил новые Судебные уставы. Они вводили вместо феодальных сословных судов цивилизованные судебные учреждения, общие для лиц всех сословий с одним и тем же порядком судопроизводства. [1]

Документы судебной реформы включали в себя Судебные уставы, первый посвящен судоустройству, второй и третий — процессу, гражданскому и уголовному, четвертый содержал нормы материального права о небольших уголовных и административных правонарушениях, подсудных мировому суду.

Необходимо отметить, что действие Судебных уставов 1864 г. распространялось только на 44 губернии, составлявших чуть более половины губерний Российской империи. Так, Судебные уставы не применялись на территории Белоруссии, Сибири, Средней Азии, северных и некоторых северо-восточных губерний европейской части России.

Реформировалась и судебная организация. Судоустройство в Российской империи по законам 1864 г. отражало новую судебную систему. Она состояла из двух структур: местных судов (для менее значительных дел) — волостного и мирового, а также судов общих (коронных) — окружного суда и судебной палаты.

Мировые суды учреждались с целью разгрузить основное звено — общие суды — от малозначительных дел. Образцом послужил мировой суд Англии, где на должности мировых судей правительство назначало «уважаемых и почтенных» людей из местного населения, которые не получали за свой труд вознаграждения. Но в России мировые судьи (участковые и почётные) избирались органами местного самоуправления (уездными земскими собраниями и в столицах — городскими думами) и утверждались в должности 1-м департаментом Сената. [2]

Главная особенность мирового суда — его компетенция. В его юрисдикции находились малозначительные дела: проступки и мелкие преступления, гражданские иски небольшой цены. Рассматривались они единолично, в составе одного человека — мирового судьи.

Надзор за органами мировой юстиции осуществляли министр юстиции, судебные палаты и кассационный департамент Сената.

Мировой суд опирался на общие принципы судоустройства, принятые судебными уставами: все сословности, независимости и несменяемости судей, гласности и состязательности. Само название, ведущее начало от мирового посредника, который регулировал отношения

крестьян и помещиков после отмены крепостного права, указывало на то, что данный суд призван был не столько судить и карать, сколько мирить стороны, склонять их к принятию мирового соглашения. Недостаток лиц с юридическим образованием, а также стремление приблизить мировой суд к населению определили порядок замещения должностей судей в местной юстиции.

В таком виде мировой суд функционировал до 1889 г. Затем в рамках контрреформ он был фактически ликвидирован. Это была самая радикальная мера в рамках судебной контрреформы.

В этот период времени существовали и специальные суды — Крестьянские. Так, в ходе крестьянской реформы было сформировано крестьянское сословное самоуправление. В его рамках действовала крестьянская юстиция, или, как ее еще называли, «крестьянский самосуд». В рамках первого периода (1861—1889 гг.) ядром крестьянской юстиции выступал волостной суд. Это был выборный орган, включавший от 4 до 12 судей, преимущественно крестьян-домохозяев, которые осуществляли свои функции либо на выборной безвозмездной основе, либо за установленное волостным сходом вознаграждение. [3]

Таким образом, волостные суды подчинялись надзору мировых судей, которые были должны не менее раза в год ревизовать волостные суды своего участка с указаниями должностным лицам этих судов на замеченные беспорядки и отступления от закона. Высший надзор за волостными и верхними сельскими судами был возложен на мировой съезд. Мировой съезд мог издавать особый наказ для этих судов, представляемый, через старшего председателя палаты, министру юстиции. Председатели мировых съездов могли ревизовать верхние сельские суды. Наконец, мировому съезду принадлежала известная дисциплинарная власть над волостными судьями.

Система общих (коронных) судов имела две инстанции: окружные суды и судебные палаты (одна на несколько судебных округов).

Окружные суды и судебные палаты учреждались для более важных уголовных и гражданских дел. В заседаниях окружных судов и судебных палат могли принимать участие 12 присяжных заседателей, выбираемых по жребию из «местных обывателей всех сословий» и записанных в специальные списки. Они устанавливали виновность или невиновность обвиняемого, а меру наказания определял судья. Такое решение окружного суда считалось, как правило, окончательным. Судебная инстанция являлась апелляционной инстанцией, если окружной суд вынес приговор без участия присяжных заседателей. [4]

В 1889 г. в системе государственных судов появилось еще одно звено — уездный член окружного суда. Окружной суд выступал по отношению к уездным членам апелляционной инстанцией.

В аппарат окружного суда входили прокурор и его товарищи (т.е. помощники), судебные следователи, привлекались адвокаты. Решения, принятые окружным судом с участием присяжных заседателей, считались оконча-

тельными и не подлежали обжалованию по существу, их можно было обжаловать только в кассационном порядке (т.е. при нарушении законности в производстве дела).

Судебная палата (в составе четырех членов и трех словных представителей: предводителя дворянства, городского головы и волостного старшины), объединяла несколько судебных округов и разделялась на уголовный и гражданский департаменты, которые возглавлялись председателями.

Судебная палата выступала как суд первой инстанции по государственным преступлениям и преступлениям должностным, особо важным уголовным. Как суд второй инстанции судебная палата рассматривала в порядке апелляции решения и приговоры окружных судов (по жалобам и отзывам сторон и протестам прокуроров). Кроме того, судебная палата осуществляла надзор за деятельностью окружных судов. При судебной палате учреждалась корпорация адвокатов — присяжных поверенных.

Ее решения считались окончательными и могли быть обжалованы только в кассационном порядке.

Высшей судебной инстанцией был Сенат — как высшая кассационная инстанция (пересмотр или отмена приговора). Как и судебная палата, Сенат состоял из двух департаментов: уголовных и гражданских дел. В Сенате можно было обжаловать окончательные приговоры. Сенат объявлялся также высшим органом судебного надзора для всех вновь созданных судебных «установлений», все спорные дела рассматривались общим собранием кассационных департаментов.

Что касается торговых и вексельных споров, отнесенных к компетенции созданных в 1821 г. коммерческих судов, то согласно Устава судопроизводства в судах коммерческих, подготовленного Сперанским и принятым Государственным Советом Российской Империи в 1832 г., исполнение их решений происходило через полицию, а в после реформенный период также через службу приставов. Коммерческий суд не заведовал исполнением своих собственных решений, а лишь выдавал на их основе исполнительные листы. После проведения судебной реформы 1864 г. системы коммерческих и общих судов были основаны на единых принципах процесса, и ни одна из них существенно не превосходила другую. Если общие суды были более современны, более последовательно проводили принципы состязательного процесса, то коммерческие суды компенсировали свое отставание за счет специализации и скорости рассмотрения дел. Система коммерческих судов была незавершенной и не охватывала всей территории страны.

Судопроизводство в коммерческих судах имело определенные особенности, главные из которых сводились к следующим: ускоренное рассмотрение дел, решение суда основываюсь как на законе, так и на обычае. Оно провозглашаюсь сразу после окончания прений сторон. Апелляционной инстанцией для коммерческих судов являлся Сенат.

Полковые суды выступали в качестве основной единицы военной судебной власти. Они учреждались в каждом полку, именно рамками данной войсковой части ограни-

чивалась юрисдикция полкового суда. Им были подсудны только нижние чины и лишь за совершение преступлений, за которые предусматривались исправительные наказания. Судопроизводство было максимально упрощено. Военно-окружные суды создавались при каждом военном округе.

Военно-полевые суды создавались в каждом случае для рассмотрения конкретного дела (или дел) распоряжением губернатора той местности, которая была объявлена на военном положении.

Особое положение занимал церковный суд, он был сохранен авторами судебных уставов. Надо полагать, законодатель опасался произвести коренные преобразования в этой области и не желал подорвать авторитет церкви посредством вынесения рассмотрения дел священнослужителей в открытом процессе. Поэтому Российское законодательство сохранило те основные начала, на которых изначально строился духовный суд: письменность производства, розыскной процесс, отсутствие гласности. Но одновременно усилилась тенденция по сокращению компетенции церковного суда. Часть дел были отнесены к юрисдикции светского суда. Были унифицированы правила проведения следствия в отношении мирян и духовных лиц. В судебных уставах появились нормы, регламентирующие взаимодействие между гражданскими и духовными судами. Но на практике прослеживалась конкуренция церковных и светских законов, вследствие чего по многим делам возникали коллизии, связанные с подведомственностью и подсудностью дел.

Наряду с этим появляется сравнительно новый процессуальный институт — судебное следствие. Судебные следователи проходили по ведомству Министерства юстиции, но формально никому не подчинялись. В их задачу входила подготовка дела для передачи его в суд. Следователи были процессуально независимыми и несменяемыми чиновниками особого рода, они являлись членами окружных судов, и даже, при нехватке судей, могли призываться в состав суда. Круг их деятельности объединял дознание и следствие (в современном их понимании). [5]

Следователь возбуждал следственное дело, как только находились достаточные данные для уверенности в событии преступления, руководил оперативной деятельностью полиции, опрашивал свидетелей и подозреваемых, собирал доказательства. В 1880-х годах, при императоре Александре III, этот институт подвергся перестройке, его

упразднили вместе с другими элементами судебной системы в 1917 году.

В период судебной реформы 1864 года были провозглашены и реализованы следующие принципы судостроительства и судопроизводства: отделение суда от администрации, создание всеобщего суда, равенство всех граждан перед судом, несменяемость судей, гласность, устность, состязательность процесса, презумпция невиновности. Закрепление указанных принципов на тот момент было существенным шагом вперед. Однако самодержавие не могло смириться с самостоятельностью судов, с гласностью судебного разбирательства и вскоре после опубликования Судебных Уставов 1864 года в России началась судебная контрреформа, результатом которой стало существенное ограничение провозглашенных принципов правосудия.

Таким образом, одним из результатов судебной реформы 1864 г. стало создание принципиально новой, упорядоченной судебной системы, построенной на современных принципах. При этом она сохранила деление системы на общие и специальные судебные учреждения. Одной из заслуг судебной реформы 1864 года было введение в российскую судебную систему мировой юстиции, которая должна была освободить общие суды от большого количества малозначительных гражданских и уголовных дел и максимально приблизить правосудие к народу.

Нельзя отрицать эффективность специализированных судов. Но при этом они тормозили создание монолитного судебного механизма, способного единообразно разрешать тот или иной правовой спор.

Справедливо отметить, что судебная реформа 1864 г. была наиболее последовательной и эффективной из всех реформ 1860-х годов. В то же время следует подчеркнуть, что ей не удалось преодолеть некоторые сословные пережитки. Так, в стране продолжали выполнять судебные функции консистории в епархиях, рассматривавшие дела священнослужителей, и военные судебные органы, которым были подсудны дела военнослужащих. Кроме того, сохранился Верховный уголовный суд, к ведению которого относились дела членов Государственного Совета, сенаторов, министров и генералов. Деятельность духовного суда консистории была регламентирована еще «Уставом духовных консисторий», утвержденным еще в 1841 г. императором Николаем I, и продолжавшим применяться вплоть до 1917 г.

Литература:

1. Черкасова, Н. В. Судебная реформа 1864 г. и возникновение адвокатуры в России / Н. В. Черкасова // Политико-правовые идеи института в их историческом развитии. 1980. с. 151–154.
2. Мировая юстиция на окраинах. Основные выводы (Окончание) / С. В. Лонская // Мировой судья. — М.: Юрист. 2013. № 11. с. 22–29.
3. Берендтс, Э. Н. Связь судебной реформы с другими реформами Александра II и влияние ее на государственный и общественный быт России / Э. Н. Берендтс. — Петроград: Сенат, 1915. с. 187.
4. Лаптева, Л. Е. Земские учреждения в России / Л. Е. Лаптева. — М.: ИГПАН, 1993. с. 75.
5. Петухов, Н. А. Становление военно-судебных органов в России / Н. А. Петухов В. Б. Пипко, А. А. Толкаченко // Российская юстиция. 2003. № 1. с. 14.

Государственные гарантии государственных служащих Саратовской области

Севостьянова Инна Станиславовна, магистрант
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина

«Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Конституция РФ, статья 7.

Существование государства обуславливает необходимость существования государственной службы и ее правовое урегулирование. Без государства, государственного аппарата и определяемых ими рамок поведения, современное человеческое общество существовать не может. Доказательством тому служит весь накопленный мировой опыт и современное состояние общественных отношений. В нынешних условиях, когда в российском обществе происходят преобразования, которые затрагивают экономическую, социальную, политическую, внешнеполитическую сферы, особая роль, которую трудно переоценить, отводится государственной службе. Государственная кадровая политика должна быть направлена на формирование стабильного и высококвалифицированного аппарата, способного обеспечить выполнение поставленных задач, направленных на стабильное развитие России и повышение благосостояния ее граждан.

Создание условий, предусматривающих социальные гарантии для государственных служащих, является одной из приоритетных задач кадровой политики современного государства. Однако у сторонников такой постановки вопроса имеются оппоненты, которые могут возразить, что говорить о социальной защите государственных служащих в государстве, где более тридцати процентов населения живут за чертой бедности и нуждаются в социальной поддержке от государства, в условиях бюджетного дефицита, в корне неправильно, и в какой-то мере аморально. Возможно, именно по этой причине тема социальных гарантий государственных служащих широко не обсуждается не только в Саратовской области, но и на федеральном уровне. В этом и кроется причина негативного отношения к льготам и привилегиям чиновников. Зарубежный опыт показывает, что социальные гарантии должны быть оформлены на законодательном уровне, быть общеизвестными и непременно необходим гласный контроль над соблюдением законности в этой сфере. Если мы хотим видеть свою страну сильной, как в экономическом, так и в политическом ракурсе, то необходимо создавать условия для того, чтобы на государственную службу приходили, работали, приносили пользу профессионалы, которые наиболее компетентны, честны и добросовестны. Люди, способные работать с населением, обслуживать и защищать интересы каждого гражданина России, а не те, кто приходит на государственную службу за престижем и сиюминутной выгодой. Государ-

ственная служба — это служба своей Родине, своему народу, как бы пафосно, не прозвучали эти слова, и те, кто целью своей жизни избрал именно этот путь, вправе рассчитывать на определенные гарантии. Основное отличие государственных служащих от иных, в том, что он исполняет государственные функции и реализует волю государства, а не свою собственную. При этом могут ограничиваться его права и свободы. Такие ограничения, предусмотренные федеральным законом «О государственной службе Российской Федерации», федеральным законом «О противодействии коррупции» и иными законодательными актами во имя интересов общества требуют социальной компенсации.

В соответствии с Федеральным Законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации»: «Государственная гражданская служба Российской Федерации — это вид государственной службы, представляющий профессиональную деятельность граждан РФ по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов РФ, органов субъектов РФ и лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ».

Далее остановимся на социальных гарантиях государственных служащих Саратовской области. Правовая основа закреплена в Конституции РФ, Федеральном Законе «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» и законе Саратовской области «О государственной гражданской службе Саратовской области».

Глава 11 и статья 52 вышеуказанного федерального закона гарантирует государственному служащему:

1. Условия работы, обеспечивающие исполнение им должностных обязанностей;
2. Денежное содержание и иные выплаты, предусмотренные федеральными законами и иными правовыми актами субъектов Российской Федерации;
3. Ежегодный оплачиваемый отпуск и отдых в выходные и праздничные дни;
4. Медицинское страхование гражданского служащего и членов его семьи, в том числе после выхода его на пенсию;
5. Обязательное государственное социальное страхование на случай заболевания или утраты трудоспособности в период прохождения гражданской службы либо сохранение денежного содержания при временной нетрудоспособности, а также на время прохождения медицинского обследования.

6. Возмещение расходов, связанных со служебными командировками.

7. Возмещение расходов, связанных с переездом гражданского служащего и членов его семьи в другую местность при переводе в другой государственный орган.

8. Защиту от насилия, угроз и иных неправомерных действий в связи с исполнением должностных обязанностей;

9. Государственное пенсионное обеспечение.

Федеральным законом устанавливается ряд дополнительных гарантий, таких как, предоставление права на профессиональную переподготовку, повышение квалификации и стажировку с сохранением денежного содержания. Транспортное обслуживание и замещение иной должности гражданской службы в случае ликвидации или реорганизации государственного органа или сокращения. Предусмотрена единовременная субсидия на приобретение жилой площади один раз за весь период гражданской службы, так называемая, ипотека для государственных служащих.

Кроме того социальные гарантии государственных служащих могут устанавливаться Указами Президента РФ и некоторыми законами, которые регулируют отдельные профессиональные группы, в частности о прокуратуре, о статусе судей, об органах государственной безопасности, о статусе военнослужащих и другие. В этих законодательных актах в той или иной степени решены многие вопросы социальной защищенности этих категорий государственных служащих.

Региональное законодательство, регулирующее социальные гарантии государственных служащих принято и действует в Саратовской области соответствии с федеральными нормативными актами, также как и в ряде других субъектов Российской Федерации. Депутаты Саратовской областной думы регулярно совершенствуют региональное законодательство, в том, числе в части предоставления и соблюдения социальных гарантий государственных служащих. В условиях бюджетного дефицита формируется более взвешенный подход к установлению льгот и социальных гарантий, так как они должны быть подкреплены финансово.

Основным законодательным актом, регулирующим правоотношения в сфере государственной службы в регионе, является закон Саратовской области «О государственной гражданской службе Саратовской области», разработанный в соответствии с федеральным законом. Он был принят Саратовской областной думой 26 января 2005 года. За неполных десять лет, действия нормативного акта, депутаты приняли более двух десятков поправок, в том числе и касающихся социальных гарантий государственных служащих. 30 июня 2014 года были приняты изменения, касающиеся исчисления размера пенсий за выслугу лет при замещении государственным служащим области должности государственной гражданской службы менее двенадцати полных месяцев. Размер пенсии исчисляется, исходя из среднемесячного денежного содержания за полные месяцы государственной службы.

Месяцем ранее, а именно 28 мая 2014 года, были приняты поправки, регламентирующие выплату единовременного пособия в случае смерти государственного служащего членам его семьи за счет средств областного бюджета. Также принимались изменения, касающиеся сокращения бюджетных расходов за счет отмены компенсации за жилое помещение и услуги ЖКХ высшей группе должностей региона.

Законом Саратовской области «О государственной гражданской службе Саратовской области» предусмотрены социальные гарантии государственных служащих. Статьей 5 регламентируются отпуска. Ежегодный основной и дополнительный оплачиваемые отпуска предоставляются государственным служащим. При предоставлении государственному служащему ежегодного отпуска один раз в год производится единовременная выплата в соответствии с законом области. Статьей 6 устанавливается оплата труда государственных служащих Саратовской области. Размеры окладов денежного содержания по должностям государственной гражданской службы области ежегодно индексируются в соответствии с законом об областном бюджете на соответствующий год с учетом уровня инфляции. За безупречную и эффективную гражданскую службу государственным служащим области может быть выплачено единовременное поощрение в соответствии со статьей 6.1. настоящего закона Саратовской области. Статья 7 закона Саратовской области устанавливает государственные гарантии государственных служащих области. Положения статьи содержат отсылочные нормы к статье 52 федерального закона, рассмотренной выше. На территории Саратовской области действует система социальных гарантий для государственных служащих, предусмотренная федеральным законом. Кроме этого региональный закон устанавливает для государственных служащих Саратовской области дополнительную государственную гарантию в форме предоставления путевки в лечебно — оздоровительное учреждение, стоимость которой не может превышать размера денежной компенсации по соответствующим группам должностей. Если государственный служащий не пользуется санаторно-курортным лечением, то ему выплачивается денежная компенсация. Размер компенсации определяется в зависимости от принадлежности к группе должностей.

Лица, замещающие должности государственной службы Саратовской области, имеющие стаж государственной гражданской службы не менее 25 лет и награжденные учрежденным Президентом РФ знаком отличия «За безупречную службу» имеют право быть принятыми безотлагательно должностными лицами органов государственной власти, руководителями областных государственных организаций. Считаются почетными гостями области на празднованиях по случаю дней основания области и других праздничных дат. Они имеют право на пенсию за выслугу лет в размере 75 процентов среднемесячного денежного содержания государственного служащего при увольнении по любым основаниям. Исключения составляют случаи, связанные с виновными действиями

или бездействиями. Размер пенсии за выслугу лет пересчитывается при централизованном повышении денежного содержания государственных гражданских служащих. Также они имеют право на предоставление одной путевки один раз в год в лечебно-оздоровительное учреждение на территории Российской Федерации за счет средств областного бюджета.

Государственным служащим устанавливается дополнительная государственная гарантия в форме единовременной выплаты в связи с выходом на пенсию.

Государственные служащие Саратовской области имеют право на пенсионное обеспечение в соответствии со статьей 7 настоящего закона Саратовской области. При наличии стаже не менее пятнадцати лет они имеют право на пенсию за выслугу лет. В случаях, предусмотренных федеральным законом не менее десяти лет. Пенсия за вы-

слугу лет назначается к трудовой пенсии в таком размере, чтобы сумма трудовой пенсии и пенсии за выслугу лет составляла 45 процентов среднемесячного денежного содержания государственного гражданского служащего области. Размер увеличивается на три процента за каждый полный год стажа государственной службы свыше пятнадцати лет. При этом общая сумма пенсии не может превышать 75 процентов от среднемесячного денежного содержания государственного служащего области.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день в России и Саратовской области действует достаточно полная правовая основа, предусматривающая меры социальных гарантий государственных служащих. Региональное законодательство постоянно совершенствуется с учетом принятия федеральных изменений и бюджетных возможностей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993] [с учетом поправок, внесенных законом РФ о поправках в Конституцию РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ] // Собрание Законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 9. — ст. 851.
2. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [ред. от 31.12.2014] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — N 31. — Ст. 3215; 2014. — N 52 [часть I]. — Ст. 6961
3. Закон Саратовской области от 02.02.2005 г. № 15-ЗСО «О государственной гражданской службе Саратовской области» [с изменениями 27 декабря 2013 года N 239-ЗСО, 30 мая 2014 года N 73-ЗСО, 30 июня 2014 года N 76-ЗСО]

Об искажении представлений о доказательствах как о механизме уничтожения правового требования допустимости доказательств

Середнев Владимир Анатольевич, преподаватель

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал

В статье рассматриваются попытки уничтожения института допустимости доказательств в уголовном процессе РФ. В настоящее время эти попытки делаются под благовидным предлогом облегчения работы должностных лиц уголовного процесса, а также с мотивировкой исключения имеющей место волокиты. Такие квазипроцессуальные новшества используются с целью навязать и углубить либеральную англосаксонскую систему процессуального права.

Ключевые слова: доказательства, допустимость доказательств, возбуждение уголовного дела, процедура, законодательство, оперативно-розыскная деятельность.

Доказанное примерами никогда нельзя считать полностью доказанным.

Готфрид Лейбниц

Прошло более двух лет с тех пор, когда Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г. было принято решение, что на стадии возбуждения уголовного дела в ходе доследственной проверки возможно не только получение объяснений, но и проведение такого следствен-

ного действия, как получение образцов для сравнительного исследования, добавленного к ранее имевшим место осмотру места происшествия и освидетельствованию. Кроме того, согласно ч.1 ст. 144 УПК РФ при рассмотрении сообщения о преступлении и принятии по нему

процессуального решения дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе совершать такие действия, как истребование предметов и документов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ; вправе требовать документальных проверок, ревизий, исследования документов, предметов, трупов. Также следователь и дознаватель имеют право в соответствии с ч.1 ст.144 назначать судебную экспертизу, участвовать в ее проведении и получать заключение эксперта.

Что касается такого действия, как «истребовать документы, предметы и изымать их в порядке, предусмотренном УПК РФ», нам непонятно положение, непонятна мысль, заложенная законодателем. Поскольку УПК РФ предписывает «изымать предметы и документы» путем всего двух механизмов следственного действия: «обыск» или «выемка», никакой речи о порядке истребования предметов и документов не ведется. Не определен УПК РФ и порядок получения объяснений, исследования трупов, предметов и документов. В свое время Ю. В. Дерришев указывал на то, что «правовая природа следственной проверки носит характер административно-полицейской деятельности» [1, с.9].

При исследовании административного законодательства очевидно верная точка зрения Ю. В. Дерришева находит подтверждение. Например, порядок получения объяснений регламентирует ст. 26.3 КоАП РФ; изъятие вещей и документов производится на основании ст. 27.10 КоАП РФ. То есть мы можем со всей уверенностью заявить, что Федеральный закон № 23-ФЗ, по сути, включил в уголовно-процессуальное законодательство административный механизм осуществления доказывания. Но, наверное, понимая, что уголовно-процессуальная деятельность и деятельность, связанная с административными правонарушениями, — это не одно и то же (хорошо, если понимая, а возможно, и нет) законодатель *пытается* административно-правовому режиму придать свойства уголовно-процессуального законодательства. И в ч. 1 ст. 144 УПК РФ определяет, что «лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом...». Мы же глубоко убеждены в нелепости того, что участникам следственной проверки могут разъясняться их права, предусмотренные УПК РФ, так как уголовно-процессуальным законодательством предусмотрены права участников уголовного процесса, имеющих процессуальный статус: свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, но никак не лиц, дающих на этапе возбуждения дела объяснения, либо в ходе неких «квазипроцессуальных» действий представляющих документы, предметы и т. д., не имея при этом процессуального статуса. «Квазипроцессуальных» — потому что согласно УПК РФ и ч.1 ст.86 УПК РФ способами собирания доказательств являются следственные и «иные процессуальные действия».

В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать закрепленные в ч.1 ст.144 УПК РФ приемы следственной

проверки процессуальными действиями? Конечно нет! Здесь налицо некий гибридно-симбиозный феномен, монстр, получившийся в результате «скрещивания» процессуальных и административных действий. Мы согласны с профессором С. А. Шейфером, который пишет: «...новые законоположения деформируют постулаты теории доказательств, что приводит к подмене доказывания административными, по сути, приемами познания...» [2, с. 56].

При исследовании и анализе материалов об изменениях, внесенных в многострадальный УПК РФ в общем, и изменениях стадии следственной проверки в частности на первый взгляд кажется, что наши «законотворники» не только не являются специалистами в области уголовно-процессуальной деятельности, но и вообще никогда не читали УПК РФ. Мы уж не говорим о том, что они вообще вряд ли когда-либо занимались практической деятельностью. Однако, по нашему мнению, главная причина столь бездарного и неэффективного механизма стадии следственной проверки в том, что в настоящее время идет планомерная подготовка к устранению из уголовного судопроизводства этой самостоятельной стадии как таковой.

Следует обратить внимание на тот негатив, который всплывает при исследовании стадии возбуждения уголовного дела (следственной проверки). Ряд авторов [3, с. 19–22; 4, с.10–18], ссылаясь на косвенную позицию Верховного Суда РФ [5], думается, не просто признают правильным получение объяснений в ходе досудебной проверки, но и пытаются регламентированный УПК РФ правовой механизм допроса распространить на процедуру получения объяснений от свидетелей, потерпевших, подозреваемых. Не хочется хохмить по данному вопросу, но так и тянет спросить: «Может, нужно объяснение переименовать в протокол допроса будущего свидетеля (потерпевшего, подозреваемого)?» Может, кому-то еще и придет в голову такая бредовая идея.

Имеются к законодателю вопросы следующего плана: какой смысл придумывать, вносить из административного законодательства, а затем еще и пытаться «процессуализовать» такое действие, как «изъятие предметов и документов», если существуют законные процессуальные следственные действия, не нуждающиеся ни в какой «процессуализации» — выемка и обыск? Непонятно, почему апологеты разъяснения прав и обязанностей в ходе получения объяснения от лица считают это процессуальной нормой, а не ведут сразу речь о производстве следственного действия «допрос»? Какой смысл заложен в то, что при имеющемся механизме следственного действия «назначение судебной экспертизы» предусматривается судебно-медицинское мероприятие «исследование трупов»? Мы согласимся с тем, что на стадии возбуждения уголовного дела возможно и допустимо назначение и проведение судебно-медицинской экспертизы. Самое главное, что очень важно, что еще на стадии возбуждения уголовного дела будет иметь место возможность отделения криминальных событий (деяний) от некриминальных.

Положительно к проведению судебно-медицинской экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела относится Е. А. Зайцева. Она же предлагает исключить из ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ проведение специалистом исследований документов, предметов, трупов, что несовместимо с функцией специалиста, неуправомоченного на производство исследования [6, с.38–48]. Более того, «производство исследований до возбуждения уголовного дела приводит к процессуально нерегламентированному видоизменению состояния объектов, уменьшению количества предмета преступления (например, расходование наркотического средства, являющегося предметом незаконного оборота)» [7, с.5]. Поэтому мы еще в 2010 году предлагали дополнить ч.1 ст. 144 УПК РФ следующим: «...при наличии сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, для решения вопроса о возбуждении уголовного дела органом дознания может быть назначена судебная экспертиза при условии, что ее производство не связано с ущемлением законных прав и интересов граждан» [7, с.6].

Думается, что, вводя дознание в сокращенной форме, законодатель в ходе квазиреформы не только пытается стереть грань между стадией возбуждения уголовного дела и стадией предварительного расследования, но и совершает покушение на феномен истины в уголовном процессе. «...То, что касается установления истины в уголовном процессе. В ходе проведения дознания в сокращенной форме «святая святых» уголовного процесса — ИСТИНА остается вне уголовного процесса, от нее просто отказываются. О какой истине можно вести речь, если никто не пытается исследовать обстоятельства уголовного дела? Естественно, суд интересуется всегда один вопрос: доказано или не доказано обвинение (соответственно, при юридически допустимых доказательствах)...» [8, с.83]. В связи с этой нашей мыслью, думается, прав Г. А. Печников, который указывает: «Вполне возможно, что на практике активность органов дознания будет направлена не на достоверное раскрытие преступлений, а на сделку: на то, чтобы склонить подозреваемого к сокращенной форме дознания». [9, с.91]. Поэтому становится понятным стремление законодателя «опроцессуализировать» проверочные действия на стадии возбуждения уголовного дела: это нужно для получения объяснений от заподозренного лица (не путать со статусом подозреваемого, содержащимся в ст. 46 УПК РФ).

Появляются авторы, которые начинают критиковать уголовный процесс в бюрократическом и формализованном аспекте, указывая при этом на декларативные нормы УПК, которые не могут реально реализовываться для достижения задач уголовного судопроизводства. Они призывают направить все усилия на возврат к так называемой реальной допустимости доказательств (с их точки зрения), а не к декларативному господству свободной оценки доказательств [10, с. 30]. Существуют попытки отказаться от формального требования доказательств — формы и тем самым от такого правового требования доказательства, как допустимость.

Этот отказ аргументируется тем, что основное требование к доказательству — его достоверность; при этом исключения из использования доказательств критикуются, если они «не отвечают специфическим правилам получения конкретного доказательства», при том что нет сомнений в их относимости и достоверности [11, с.8,16].

Мы считаем это глубокой логической ошибкой в процессе доказывания.

Во-первых, мы убеждены, что дело даже не в том, что, как утверждает большинство авторов, «путь к достоверности лежит через соблюдение надлежащей процедуры получения доказательств, сопровождаемой необходимыми гарантиями» [2, с.41], с мнением которых мы не согласны. **Мы отрицаем, что установление источника информации является гарантией ее достоверности.** «Фундаментальная ошибка философской теории первичных источников знания состоит в том, что она недостаточно ясно отличает вопрос об источниках от вопроса об истинности... В общем, эти вопросы различны, и истинность некоторого утверждения или какой-то информации мы, как правило, устанавливаем не с помощью обращения к источнику или происхождению информации, а более прямым путем: посредством критической проверки самих утверждаемых фактов» [12, с.49]. Более того, мы в свое время отмечали, что «даже если ее источник самый что ни есть процессуальный, информация должна пройти стадию адаптации в доказательство, то есть по установленной законом процедуре быть проверенной на относимость, допустимость, достоверность и непротиворечивость другим собранным доказательствам» [13, с. 37].

Во-вторых, форма вообще в любом виде человеческой деятельности и в уголовном процессе в частности служит тем феноменом, который дисциплинирует субъекта доказывания в уголовном процессе. Процессуальная форма заставляет придерживаться определенных, пусть и формальных, но дозволений и запретов с целью оптимизации деятельности субъектов доказывания, эффективного разрешения уголовных дел. Например, сроки предварительного расследования по своей сути — это не что иное, как формальное требование, т. е. форма, которой необходимо придерживаться. При элиминировании конкретных сроков предварительного расследования нет уверенности, что уголовные дела будут расследоваться в «разумный срок», их расследование, на наш взгляд, может затянуться на неопределенно длительное время без объективных на то причин.

Нужно сказать, что в литературе встречаются суждения не только оправдывающие упрощение уголовного процесса [14, с.32], но даже призывающие депроцессуализировать все досудебное производство. Например, такой автор, как В. М. Быков, признает получение объяснений, истребование предметов и документов следственными действиями, не обращая внимания на то, что механизм применения данных действий в законе не обозначен. На протяжении нескольких лет идею депроцессуализации пытается реализовать профессор Нижегородской академии МВД А. С. Александров. Он убежден в необходимости стереть

грань и воссоединить предварительное расследование и уголовное преследование, создать всеохватывающую обвинительную власть, возглавляемую прокурором и подготавливающую материалы для обращения в суд с уголовным иском. По мнению автора, необходимо всю досудебную уголовно-процессуальную деятельность вынести за процессуальные рамки и превратить ее в сбор информации в различных непроцессуальных формах [15, с.54–62]. А такой автор, как А. А. Алимурзаев, предлагая депроцессуализовать досудебное производство, указывает, что оно «лишь умножает процедурные излишества в виде различного рода бюрократических гарантий прав личности, мало значащих в сравнении с неравенством сторон» [16, с.12–24]. Надо полагать, что под «процедурными излишествами» автор подразумевает «следственно-процессуальную форму», при этом особое значение придает такому доказательству, как «протокол допроса обвиняемого» с признательными показаниями в совершении преступления. Сразу вспоминается академик А. Я. Вышинский, который указывал, что «по делам о контрреволюционных преступлениях признание обвиняемого имеет особую значимость и является достаточным для обвинительного приговора» [17].

Мы не согласны, например, с высказыванием А. А. Алимурзаева, который указывал, что «реформа доказательственного права уже началась, и надо развивать тенденцию стирания граней между оперативно-розыскной и процессуальной деятельностью по формированию доказательств» [16, с.12], но считаем необходимым использовать результаты оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД) в уголовном процессе в качестве доказательств без стирания «граней» между двумя *разными* видами деятельности. Свою точку зрения обобщаем ниже.

А. А. Алимурзаев и А. С. Александров являются сторонниками англосаксонской модели уголовного процесса. Мы глубоко убеждены, что англосаксонская модель права не может быть эффективной в России даже не потому, что «...тенденциозность полиции как в Англии, так и в США (ФБР) нередко приводит к судебным ошибкам, порой трагическим, вызванным тем, что признанию обвиняемого придается особая доказательственная сила» [2, с.52], а потому что либеральная матрица правосудия является опасной для России. Ведь на самом деле либерализм во главу угла и субъектом истории поставил индивидуума, свободного «ОТ» всех форм коллективной идентичности. Своей победой на социальном поле либерализм в качестве архетипа показал всему человечеству индивидуума. В свое время при переходе от традиционного общества к эпохе современного модерна либералы освободили общество от ценностей, принятых в традиции (религия, семья, а сейчас и национальность, и дело идет к освобождению от пола). Это стало идеологическим нервом модерна, когда после 1917 года на смену Бога пришел человек, на место религии — философия, а технология и рационализм вдруг заменили откровение. Заметьте, свобода «ОТ». И уголовный процесс, видимо, как

и другие социальные институты, либералы хотят привести к свободе «ОТ»: как мы думаем, к свободе от его формы, от допустимости доказательств в уголовном процессе, а это англосаксонская модель. Профессор А. С. Александров — уважаемый нами процессуалист, он очень интеллигентно и своеобразно мыслит, но нам все-таки думается, что если бы он более глубоко занялся изучением идеологии либерализма [18], наверное, он все-таки, на что нам хотелось бы надеяться, поменял бы свое отношение к стадии предварительного расследования в уголовном процессе.

Одним из критериев формы допустимости доказательства является «надлежащая процедура» получения доказательства, т. е. определенный механизм действий и правил проведения дознавательных действий, закрепленных в УПК РФ. Правила же проведения следственных действий отсутствуют в нормах, установленных Федеральным законом № 23-ФЗ. Поэтому появившиеся «квазидоказательства», введенные в ч.1. ст.144 УПК РФ, не могут обладать правовым требованием «допустимости». А такие суждения, которые мы встретили, например, у П. В. Козловского, вообще в определенной мере отвергают правовые требования доказательств, такие как допустимость. Автор критикует процессуальную форму, не обращая внимание на Конституцию РФ, указывает, что «приоритет уголовно-процессуальной формы должен заключаться в проверке и оценке сведений, но не в исключении доброкачественных сведений из-за отличий в процедуре их собирания» [11, с.16, 20]. Благодаря Конституции РФ правовое требование допустимости доказательств приобрело уровень юридической силы конституционного уровня. В ч.2 ст.50 Конституции РФ указывается: «При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона».

Конституционная норма нашла свое отражение и в ст. 75 УК РФ, в которой содержится определение недопустимых доказательств и описаны конкретные случаи признания доказательств недопустимыми, за исключением, как мы считаем, п.3 ч.2 ст.75, где сказано: «Иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса». Данная норма по своей сути является некой правовой неопределенностью, служит лазейкой и используется не заинтересованными в объективном исходе дела субъектами уголовного процесса при разрешении его по существу. Например, мы понимаем, что природа «защиты» устроена так, что она всегда будет искать нарушения, пытаться видеть их там, где их даже не существует, с целью разрушения доказательственной базы по уголовному делу. Более того, мы считаем, что эта часть нормы введена противниками признания результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовному делу. Законодатель в ч.1 ст.144 УПК РФ ввел различные способы проверки сообщений и заявлений о преступлении, но он забыл о самом главном — о результатах оперативно-ро-

зыскной деятельности, которые, по нашему глубокому убеждению, должны содержаться в данной норме. Федеральный закон № 23-ФЗ увеличил круг приемов доследственной проверки путем включения в него, как было сказано, ряда административно-правовых мер. Тем самым были установлены положения, существенно реформирующие и корректирующие специфику и цели доказывания.

С точки зрения законодателя, идея реформирования состоит в придании доказательственного значения результатам применения не только следственных действий, но и непроцессуальных приемов доследственной проверки, потому что «порядок собирания в ходе доследственной проверки сведений с помощью теперь уже процессуальных действий приводит к получению суррогатов доказательств, ведь этот порядок в законе не регламентирован» [19, с.39–43]. Но к результатам ОРД это относиться не должно. Порядок получения результатов ОРД имеет свою законодательную регламентацию и регулируется ФЗ об ОРД.

Мы считаем, что, в отличие от объяснений, истребования предметов и документов и их изъятия, результаты ОРД имеют все правовые свойства доказательства (относимость, допустимость, достоверность и достаточность). Обоснуем свою точку зрения.

Во-первых, результаты ОРД содержат в себе сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, а также о событиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности. Эти сведения *относятся* к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, и образуют предмет доказывания, указанный в ст. 73 УПК РФ. Данное правовое требование результатов ОРД указывает на «относимость ОРД», будучи правовым требованием, распространяющимся на уголовно-процессуальные доказательства.

Во-вторых, результаты ОРД должны быть получены посредством ОРМ, которые прямо указаны в ФЗ об ОРД. Проведение ОРМ должно осуществляться уполномоченным на то органом, указанным в ФЗ об ОРД, и в порядке, предусмотренном ФЗ об ОРД. Проведение ОРМ должно осуществляться только при наличии условий и оснований, предусмотренных ФЗ об ОРД.

В-третьих, результаты ОРД должны фиксироваться в оперативно-служебных документах (рапортах, справках, сводках, ДОУ и др.). В данном случае мы можем говорить о том, что у результатов ОРД, так же как и у уголовно-процессуальных доказательств, имеется формально существующая процедура получения и закрепления результатов своей деятельности, которая сводится как в ОРД, так и в уголовном процессе к получению доброкачественной информации, в которой должны содержаться сведения не только имеющие значение для уголовного дела, но и способствующие правильному разрешению уголовного дела. Соответственно, в этом случае указываем на правовое требование «*допустимости ОРД*».

В-четвертых, что касается правового требования «достоверности». Мы уже отмечали выше, что установление источника информации никаким образом не связано с ее достоверностью. Проверять и исследовать критически нужно саму информацию, так как между установлением ее источника и достоверностью отсутствует причинно-следственная связь. Кроме того, определенным образом способствовать «достоверности» доказательства должна принятая норма, содержащаяся в УК РФ. Речь идет о ст.303 УК РФ «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности», в ч.4 которой указывается, что «фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации наказывается...».

Мы считаем, что допрос ретроспективного источника может быть с успехом заменен допросом штатного гласного оперативного сотрудника, осуществляющего ОРД, который должен дать информацию об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Иначе — какой смысл преследовал законодатель при изменении нормы ст.303 УК РФ? Конечно, допущение такого нововведения и некое отступление от сформировавшейся парадигмы воззрения на уголовно-процессуальные традиции формирует ряд новых требований к источнику надлежащего доверия. Но это уже давно необходимо сделать с целью наиболее эффективного обеспечения уголовного процесса результатами ОРД.

Литература:

1. См.: Деришев Ю.В. Доследственное производство: проблемы и решения// Законодательство и практика. 2002. № 2 (6). — С.9.
2. Шейфер, С.А. Собрание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики: монография/ С.А. Шейфер. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. — С.41, 52, 56.
3. Чуркин, А.В. Допустимость в уголовном процессе объяснений как новых доказательств// Российский следователь. 2013. № 17. — с. 19–22.
4. Жамкова, О.Е. Процедура получения объяснений при проверке сообщений о преступлении нуждается в регулировании// Российский следователь. 2013. № 2. с. 10–18.

5. В п.17, внесенным постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 г. № 9 в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», которым установлено, что объяснение лица, полученные в ходе доследственной проверки, в случае, когда нарушено его право на помощь адвоката, должны рассматриваться судами как доказательства, полученные с нарушением закона.
6. Зайцева, Е. А. Федеральный закон от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ о применении специальных познаний и эрозия правового института судебной экспертизы // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сб. статей / под ред. И. Дикарева. Волгоград, 2013. — с. 38–48.
7. Середнев, В. А. Спорные вопросы о допустимости доказательств на стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. — № 8. — С.5,6.
8. Середнев, В. А. Дознание в сокращенной форме как отказ от института допустимости доказательств. Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Санкт-Петербург, 2015. — с. 83.
9. Печников, Г. А. Сокращенная форма дознания и объективная истина в уголовном процессе // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения. — с. 91.
10. Ищенко, П. П. Уголовно-процессуальные аспекты эффективности предварительного следствия // Российский следователь. 2013. № 21. — с. 30.
11. Козловский, П. В. Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. с. 8, 16, 20.
12. Поппер, К. Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания: пер. с англ. / Карл Р. Поппер. М.: АСТ: АСТ Москва, 2012. с. 49.
13. Середнев, В. А. Некоторые вопросы использования результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном процессе // Журнал «Оперативник (сыщик)» — общероссийское периодическое вневедомственное научно-практическое издание № 2 (35), 2013. — С.37.
14. Быков, В. М. Новый закон о порядке рассмотрения следователем и дознавателем сообщения о преступлении // Российская юстиция. 2013. № 3. — с. 32.
15. Александров, А. С. Каким не быть предварительному следствию. // Государство и право. — 2001. — № 9 — с. 54–62.
16. Алимйраев, А. А. Доказывание в сокращенных формах уголовного судопроизводства по делам публичного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. — с. 12–24.
17. Вышинский, А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А. Я. Вышинский — М.: Книга по требованию, 2013.
18. См.: Дугин А. Г. Четвертый путь. Введение в Четвертую Политическую Теорию. — М.: Академический проект, 2014.
19. Махмутов, М. Закон о дознании в сокращенной форме и реформа стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2013. № 7. — с. 39–43.

Право народов на самоопределение

Смолова Екатерина Сергеевна, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

Исследование права народов на самоопределение приобретает всё большую актуальность в современном международном праве. Процесс деколонизации завершился, эпоха огромного подъёма национально-освободительных движений, казалось бы, подошла к концу, но тема ничуть не утратила своей актуальности. Наоборот, признание рассматриваемого права в Уставе ООН и других международно-правовых документах, которые ещё будут названы в процессе исследования, породило ещё большее количество дискуссий. Идея права народов на самоопределение получила свое закрепление в Международных

Пактах о правах человека 1966-го года и содержится во многих декларациях Генеральной Ассамблеи ООН. Довольно часто в современном праве к данному принципу обращаются в ходе этнических конфликтов и движений за независимость, что только подтверждает его достаточно высокий статус.

Принцип толкует абсолютно по-разному, поэтому в процессе его изучения возникает множество вопросов теоретического содержания, а главное, практической реализации, остро стоит вопрос соотношения рассматриваемого права с другими правами, гарантирован-

ными Уставом ООН, Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН и Декларацией 1975 года. Особенно остро стоит вопрос о соотношении исследуемого права с принципом территориальной целостности государств, данный принцип тесно связан с проблемой мира и безопасности, так как от того как будет соблюдаться этот принцип зависит сохранение мира на земле, и тут мы обнаруживаем связь с ещё одним основополагающим принципом международного права, защитой прав человека.

Нельзя забывать о том, что основные принципы обладают наивысшей юридической силой, являются императивными принципами — принципами *jus cogens*, И нарушение одного из них неизбежно приведет к нарушению другого, целью данной работы является исследование права народов на самоопределение, начиная с истории его утверждения в международном праве, его развитие и закрепление в общепризнанных источниках международного права, а так же выявление современного направления его развития. Первостепенными задачами данной работы является выяснение термина «самоопределения народов», это принцип, то есть некое условие или право? Далее, следует определить, как понимать термин «народ», который употребляется в разных значениях в зависимости от ситуации. Необходимо изучить все исторические и культурные обстоятельства, в которых развивалась данная идея. Так же следует отследить различия теоретической концепции идеи и её реализацией в контексте современного международного права.

1. Возникновение и развитие

Зарождение идеи национального самоопределение восходит к таким мыслителям как Джон Локк, Жан Жак Руссо, Гуго Гроций. Основой же для возникновения идеи самоопределения народов послужили идеи великой Французской революции, а главным образом, первая французская Конституция, датированная 3-им сентября 1791 года, в ней говорилось: во-первых, что люди свободны и обладают равенством в правах от рождения; во-вторых, что цель каждого государства — «обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека» и, наконец, что «источник суверенитета зиждется, по существу, в нации» [1]. Так же в качестве «первопроходца» права на самоопределение можно назвать Декларацию независимости США, которая была принята несколько раньше, в 1776-ом году, провозгласив отделение от Великобритании ее 13 североамериканских колоний, она закрепляла право народа на восстание и свержение деспотического правительства. Правительства вынуждены были основываться на воле народа, несогласные с правительством своей страны, на примере американских поселенцев, должны были иметь возможность покинуть ее жить по своему усмотрению. Этот новый подход означал, что «территориальный элемент в политическом

образовании потерял свое феодальное превосходство, уступив место личному элементу; людям предстояло перестать быть простым придатком к земле» [14]. Нельзя не отметить, что самоопределение изначально явилось угрозой легитимности устоявшегося мирового порядка. Впервые, термин «самоопределение наций» был озвучен в 1878-ом году на Берлинском конгрессе, а «право наций на самоопределение» менее чем через 20 лет, в 1896 году было признано Лондонским Конгрессом II Интернационала. Всё же факты свидетельствуют о том, что до начала XX века было совершено большое количество аннексий, например, в 1867 году Пруссия аннексировала Шлезвиг, Эльзаса и Лотарингию в 1860-х и 1870-х годах.

Поворотным моментом в развитии права послужила первая мировая война, в течение войны обнаружилась явная тенденция воюющих стран прокламировать призыв к самоопределению народов, которые проживали на территории противников. В конце XIX-го — начале XX-го века площадь колониальных владений составляла 73 млн. км², к концу века колоний почти не осталось. После войны за поддержку принципа выступали США и страны Антанты. Наиболее яркими фигурами этого периода можно назвать президента США Вудро Вильсона и Владимира Ильича Ленина. В ходе мирных переговоров после по окончании войны, Вильсон выступил со своей концепцией принципа национального самоопределения, май 1916 года — Вильсон высказывается в поддержку «внутреннего самоопределения», трактуя его как право народов выбирать подходящую форму правительства. Немного позже он обозначил принцип «внешнего самоопределения», в соответствии с которым народ мог выбрать наиболее подходящую для него форму суверенитета. В обращении к Лиге в поддержку мира 27 мая 1916 года он сказал: «Мы верим в следующие фундаментальные положения: прежде всего, что каждый народ имеет право выбирать, под чьим суверенитетом он хочет жить» [13]. Далее, Вильсон по причине противоречий, возникающих в Европе, говорит о том, что самоопределение должен быть основным принципом при определении спорных границ в Европе, любое разрешение территориальных споров должно быть основано на интересах народов проживающих на данной территории. 8-го января 1918 года Вудро Вильсон представил Конгрессу проект мирного договора, завершающего мировую войну, который вошёл в историю как «14 пунктов Вильсона». В нём зафиксировано, что народ является основным субъектом власти, имеющим право на самоопределение.

Значительное влияние на международной арене произвело предоставление Россией независимости Польше и Финляндии. Стремясь расположить к себе народы Российской империи, Ленин и другие большевики пообещали реализовать право на самоопределение. Правительство большевиков попыталось реализовать выдвинутый еще в 1914 году лозунг заключения немедленного мира без аннексий и контрибуций, бывший в то время довольно популярным в уставшей от войны Европе, и выдвинуло идею

права наций на самоопределение в качестве основы национального государственного строительства [12]. Знаковым было принятие декрета о мире, в котором шла речь о «внутреннем суверенитете», это был один из первых источников антиколониальной идеологии, но по факту механизм выхода из СССР не был законодательно закреплён, то есть право было фиктивным, практическая реализация этого права была крайне затруднительна.

Принцип самоопределения так и не был включен в окончательный текст послевоенного Устава Лиги Наций в силу трудностей его реализации. К подмандатным территориям и колониям, которые перешли к другому государству в результате войны, лишь косвенно было применимо право на самоопределение. Большинство территорий были переданы победителям, не взирая на волеизъявления, проживающих на этих территориях народов, например, как территория Эльзаса и Лотарингии была передана Франции. Итак, в ст. 22-ой Устава Лиги Наций было закреплено неравенство народов.

14-го августа 1941 года была принята Атлантическая хартия, целью которой было установление основных задач войны для союзников и принципов послевоенного устройства, инициаторами данного документа выступили США и Великобритания. 1-го января 1946-го года её подписали ещё 26 государств, тем самым они соглашались с положениями о том, что они не стремятся к территориальным и другим приобретениям; территориальные изменения в мире должны, по их мнению, обязательно находиться «в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов». Тем самым они обязывались уважать право всех народов избирать себе форму правления по своему усмотрению.

Геополитическая карта мира вновь кардинально изменилась после второй мировой войны, авторитет СССР повысился, и многие государства равнялись на него, сформировалась биполярная система мира, с одной стороны — социалистический лагерь, с другой — капиталистический, были отчетливо видны интересы каждой из сторон, и любой местный конфликт, поддерживаемый какой-либо стороной, могло принять масштабы международного. Самым главным фактором завершения войны, с точки зрения принципов международного права, стала пришедшая на смену Лиге Наций межгосударственная организация, которая имела гораздо более значительные ресурсы и претендовала роль мирового судьи в вопросах мирового масштаба, это был мощный толчок к созданию эффективной и развитой международно-правовой системы. Этой организацией явилась ООН, 26 июня 1945 года пятьюдесятью государствами был подписан Устав ООН. К 24 октября 1945 года Устав был ратифицирован Китаем, Францией, Советским Союзом, Великобританией, Соединёнными Штатами и большинством иных подписавших его государств. В процессе создания ООН велась активная разработка международно-правовых документов, этому способствовал Нюрнбергский процесс, который стал своеобразным прецедентом вер-

ховенства международно-правовых принципов и норм над внутренним законодательством.

Именно при разработке устава ООН встал вопрос о разграничении понятий «народ» и «нация». Например, в процессе подготовки Устава ООН на VI заседании Комитета I Комиссии I на Конференции в Сан-Франциско 15 мая 1945 года были выдвинуты поправки к пункту 2 статьи 1. В её содержании было сказано о праве народов на самоопределение, но юристы усмотрели определенные противоречия в ней, вследствие чего она была отклонена. Опасность была в том, что само понятие «народы» могло быть истолковано двояко, было множество споров по поводу того, что же подразумевается: национальные группы или группы, идентичные с населением государств. Те же неясности порождал и термин «нация». Окончательная формулировка была следующей: «... [термин] «нации» используется применительно ко всем политическим образованиям, государствам и негосударствам, в то время как [термин] «народы» относится к группам людей, которые могут составлять или не составлять государства или нации» [3]. Данная идея не была закреплена в Уставе как «право», это лишь «принцип», он косвенно может применяться и к подопечным территориям, так же и в отношении самоуправляющихся территорий. Необходимо разъяснение кто же является субъектом права на самоопределение, это одна из главенствующих проблем. Данный принцип мы можем заметить так же и в иных документах ООН. 16 декабря 1952 года озаменовано принятием на VII сессии Генеральной Ассамблеи резолюции 637 «Право народов и наций на самоопределение». В ней, это уже признавалось правом, в соответствии с которым право на самоопределение предоставлялось населению самоуправляющихся и находящихся под опекой территорий, а на государства, управляющие этими территориями, была возложена обязанность принятия мер практической реализации соответствующего права. Вудро Вильсон и В.И. Ленин признавали субъектом данного права народы и нации, при этом четкого определения этих терминов ими дано не было, а это необходимо, поскольку исходя из языковых особенностей каждого языка, эти термины приобретают разные смысловые оттенки. Всё же в послевоенную эпоху самоопределение всё чаще относили к колониям.

Для послевоенного времени характерно пробуждение антиколониальных национальных освободительных движений, что привело к признанию несправедливости существования колоний в мире. Процесс завершился принятием Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народа, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 14-го декабря 1960 года. Преамбула данного документа содержит положения, что отказ или воспрепятствование на пути к предоставлению свободы способствует усилению конфликтов. В статье 2-ой признается право всех народов на самоопределение, в силу чего они свободно осуществляют своё экономическое, социальное и культурное развитие. Генеральной

Ассамблеей была принята резолюция о создании «Комитета по деколонизации», в функции которого входила деятельность по выполнению положений Декларации. После принятия резолюции 1514 (XV) последовало принятие серии документов, затрагивающих аналогичный вопрос: резолюция 1803 (XVII), резолюция 2105 (XX), где была признана законной борьба колониальных народов за право на самоопределение. Позже, резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН экстерриториальные общественно-политические организации были фактически приравнены к суверенным субъектам международного права [12], например Организация освобождения Палестины, в 1974 году её признали большинство стран ООН как законного представителя народа Палестины, и ООП был предоставлен статус в ООН. Так же характерная для 1960-ых и 1970-ых годов деколонизация способствовала возрастанию членов-государств ООН. В резолюции 2326 (XXII) от 16 декабря 1967 года Генеральная Ассамблея заявила о том, что колониальные системы и расистские режимы являются преступлением против человечества и существование этих систем и режимов угрожает международному миру и безопасности. В соответствующих резолюциях Генеральная Ассамблея подчеркнула законность национально-освободительного движения в борьбе с колонизаторами. По завершении принятия данных международных документов, главной задачей осталось завершение работы над формулировкой самого принципа. На XXV сессии Генеральной Ассамблеи в 1970-ом году была принята Декларация ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН. Декларация подчеркивает, что принцип равноправия и самоопределения народов является существенным вкладом в современное международное право, и его эффективное применение имеет первостепенное значение для содействия развитию дружественных отношений между государствами, основанных на уважении принципа суверенного равенства. В Декларации были кодифицированы ленинские идеи самоопределения наций в современном международном праве в его содержании, понятии, субъекте, развитии, его юридической силе и сфере действия. В декларации уточняются вероятные формы самоопределения, такие, как свободное присоединение к независимому государству, а так же объединение с ним, либо создание суверенного государства, так же установление политического статуса, который народ свободно определил. При этом в Декларации указано о недопустимости трактовки положений декларации как санкционирующих или поощряющих действия, направленные на расчленение, частичному или полному нарушению территориальной целостности, а так же политического единства суверенных и независимых государств, которые соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов, имеют правительства, представляющие без различий расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на соответствующей территории [10].

На основании этого мы можем сделать вывод о том, что право на «внешнее» самоопределение признается за народами, которые находятся в колониальной зависимости, вдобавок, народы могут воспользоваться данным правом и при невозможности реализации права на «внутреннее» самоопределение. Резолюции генеральной ассамблеи отражают позиции государств-членов ООН, а значит и практику государств, которая является средством толкования международных договоров согласно Венской Конвенции о праве международных договоров.

Положения принципа были направлены тогда против колониальной системы. Но к 70-м годам XX в колониальные империи распались, большинство зависимых народов освободились и создали свои государства. Возникла необходимость расширить его содержание. Это было сделано на региональном уровне — в Заключительном акте СБСЕ 1975 г., который отошел от прежней антиколониальной линии принципа и распространил его действие на все народы. При этом данный акт привлек внимание тем, что право на «внешнее» самоопределение имеет очень зыбкую грань с принципом нерушимости границ. Во многих двусторонних договорах, например, Устав Организации американских государств и Устав Организации африканского единства, находит своё отражение принцип взаимного признания и недопустимости насильственного изменения государственных границ. Та позиция, которую Генеральная Ассамблея изложила в резолюции 2625, была воспринята в 1993 году в Венской Декларации и программе действий, в ней подтверждалось то положение, что нарушение и ослабление территориальной целостности государств недопустимо, но признавалось право за народами, находящимися под колониальной или иной зависимостью. Завершившийся процесс деколонизации, а именно, распад СССР, Чехословакии, СФРЮ, а равно, воссоединение Германии породили необходимость расширения границ права на внешнее самоопределение, придание ему другого направления, связывать его не только с колониями. С развалом колониальных империй вопрос о самоопределении зависимых народов в основном решен. Но для многих народов принцип самоопределения всё еще весьма актуален. Сейчас положения принципа применимы главным образом лишь к народам суверенных государств.

2. Содержание права на самоопределение.

§ 1. Содержание прав и обязанностей сторон

Обобщим выводы, сделанные в первой главе: право на внешнее самоопределение принадлежит только колонизированным народам или народам, подвергшимся иностранному угнетению и подчинению, возникновение права народа на внешнее самоопределение является следствием противоправного поведения государства суверена. А с учетом современных реалий принцип толкуется так, что каждый народ в любом государстве вправе

самостоятельно, без внешнего вмешательства, выражая свою волю любыми доступными ему мирными демократическими способами, решать: поддерживать социально-политический строй и устройство в данном государстве или требовать их трансформации; изменять свой политический статус внутри государства или выйти из состава государства. Вопрос о выходе может решаться только свободным волеизъявлением народа, например, референдумом или плебисцитом, в результате которого народ: может отделиться, например в XXI веке Черногория от Сербии в 2006 г, либо не отделиться, как Квебек от Канады в 1989 и 1995 гг. Такие вопросы нередко решаются и в ходе вооруженной борьбы, например, отделение Эритреи от Эфиопии в 1993 г. Впрочем, в содержании данного права так же могут быть и иные аспекты: право распоряжаться природными богатствами, право осуществлять свое культурное развитие. Необходимо учитывать, что это право, а не обязанность. Данное право не абсолютно. Как уже упоминалось, недопустим подрыв единства государства, нарушение законных прав других народов ссылками на самоопределение. Мировое сообщество не отрицает право на самоопределение, даже ведущее к нарушению целостности и единства государств, но только в тех странах, где не соблюдается принцип равноправия и самоопределения народов, где дискриминируются отдельные этнотерриториальные части страны.

При этом, говоря о праве, нельзя забыть и о встречной обязанности государств по обеспечению этого права. Суверенное и независимое государство обязано воздерживаться от любых насильственных действий, лишаящих народ его права на самоопределение, равно как и не препятствовать независимости народа под предлогом его недостаточной политической, экономической, социальной и культурной подготовленности, оно должно прекратить любые военные и репрессивные меры против народа с целью обеспечения мирной и свободной реализации им права на независимость. В обязанности, несомненно, входит уважение целостности территории народа и принятие срочных мер для передачи власти народу на всей его территории без всяких условий и независимо от расы, религии или цвета кожи. Однако в последние годы стала реальной угроза злоупотребления принципом. Политические, националистические, сепаратистские, криминальные и другие факторы часто становятся побудительным мотивом для его использования в своекорыстных целях, создавая для многих государств угрозу их территориальной целостности. Поэтому необходимо соблюдение баланса этих прав, поскольку эти принципы являются основными принципами международного права, являются императивными — принципами *jus cogens*, это означает, что субъекты международного права не могут отступать от них ни при каких обстоятельствах. Они неразрывно связаны друг с другом и нарушение одного из них неизбежно повлечет нарушение другого и принцип самоопределения неизбежно должен рассматриваться в свете принципа территориальной целостности. Итак, не допу-

скаются внешние атаки на целостность государства, поскольку это является нарушением суверенитета, народы, проживающие в данном государстве, не могут быть лишены данного права. Что касается практической реализации, то ООН решает в каждом конкретном случае без особой системы, к примеру, ситуация в Восточный Тимор, где в 1999 году под давлением ООН был проведен референдум по вопросу самоопределения, при этом ООН оценивал весь исторический путь и объективные предпосылки для проведения референдума, так же имеются наиболее острые и спорные решения: признание независимости Косово, в отношении которого было вынесено консультативное заключение Международного Суда ООН 22 июля 2010 года «О соответствии международному праву одностороннего провозглашения независимости Косово», можно приводить бесконечное количество примеров, в которых обнаруживаются определенные вопросы или непоследовательность решений, как это не печально, порой решения могут приниматься исходя из случайных обстоятельств или исходя из личных симпатий самих политиков. Но здесь мы выявляем ещё одну проблему, проблему признания самоопределившегося народа, данный вопрос мы рассмотрим позже.

§ 2. Проблемы, связанные с определением субъекта данного права

Если же содержание мы можем найти в уже упомянутых правовых актах, то сводя данный вопрос к субъектам соответствующего права, возникают определенные неясности. Понятие «народа», обладающего данным правом, не содержится ни в Уставе ООН, ни в Декларации о принципах международного права, ни в Заключительном акте СБСЕ. Можно упомянуть, предложенное Великобританией определение: это слово может обозначать «группу индивидов с особыми связями, выделяющими ее из остального населения; все население в границах отдельного государства; жителей отдельной части территории; или даже группу людей, которые не живут на подающейся опознанию части территории, но считают себя народом [3]. С помощью данного определения достаточно легко определить, что такое этническая группа или нация-государство, но его недостаточно для определения субъекта права. К попытке решить данную проблему мы можем отнести и доклад, выполненный в рамках ЮНЕСКО с последующим определением термина «народ», но дискуссии на эту тему настолько распространены и в доктрине, что в рамках данной работы выразить их все не представляется возможным. Довольно актуально звучит вопрос о величине субъекта самоопределения, можем вспомнить примеры плебисцитов, которые проводились в малых образованиях, например, о принадлежности острова Сент-Бартельми, который на данный момент принадлежит Франции. Общеприняты следующие определения: *нация* — этническая общность, *народ* — общность по территориальному принципу. На-

пример, Мадагаскар имел право на образование собственного государства, входя в часть Французской Империи, отличной от Континентальной Франции — метрополии, а Корсика — нет, ее территория — территория Франции, статус не отличается, права и обязанности граждан равны французам. В заключение изложения содержания права народов на самоопределение можно сказать, что мировое сообщество не отрицает право на самоопределение, даже ведущее к нарушению целостности и единства государств, но только там, где не соблюдается принцип равноправия и самоопределения народов, где дискриминируются отдельные этнотерриториальные части страны. Сепаратистские движения басков не имеют поддержку в международном праве, в отличие, например, от Палестины.

3. Право на самоопределение в XXI веке

Оставив вопросы истории в предыдущих главах, главным образом остановимся на том, современное международное право всё чаще наполняется примерами «неколониального» самоопределения, что существенно меняет его направления и порождает всё большее количество вопросов. Одним из самых актуальных вопросов, связанных с правом на самоопределение в современном аспекте является проблема признания. Ведь принято считать — вновь возникшее государство становится субъектом международного права в силу самого факта его создания. На него распространяется действие норм международного права. При этом и новое государство должно соблюдать эти нормы. Непризнание фактически означает «изоляция» от международного сообщества и влечет массу неблагоприятных последствий для населения и государства в целом. Наглядный пример — непризнанные «самопровозглашенные» государства на территории бывшего СССР. Поскольку целью данного исследования является обозначение современных тенденций в рамках данного права, то предлагается разобрать пример Каталонии, вспомнившей о праве на самоопределение в связи с определенными политическими и юридическими предпосылками. Предлагается разобрать поэтапно, как зарождался конфликт и как бы он мог продолжиться.

Каталония является автономным сообществом в Испании, в разные исторически промежутки она пыталась провозгласить свою независимость и на настоящий момент является автономией, добилась официального статуса каталонского языка, так же имеет своё правительство, 11 сентября 1714 года Каталония потеряла свою независимость в ходе войны против испанской монархии, с тех пор каталонцы пытаются добиться автономии. Первым этапом в данном конфликте можно назвать как возрастание недовольств, либо ощущение угрозы. Ведь Каталония относится к наиболее развитым районам Испании, это промышленный район, где сосредоточены многие отрасли промышленности. Между тем Каталония платит в центральный бюджет ежегодно 15 миллиардов евро — гораздо больше, чем ей возвращается. Поэтому

изначально народ выступил за налоговую самостоятельность, Каталония начала протестовать против восполнения дефицита бюджета за её счет, между тем экономика страны рушится на глазах и падает уровень жизни населения, что обусловлено неэффективностью правительства.

Ещё в 2010-м году более миллиона каталонцев в результате отмены Конституционным судом Испании нескольких пунктов автономного статуса Каталонии, где говорится, что правовой основы считать Каталонию отдельной нацией — нет, и каталанский язык не должен получать преимущество перед испанским, постановивший, что все живущие в Испании именуется испанцами. Дальнейший всплеск произошел 11-го сентября 2012 года в Барселоне прошла демонстрация под лозунгом «Каталония-новое государство Европы», так же глава правительства Артур Маса призвал её к политической независимости. Этому факту предшествует победа сепаратистки настроенных партий на выборах, которые проходили в ноябре 2012 года. Давая юридическую оценку данному факту, необходимо заметить, что конституция Испании не предусматривает свободного выхода из состава страны, устанавливая «неразрывное единство испанской нации». Но не стоит забывать о том, что юридически данное право содержится в Международном пакте о гражданских и политических правах ООН от 1966 года, в соответствии с которым все народы имеют право на самоопределение. Так же каталонцы выступили против новой реформы образования, предложенной центром, расценив это как покушение на свою национальную идентичность, а именно, положения, подразумевающие отмену в образовательных учреждениях приоритета для региональных языков страны, в том числе и каталонского, перед испанским. Это дало ещё один повод радикальным сторонникам независимости автономии, которые сразу встали на защиту каталонского языка. Точкой кипения и результатом данных противоречий стало принятие 23 января 2013 года Декларации о суверенитете, исходя из которой, Каталония объявляется «суверенным политическим и правовым субъектом», что не означает одностороннего отделения от Испании. В декларации говорится, что «народ Каталонии имеет, на основании демократической легитимности, характер политического и юридически суверенного субъекта», целью Декларации является решение, которое станет результатом мажоритарного выражения народной воли, являющейся, в свою очередь, «основным гарантом права на принятие решения» [11]. Учитывая отсутствие права свободного выхода из состава страны, можно говорить о том, что декларация не противоречит в этой части внутрисубъективному законодательству, в ней лишь закрепляется намерения о проведении референдума до 2014 года, и только там уже будет стоять вопрос об объявлении независимости региона.

Что касается реакции испанского правительства, то оно никак не опротестовывает решения каталонского парламента, ожидая непосредственно назначения рефе-

рендума. Мы можем расценивать эти события с двух точек зрения, первая состоит в том, что Каталония имеет далеко идущие планы на провозглашение собственной независимости, поскольку первый шаг уже сделан, с другой стороны — мы можем говорить о том, что это своеобразный политический ход, поскольку перспективы кажутся туманными, это может быть лишь попытка давления на правительство Испании с целью урегулирования финансовых проблем.

Можно ли говорить, что Каталония нуждается в данном праве, исходя из своего экономического положения, вряд ли мы можем говорить, что права народа Каталонии каким-то кардинальным образом нарушаются, автономия обладает довольно широкими правами. Нельзя сказать, что каким-либо образом нарушается принцип равноправия и самоопределения. Конечно, мы не можем отрицать существование разногласий между автономией и центром, но при этом последствия выхода из состава Испании не заставят себя ждать. Неизбежно придётся добиваться международного признания, нельзя забывать, что это будет означать немедленный выход из Европейского союза, что породит, несомненно, более серьёзные финансовые проблемы, чем восполнение дефицита бюджета Испании, тем более маловероятно скорейшее принятие уже Каталонии в состав ЕС по выходу из состава Испании. Отделение влечет проблемы признания, главным образом, признание *de jure*. Так же это может породить аналогичное желание отделиться у других регионов, поставит вопрос о пересмотре межгосударственных европейских границ. Так что на основе известных фактов, логичен будет вывод о том, что отделение Каталонии станет лишь ещё одним компрометирующим случаем отделения, и, по моему мнению, лишь столкнётся с принципом территориальной целостности, создав ещё один нежелательный прецедент в мировой практике.

Напомним, что и Шотландия объявила о возможном проведении референдума в 2014 году касательно вопроса выхода из состава Великобритании. Данные заявления служат свидетельством процессов дезинтеграции в Европе, порожденных финансовым и политическим кризисом. Хотя и абстрактные, но все же небезосновательные опасения пересмотра границ на Европейском континенте могут привести к ещё большему распространению сепаратистских движений. Нельзя забыть о том, что огромное влияние на возникновение данных настроений оказало провозглашение независимости Косово,

хотя этот случай следовало бы считать беспрецедентным, учитывая ещё и то, что мировое признание не отличается последовательностью. Для рассматриваемой нами Испании есть вероятность выхода из её состава и Страны Басков, принявшей решение в Косово как пример для подражания. Этот эффект следования должен быть прерван, иначе неизбежен эффект дробления стран, выхода из их состава автономий и всяческое игнорирование столь важного принципа территориальной целостности.

4. Заключение

Подводя итог данной работе, следует сказать, что право на самоопределение за более чем двухсотлетнее существование широко распространилось в международном праве и, безусловно, внесло неоценимый вклад в развитие международных отношений, в становление новой системы мира и освобождение народов от колониальной зависимости. Но при этом любое развитие неизбежно порождает всё новые проблемы, при реализации этого права на современном этапе необходимо учитывать его соотношение с принципом соблюдения прав и свобод человека, нарушения коих происходит в случае использования вооруженных методов в борьбе за самоопределение, и даже при мирном и законном разрешении споров необходимо соблюдать принцип территориальной целостности. Данные принцип нередко вступают в противоречие, что может приводить к международным спорам.

На современном этапе в рамках данного права стоят проблемы признания и легализации новых государств, выработка единого пути решения вопроса о признании или непризнании вновь образовавшегося государства.

Впрочем, нельзя отрицать заслугу права народов на самоопределение, так как оно является гарантией прав национальных общностей, групп, народов в борьбе с незаконным ущемлением их прав, произволом государства-суверена, которое может грубо нарушать, гарантированные международные права. Отделение может выступить в качестве законного ответа на противоправные действия в отношении народа. В современных условиях требуется непрерывная разработка наиболее новых и эффективных механизмов реализации и взаимодействия основных принципов международного права, а главным образом, рассматриваемого, а именно путем международных соглашений, компромиссов и урегулирования локальных разногласий мирными и эффективными методами.

Литература:

1. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII — XIX вв.: Сб. документов / Под ред. П. Н. Галанзы. М., 1957. С.250.
2. Jennings, I. The approach to self-government. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1956. P.56.
3. Sureda, The Evolution of the Right of Self-Determination, 100. Обзор точек зрения четырех государств-инициаторов и других участников в майской дискуссии в 1945 г. см. в: *ibid*, 97—120.
4. [А.Кристеску]. Право народов на самоопределение: историческое и современное развитие. Нью-Йорк, 1981. С.4.
5. UN General Assembly Resolution 1514 (XV), 947th plenary meeting, December 14, 1960.

6. Применение принципа самоопределения народов в контексте территориального спора: выпускная квалификационная работа / А. Д. Иванюшин; Науч. рук. А. С. Карцов; Рецензент Д. Г. Бартенев; Санкт-Петербургский государственный университет. Юридический факультет. Кафедра международного права. — СПб., 2011. — 54 с.
7. Роль резолюций Генеральной Ассамблеи ООН в прогрессивном развитии принципа самоопределения: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.10 — Международное право; Международное частное право / Аль-Нашири Мохамед Яхья; Науч. рук. И. И. Лукашук; Министерство высшего и среднего специального образования УССР. Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. — Киев, 1977. — 20 с.
8. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml
9. Сперанская, Л. В., Принцип самоопределения наций в международном праве. — М.: Госюриздат, 1961. — 173 с.
10. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, 1970 г. — www.un.org/ru/;
11. <http://voskanapat.info/?p=685>
12. Грушкин Д. В. Право народов на самоопределение: история развития и воплощения идеи. М., 2008. Охотский Е. В. Государственное управление в современной России: учебно-методический комплекс.
13. U. S. Congressional Record, Volume 53, Part 9, 8854.
14. A. Rigo Sureda, The Evolution of the Right of Self-Determination: A Study of United Nations Practice (Leiden: A. W. Sijthoff, 1973): 17.

Институт мировых судей (часть 1)

Тальянов Александр Валерьевич, студент

Российский государственный университет правосудия, Дальневосточный филиал (г. Хабаровск)

Институт мировых судей является не новым в зарубежной юстиции и действует на территории многих государств, таких как США, Греция, Англия, Италия и других. Введение института мирового судейства в начале XX века поставило Россию в один ряд с цивилизованными странами с развитой разветвленной судебной системой.

В настоящее время роль мировых судов увеличивается, о чем свидетельствует количество рассматриваемых дел мировыми судьями.

Особенности организации деятельности мировой юстиции связаны с тем, что, с одной стороны, данные суды составляют одно из звеньев судебной системы Российской Федерации, как суды общей юрисдикции. С другой стороны, они характеризуются как суды субъектов Российской Федерации. Данный факт предопределяет особенности организации их деятельности.

Правильная организация работы судов ведет к высокому качеству осуществления правосудия и выполнению задачи по защите прав и свобод граждан.

Организация деятельности судов, в том числе мировых судов, должна включать анализ следующих аспектов их деятельности:

- 1) организацию делопроизводства;
- 2) организацию рассмотрения дел в различных инстанциях;
- 3) организацию работы по подготовке дел к судебному разбирательству;
- 4) организацию работы по обращению к исполнению судебных решений;

5) организацию судебной статистики, изучение и обобщение судебной практики;

6) организацию работы по рассмотрению жалоб и заявлений граждан;

7) организационное обеспечение судов;

8) организацию работы аппарата судов.

Таким образом, можно дать условное определение, что организация деятельности судов — это планомерное и продуманное устройство работы судов [4, с. 26].

Ряд правоведов весьма справедливо выделяют следующие особенности организации деятельности мировых судей, которые отличают ее от организации деятельности других звеньев судебной системы.

1. Осуществление мировыми судьями деятельности в пределах судебных участков.

2. Неурегулированность федеральным законодательством полномочий мировых судей как должностных лиц.

3. Необходимость замещения мирового судьи в случае его отсутствия [2, с. 42].

В соответствии с нормами ст. 4 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» мировые судьи осуществляют свою деятельность в пределах судебных участков, следовательно, по своей структуре мировые судьи сходны с ранее существовавшими односоставными районными судами, в которых один штатный судья выполнял в то же время обязанности председателя суда.

Так как Законом «О мировых судьях в Российской Федерации» установлены только процессуальные полно-

мочия мировых судей, то остальные полномочия мировых судей в части организации их работы регулируются законами субъектов РФ и значительно отличаются как между собой, так и от полномочий председателей судов.

Так, например, согласно ст. 11 Закона Воронежской области от 13 декабря 2000 г. «О мировых судьях Воронежской области» мировой судья: председательствует в судебных заседаниях; организует работу аппарата мирового судьи и обслуживающего персонала; ведет личный прием, рассматривает предложения, заявления и жалобы; руководит ведением судебной статистики; осуществляет иные функции согласно действующему законодательству. В Законе Хабаровского края от 27.05.2009 № 244 «О мировых судьях в Хабаровском крае» организационные полномочия мировых судей вообще не указаны.

Таким образом, неурегулированность данного вопроса федеральным законодательством создают предпосылки для распределения обязанностей между работниками аппарата ненадлежащим образом, повышение квалификации аппарата мировым судьей проводится беспланоно, от случая к случаю. Между тем, ненадлежащее оформление протокола судебного заседания в обязательном порядке влечет отмену решения, даже в том случае, если оно обоснованное и законное. Ошибка в делопроизводстве также может повлечь для сторон неблагоприятные последствия.

Тем самым, в целях обеспечения прав граждан на справедливую судебную защиту представляется целесообразным дополнить Закон «О мировых судьях в Российской Федерации» статьей с указанием должностных обязанностей мирового судьи [6, с. 120].

Осуществление мировым судьей деятельности в пределах судебного участка имеет целью приближения суда к населению. Данной цели возможно достигнуть в случае, если мировой судья будет располагаться на территории судебного участка, которых на территории района должно быть несколько, и населению будет легче обратиться к мировому судье прежде всего в силу территориальной близости.

Переходя к проблеме осуществления мировыми судьями деятельности в пределах судебных участков, следует отметить, что согласно ч. 4 ст. 4 Закона «О мировых судьях в Российской Федерации» установлено создание судебных участков из расчета численности населения на одном участке от 15 до 30 тысяч человек.

Однако, на практике складывается ситуация, отсутствует возможность отдельного размещения мировых судей на территории вверенных судебных участков, им предоставляют помещение либо в зданиях районных судов, либо хотя и не в них, но все равно всем вместе в районном центре. Такая ситуация наиболее характерна для крупных городов, что отрицательно сказывается на доступности мировой юстиции для граждан, поскольку преимущество получают только граждане, место жительства которых ближе расположено к районному центру и месту нахождения помещения мировых судей.

Принцип осуществление деятельности в пределах судебных участков на практике привел к неравномерности распределения между мировыми судьями нагрузки по рассмотрению дел. Так, согласно сведениям о работе мировых судей Хабаровского края за 12 месяцев 2013 г. мировым судьей судебного участка Комсомольского района Хабаровского края № 54 рассмотрено 64 уголовных дела, 832 гражданских, 1018 дел об административных правонарушениях, общая нагрузка составила 190 дел, в то время как мировым судьей судебного участка № 33 Центрального округа г. Комсомольска-на-Амуре рассмотрено 81 уголовных дел, 2606 гражданских и 941 дел об административных правонарушениях. Общая нагрузка данного судьи составила 346 дел. То есть нагрузка, исходя из числа дел, различается почти в 2 раза [8].

Большая загруженность ведет к более длительному рассмотрению дел, при этом падает качество рассмотрения. Это нарушает право граждан на доступное правосудие.

Как показывают статистические данные, загруженность мировых судов определяется не количеством жителей на участке, а уровнем хозяйственного оборота, степенью концентрации объектов производства, уровнем преступности и другими особенностями местности.

Исходя из указанной проблемы, представляется целесообразным внести изменения в Закон «О мировых судьях в Российской Федерации», расширив территориальные показатели для создания судебных участков из расчета численности от 10 до 40 тысяч человек. В данных рамках у субъектов РФ будет больше возможности решения проблемы повышенной нагрузки путем изменения границ судебных участков.

Проблема временного увеличения нагрузки вполне может быть разрешена путем привлечения к осуществлению правосудия в качестве мирового судьи, судьи, находящегося в отставке.

Представляется целесообразным дополнить Закон «О мировых судьях в Российской Федерации» положениями, регламентирующими положение добавочных мировых судей, которые бы отличались от участковых мировых судей только отсутствием конкретного судебного участка, а их назначение на участок осуществлялось бы председателем суда уровня субъекта РФ.

Институт добавочных судей уже знаком судебной системе России. Так, согласно ст. 45.1 Уголовного судебного уложения с 1886 г. вводились добавочные мировые судьи, которые назначались постановлением съезда мировых судей для исполнения обязанностей участковых мировых судей в случае их устранения, отсутствия, болезни, смерти, а также для облегчения тех, которые чрезмерно обременены участковыми делами [5, с. 59].

Таким образом, организация работы мировых судей в настоящее время из-за специфики данного звена судебной системы имеет ряд существенных отличий от организации работы в других звеньях судебной системы, что в ряде случаев ведет к нарушению конституционных прав

граждан на судебную защиту и противоречит целям возрождения мировых судей.

В связи с этим представляется целесообразным закрепить в федеральном законодательстве с целью обеспечения на всем правовом поле России равного права граждан на судебную защиту:

- 1) полномочия мировых судей как должностных лиц, установив их равными полномочиям председателей судов;
- 2) уменьшение нижней и увеличение верхней границы количества населения на один судебный участок;
- 3) создание не менее двух судебных участков в судебном районе;
- 4) размещение мирового судьи непосредственно на территории судебного участка;
- 5) введение добавочных мировых судей для привлечения к отправлению правосудия в случае временного увеличения нагрузки мировых судей;
- 6) установить, что в случае отсутствия мирового судьи исполнение его обязанностей может быть не только возложено председателем районного суда на мирового судью ближайшего судебного участка либо, если это невозможно по каким-либо причинам (в районе — один судебный участок и т.п.), председателем суда соответствующего субъекта РФ на мирового судью ближайшего судебного участка другого района, но и на судью в отставке.

Предлагаемые изменения в законодательстве, направленные на эффективную организацию деятельности мировых судей при осуществлении ими судебной власти, приведут к повышению уровня защиты прав граждан в Российской Федерации.

Особенностями организационного обеспечения деятельности мировых судей, отличающие его от организационного обеспечения деятельности других звеньев судебной системы, являются:

1. Отсутствие законодательного закрепления функций по организационному обеспечению деятельности мировых судей.
2. Материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей за счет средств бюджета субъектов РФ.
3. Количество работников аппарата мирового судьи и порядок их назначения.

Организационное обеспечение деятельности мировых судей в части их финансирования осуществляется Судебным департаментом при Верховном Суде РФ из федерального бюджета, а материально-техническое обеспечение деятельности осуществляется органами исполнительной власти субъектов РФ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [Текст] // Российская газета. — 1993. — 25 дек.
2. Анохина, В. Ю. Вопросы организационного обеспечения деятельности мировых судей. — [Текст] / В. Ю. Анохина // Российская юстиция. — 2006. — № 11. — с. 40–48.
3. Гарифуллина, А. Р. Некоторые аспекты организационного обеспечения деятельности мировых судей. — [Текст] / А. Р. Гарифуллина // Российский судья. — 2012. — № 6. — с. 5–10.

Финансирование судов из федерального бюджета направлено на повышение их самостоятельности и независимости. В связи с этим положения законодательства, устанавливающие материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей, повышение их квалификации, возмещение процессуальных издержек за счет средств бюджета субъектов РФ, прямо противоречат ст. 124 Конституции РФ, устанавливающей финансирование судов только из федерального бюджета с тем, чтобы обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом.

В научной литературе уже указывалось, что недопустимо расчленять конституционное понятие «финансирование судов» на «собственно финансирование» и «материально-техническое обеспечение», так как это прямо направлено на обход конституционных принципов финансирования и снижение гарантий независимости судебной власти [7, с. 47].

Вопрос о соответствии Конституции РФ Закона «О судебной системе Российской Федерации» в части возложения материально-технического обеспечения деятельности мировых судей и работников их аппаратов на органы власти субъектов РФ до настоящего времени остается открытым.

Таким образом, организационное обеспечение деятельности мировых судей в настоящее время из-за специфики данного звена судебной системы имеет ряд существенных отличий от организационного обеспечения деятельности других звеньев судебной системы, что в ряде случаев ведет к нарушению конституционных прав граждан на судебную защиту и противоречит целям возрождения мировых судей.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным закрепить в федеральном законодательстве с целью обеспечения на всем правовом поле России равного права граждан на судебную защиту.

1. Обеспечение равного материально-технического обеспечения мировых судей в РФ, либо из федерального бюджета, либо из бюджета субъектов РФ с установлением единых федеральных нормативов.
2. Возложение обязанности по организационному обеспечению мировых судей на управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ в субъектах РФ.
3. Количество работников аппарата мировых судей — не менее трех человек, предоставив мировому судье право назначения на должность и освобождения от должности работников аппарата.

4. Даниелян, Д. Р. Об основных направлениях развития судебной системы. — [Текст] / Д. Р. Даниелян // Мировой судья. — 2013. — № 6. — с. 26–28.
5. Дорошков, В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности. — [Текст] / В. В. Дорошков. — М.: НОРМА, 2009. — 320 с.
6. Колоколов, Н. А., Павликов, С. Г. Теория судебных систем: особенности конституционного регулирования, судебного строительства и организации судебной деятельности в федеративном государстве [Текст] / Н. А. Колоколов, С. Г. Павликов. — М.: Юрлитинформ, 2007. — 250 с.
7. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации [Текст] / Отв. ред. д-р юрид. наук В. П. Кашепов. — М.: Юриспруденция, 2011. — 102с.
8. Сведения о среднемесячной нагрузке по рассмотрению дел судебными участками мировых судей за 12 месяцев 2013 года // <http://usd.hbr.sudrf.ru>

Институт мировых судей (часть 2)

Тальянов Александр Валерьевич, студент

Российский государственный университет правосудия, Дальневосточный филиал (г. Хабаровск)

В Российской Федерации с 2000 г. работают мировые судьи. Несмотря на незначительный период их деятельности, можно уже говорить о том, что мировые судьи оправдывают свое предназначение и играют важнейшую роль в обеспечении судебной защиты прав граждан. В связи с этим институт мировых судей (или, как его зачастую называют, «мировая юстиция») заслуживает большого внимания, поддержки и дальнейшего развития.

Сравнивая правовое положение мировых судей как звена судебной системы с правовым положением других звеньев судебной системы, следует сказать, что мировые судьи как звено судебной системы имеют целый ряд особенностей, несвойственных остальным звеньям судебной системы. Правильная организация работы ведет к высокому качеству осуществления правосудия и, следовательно, выполнению задачи по защите прав и свобод граждан.

Для обеспечения действительно самостоятельной судебной власти и в ее составе независимости мирового судьи необходимо обеспечить соответствующий статус аппарата мирового судьи.

Вопрос статуса и организации деятельности работников аппарата мирового судьи не менее важный для нормальной организации судебной власти.

Эти идеи были облачены в конкретные правовые нормы Федерального закона от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» [2].

Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации является федеральным государственным органом, осуществляющим организационное обеспечение деятельности верховных судов республик, краевых и областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области и автономных округов, районных судов, военных и специализированных судов (далее — суды), органов судейского сообщества, а также финансирование мировых судей.

При этом в Законе сделана оговорка, что под организационным обеспечением деятельности судов понимаются мероприятия кадрового, финансового, материально-технического и иного характера, направленные на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия.

Требует урегулирования вопрос об организационном обеспечении деятельности мировых судей, где под организационным обеспечением деятельности судов понимаются мероприятия кадрового, финансового, материально-технического и иного характера, направленные на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия. В соответствии с федеральным законом «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» организационное обеспечение федеральных судов и органов судейского сообщества возлагается на Судебный департамент. В отношении же мировых судей Судебный департамент осуществляет лишь финансирование, в то время как материально-техническое их обеспечение возложено на органы юстиции либо органы исполнительной власти соответствующего субъекта РФ в порядке, установленном законом соответствующего субъекта Федерации [7, с. 26].

На основании ч. 1 ст. 10 Федерального закона № 188-ФЗ обеспечение заработной платы мировых судей и социальных выплат, предусмотренных для судей федеральными законами, является расходным обязательством Российской Федерации. Федеральный бюджет через органы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации осуществляет финансирование расходов на заработную плату мировых судей и социальные выплаты, предусмотренные для судей федеральными законами.

В соответствии со ст. 9 ФЗ о мировых судьях работу мирового судьи обеспечивает его аппарат. Структура и штатное расписание аппарата мирового судьи устанав-

ливаются в порядке, предусмотренном законом субъекта Российской Федерации. Работники аппарата мирового судьи являются государственными служащими соответствующего субъекта Российской Федерации.

Статья 10 этого же Закона устанавливает, что материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей осуществляют органы исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации в порядке, установленном законом соответствующего субъекта Российской Федерации. Вместе с тем возмещение издержек, покрываемых за счет федерального бюджета, по делам, рассматриваемым мировыми судьями, осуществляется через органы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Возложение финансирования мировых судей и их расходов на заработную плату и материально-технического обеспечения на органы, относящиеся к различным ветвям государственной власти, порождает неопределенность и неоднозначность в создании условий для обеспечения правосудия, приводит к отсутствию единого подхода в осуществлении организационного обеспечения деятельности мировых судей в различных субъектах Российской Федерации. В этой связи следует поставить вопрос о создании в Управлениях судебного департамента при Верховном суде РФ специальных отделов (подразделений) для осуществления организационного обеспечения деятельности мировых судей. В случае если такое решение будет принято, то в федеральный закон «О Судебном департаменте Российской Федерации» потребуется внести соответствующие изменения и дополнения.

Весь аппарат мирового судьи входит в структуру государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации, материально-техническое обеспечение мирового судьи осуществляет исполнительная власть субъекта Российской Федерации.

При этом система служебных отношений между мировым судьей с его неопределенным положением в системе государственной службы Российской Федерации и должностными лицами в его аппарате нормативно не установлены. Каждый субъект Российской Федерации строит систему гражданской службы в аппаратах мировых судей по своему разумению.

Ряд правоведов весьма справедливо выделяют следующие особенности организации деятельности мировых судей, которые отличают ее от организации деятельности других звеньев судебной системы.

1. Осуществление мировыми судьями деятельности в пределах судебных участков.

2. Неурегулированность федеральным законодательством полномочий мировых судей как должностных лиц.

3. Необходимость замещения мирового судьи в случае его отсутствия.

В соответствии с нормами ст. 4 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» мировые судьи осуществляют свою деятельность в пределах судебных участков,

следовательно, по своей структуре мировые судьи сходны с ранее существовавшими одноставными районными судами, в которых один штатный судья выполнял в то же время обязанности председателя суда.

Так как Законом о мировых судьях установлены только процессуальные полномочия мировых судей, то остальные полномочия мировых судей в части организации их работы регулируются законами субъектов РФ и значительно отличаются как между собой, так и от полномочий председателей судов.

Так, например, согласно ст. 11 Закона Воронежской области от 13 декабря 2000 г. «О мировых судьях Воронежской области» мировой судья: председательствует в судебных заседаниях; организует работу аппарата мирового судьи и обслуживающего персонала; ведет личный прием, рассматривает предложения, заявления и жалобы; руководит ведением судебной статистики; осуществляет иные функции согласно действующему законодательству. В Законе Хабаровского края от 27.05.2009 № 244 «О мировых судьях в Хабаровском крае» организационные полномочия мировых судей вообще не указаны.

Таким образом, неурегулированность данного вопроса федеральным законодательством создают предпосылки для распределения обязанностей между работниками аппарата ненадлежащим образом, повышение квалификации аппарата мировым судьей проводится беспланово, от случая к случаю. Между тем, ненадлежащее оформление протокола судебного заседания в обязательном порядке влечет отмену решения, даже в том случае, если оно обоснованное и законное. Ошибка в делопроизводстве также может повлечь для сторон неблагоприятные последствия [6, с. 5].

Тем самым, в целях обеспечения прав граждан на справедливую судебную защиту представляется целесообразным дополнить Закон «О мировых судьях в Российской Федерации» статьей с указанием должностных обязанностей мирового судьи.

Средний уровень нагрузки у мировых судей составляет 30 дел в неделю. При этом половина судей рассматривает меньше 23 дел и материалов в неделю. Наиболее распространенная ситуация, при которой судья рассматривает от 10 до 20 дел в неделю (25,9%). При 8 часовом рабочем дне это составляет 48 минут на одно дело. Исследования о нагрузке судей и сотрудников аппарата судов проведенные 15 лет назад (в 1996 году) Минтрудом России и рекомендованные в качестве предельной нагрузки для судей и секретарей указывают иные нормативы [4]. В этих нормативах указаны временные затраты на каждую категорию дел, но в среднем на рассмотрение районным судьей одного уголовного дела с одним обвиняемым (при наличии двух и более обвиняемых идут поправочные коэффициенты в сторону увеличения) отводится 14 часов, а для рассмотрения одного гражданского дела — 7 часов 40 минут.

Соответственно, если даже не учитывать временные затраты на подготовку к заседанию и внепроцессуальную работу, получается, что при восьмичасовом рабочем дне

в неделю возможно рассмотреть только 2,8 уголовных дел или 5 гражданских дел.

Таким образом, нагрузка мировых судей зависит от места расположения судебного участка, социально-психологического состояния населения, его восприятия понятия «судебная защита», от места расположения крупных предприятий, и других факторов, а не только от количества населения проживающих в границах судебного участка [9, с. 2].

Исходя из изложенного, критерием создания судебных участков на региональном уровне должно быть не только количество человек, проживающих на территории судебного участка, но и нагрузка на мировых судей по рассмотрению дел.

В связи с этим высказываются предложения ввести дополнительные критерии помимо критерия численности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [Текст] // Российская газета. — 1993. — 25 дек.
2. Федеральный закон от 08.01.1998 N 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства РФ. — 1998. — N 2. — Ст. 223,
3. Федеральный закон от 17.12.1998 N 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства РФ / — 1998 / — N 51 / — Ст. 6270
4. Нормы нагрузки судей, судебных исполнителей и работников аппарата районных (городских) судов» [Текст] // Постановление Минтруда РФ, Минюста РФ от 27.06.1996 N 416/06—74—125
5. Анохина, В. Ю. Вопросы организационного обеспечения деятельности мировых судей [Текст] / В. Ю. Анохина // Российская юстиция. — 2009. — № 11. — с. 40—48.
6. Гарифуллина, А. Р. Некоторые аспекты организационного обеспечения деятельности мировых судей [Текст] / А. Р. Гарифуллина // Российский судья. — 2012. — № 6. — с. 5—10.
7. Даниелян, Д. Р. Об основных направлениях развития судебной системы [Текст] / Д. Н. Даниелян // Мировой судья. — 2013. — N 6. — с. 26—28.
8. Дорошков, В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности [Текст] / В. В. Дорошков. — М.: НОРМА, 2010. — 320 с.
9. Дорошков, В. В. Проблемы мировой юстиции и пути их решения на современном этапе реформирования отечественной судебной системы [Текст] / В. В. Дорошков // Мировой судья. — 2013. — N 1. — с. 2—5.

Институт мировых судей (часть 3)

Тальянов Александр Валерьевич, студент

Российский государственный университет правосудия, Дальневосточный филиал (г. Хабаровск)

Исторические причины возрождения в России в конце XX в. мировой юстиции были во многом обусловлены в том числе и новыми политическими условиями, а также правовыми реалиями. По своей изначальной правовой сути демократический институт мировой юстиции во многом призван был обеспечить доступность, простоту и быстроту судопроизводства, реализовать те общие тенденции в развитии уголовного судопроизводства, которые обозначились с принятием в 1993 г. Конституции РФ.

Приближение мировой юстиции к местам проживания граждан, обеспечение населения доступной юридической

При этом в городах определяющим должно быть количество уголовных преступлений и гражданская конфликтность, а в сельской местности — территориальная удаленность населенных пунктов.

Позитивным было бы создание в административно-территориальных единицах входящим в судебный район минимальное количество судебных участков мировых судей не менее двух. Тогда можно решить многие проблемы организационного и процессуального характера, в частности, замещения мировых судей во время их временного отсутствия (болезнь, отпуск и иные уважительные причины) либо при прекращении или приостановлении полномочий мирового судьи. В этом случае исполнение его обязанностей будет возлагаться на мирового судью другого судебного участка, но того же населенного пункта.

помощью, ускорение судопроизводства путем законодательного закрепления принципа сокращения сроков судебного разбирательства содействует тому, что мировые суды становятся надежным гарантом интересов граждан, общества и государства. У мировых судей появляется реальная возможность обеспечить возможность быстрого и одновременно законного и обоснованного разрешения большинства споров и конфликтов, тем самым эффективная защита конституционных прав человека.

Таким образом, причины возрождения института мировых судей в России носят закономерный, объективный

характер и вызваны развитием общих тенденций совершенствования судопроизводства.

В настоящее время необходимо выявить следующие основные тенденции развития российского судопроизводства:

- 1) расширение и укрепление демократических принципов, форм, институтов уголовного и гражданского процесса;
- 2) дифференциация форм судопроизводства в зависимости от степени общественной опасности преступлений и других факторов;
- 3) расширение прав личности в уголовном и гражданском процессе;
- 4) усиление процессуальных гарантий, возрастание роли и значения процессуальной формы в рассмотрении дел [4, с. 4].

Таким образом, к объективным причинам возрождения в России института мировых судей следует отнести:

- 1) Соответствие статуса мирового судьи тенденциям углубления специализации, профессионализации судей и разделению компетенции между судами различных звеньев;
- 2) необходимость освобождения федеральных судей от рассмотрения незначительных дел в связи с увеличением количества обращений в суды;
- 3) желательность ликвидации конфликтов путем активного использования примирительных процедур (восстановление правосудия);
- 4) приближение правосудия к населению с привлечением элементов контроля населения за судебной системой.

С другой стороны, нельзя обойти стороной и тенденцию, в соответствии с которой воззрения на мирового судью как самостоятельную фигуру, который в ходе принятия решения руководствуется кроме правовых норм нравственными устоями, утратили свое превосходство (как это было в дореволюционной России). Мировой суд стал в своем традиционном воззрении как орган, призванный разрешать споры только на основании закона. Тем самым превалирует другой, более технологический подход, по которому введение института мировых судей прежде всего нацелено на то, чтобы разгрузить районные и городские суды, освободить их от «мелочевки» [5, с.25].

Цели, задачи мировой юстиции и права мировых судей находятся между собой во взаимосвязи и взаимозависимости. Осуществление функций возможно лишь через реализацию полномочий мировых судей, в которых они и опосредуются. Такой теоретический подход обосновывает целесообразность дополнения Закона о мировых судьях статьей 1.1 «Основные цели и задачи мировых судей» следующего содержания: «Целью деятельности мирового судьи является обеспечение, охрана и защита прав и интересов личности, юридических лиц, государства, расширение сфер судебной защиты прав и свобод граждан; усиление оперативности и оптимизации судопроизводства, направленность производства на примирение сторон, воз-

можность применения альтернативных способов урегулирования конфликтов с учетом местной специфики.

Основной задачей мирового судьи является, воплощая идею судебного федерализма, справедливое осуществление правосудия от имени Российской Федерации при рассмотрении им единолично по первой инстанции дел в порядке уголовного, гражданского, административного судопроизводства».

Следует также включить должность мирового судьи в перечень государственных должностей Российской Федерации для обеспечения соблюдения конституционных принципов независимости, единства статуса и финансирования судей за счет средств федерального бюджета.

В целях установления общности статуса мировых судей и судей федеральных судов, единства условий осуществления правосудия в Российской Федерации предлагаем отнести к ведению Российской Федерации разработку структуры и штатного расписания аппарата мирового судьи (помощник судьи, секретарь судебного заседания и специалист судебного участка) как подразделения одноставного мирового суда, которое обеспечивает его работу и принадлежит к судебной власти Российской Федерации, и законодательное определение прав и обязанностей помощника судьи, секретаря судебного заседания и специалиста судебного участка. Целесообразно законодательно закрепить за мировым судьей как руководителем суда полномочия, касающиеся процедуры приема и увольнения, прохождения службы работников аппарата мирового судьи. Субъект Российской Федерации в этом случае должен обладать правом введения дополнительных должностей работников аппарата, финансирование которых должно осуществляться из бюджета субъекта Российской Федерации. Соответственно нужно дополнить Закон о мировых судьях статьей 3.1 «Компетенция мирового судьи в сфере организации судебной деятельности» и изложить ее в следующей редакции: «Мировой судья наряду с осуществлением полномочий судьи мирового суда, установленных для мирового судьи федеральными конституционными законами и федеральными законами, осуществляет следующие функции:

- 1) организует работу судебного участка;
- 2) устанавливает правила внутреннего трудового распорядка на судебном участке и обеспечивает контроль их выполнения;
- 3) назначает на должность и освобождает от должности работников аппарата;
- 4) распределяет обязанности между работниками аппарата;
- 5) принимает решения по вопросам поощрения работников аппарата или привлечения к дисциплинарной ответственности;
- 6) осуществляет иные полномочия по организации судебного участка».

По информации Управления судебного департамента в 2014 году средняя нагрузка на мирового судью в Хабаровском крае составляла 222,4 дела в месяц. При этом

нагрузка распределяется неравномерно не только между мировыми судьями, работающими в разных муниципальных районах края, но и между судьями, работающими в пределах одного муниципального района или городского округа. Особенно она высока у судей Солнечного, Амурского и Николаевского муниципальных районов.

В целях решения указанной проблемы в июле 2008 года по инициативе Законодательной Думы края федеральным законом число судебных участков в крае было увеличено с 69 до 75. Председателям районных судов федеральным законом было предоставлено право в целях обеспечения равномерности нагрузки на мировых судей в пределах одного района передавать мотивированным распоряжением часть дел, поступивших к мировому судье одного судебного участка, мировому судье другого судебного участка того же судебного района, в случае, если нагрузка первого мирового судьи превышает среднюю нагрузку мировых судей в соответствующем судебном районе.

Судьями и учеными-юристами высказываются, в частности, следующие предложения по оптимизации нагрузки как средство правовой защиты участников судопроизводства:

— укрупнение районных судов за счет объединения малосоставных районных судов и перераспределение штатной численности судей, введение практики административного судопроизводства, в том числе и для специального рассмотрения споров граждан с чиновниками, что позволит устранить существующую неравномерность распределения нагрузки и сделает правосудие более доступным для граждан;

— принятие законов, которые меняют распределение дел между мировыми судьями и судьями районного звена. Служебная нагрузка судей районного звена по России в 2013 г. составляла в среднем 36, 8 дел в месяц, а у мировых судей превышала 200 дел. В связи с этим следует упростить порядок судебного разбирательства у мировых судей;

— на судебных участках густонаселенных, экономически активных территорий необходимо увеличить количество помощников у мировых судей;

— внедрение примирительных процедур, внесудебных и досудебных способов урегулирования споров (в мировой практике применение этого способа внесудебного разрешения споров свидетельствует о том, что в 70–80% случаях конфликты заканчиваются заключением соглашения между сторонами) Правовая база для этого имеется: с 1 января 2011 г. вступил в силу Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»;

— расширение процессуальных прав помощника судьи и законодательное определение его функции при подготовке дела к рассмотрению (в частности, целесообразно было бы наделить помощника судьи правом по возвращению поступивших исковых заявлений, иных материалов, связанных с принятием и подготовкой дела

к рассмотрению или оставлению его без движения, для устранения недостатков в соответствии с требованиями ст. 135 ГПК РФ, ст. 319, части второй ст. 363, части третьей ст. 375, части второй ст. 404 УПК РФ).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

— вывод о необходимости определения в рамках Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» правового положения мирового судьи, поскольку в настоящее время оно носит неопределенно двойственный характер: с одной стороны, мировой судья является судьей общей юрисдикции субъекта РФ, его введение зависит от содержания регионального законодательства, а с другой — законодатель признает его полноценным носителем судебной власти, элементом (звеном) единой судебной системы Российской Федерации, принимающим судебные постановления от имени Российской Федерации;

— предложение о дополнении Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» положением, определяющим порядок замещения отсутствующего мирового судьи. При этом возможно несколько вариантов замещения. Например, возложение обязанностей отсутствующего судьи на мирового судью ближайшего судебного участка при условии, если в административно-территориальном образовании имеется несколько судебных участков, либо на мирового судью ближайшего прилегающего административно-территориального образования, если в данном образовании имеется только один судебный участок;

— предложение о дополнении Федерального закона «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» положением о создании в территориальных управлениях (отделах) Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации специальных отделов (подразделений) для осуществления организационно-правового обеспечения деятельности мировых судей.

Уменьшение расчетной численности населения для создания судебного участка хотя и не решило проблему в целом, тем не менее способствовало стабилизации работы мировых судей, улучшению качества размещения судебных участков и более широкому доступу граждан к правосудию.

Таким образом, законодателям и правоприменителям предстоит реализовать множество мероприятий по всестороннему и полному обеспечению деятельности мировых судей, сохранению за ними высокого социального статуса и построению сильной вертикали судебной власти в масштабах всей страны.

Возрождение мировых судей как самостоятельного социально — правового института в современной России вызвана следующими основными объективными причинами, связанными с процессами реформации и модернизации всех сфер общественной жизни, в том числе в сфере судостроительства и судопроизводства: возросшая

роль судов в российском обществе как основного органа обеспечения защиты прав граждан; значительный количественный рост разрешаемых судами дел, вызвавший необходимость наличия отдельных судей (мировых), специали-

зирующихся на единоличном рассмотрении и разрешении несложных дел в порядке гражданского, уголовного и административного судопроизводства в условиях максимальной доступности и приближенности к населению.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [Текст] // Российская газета. — 1993. — 25 дек.
2. Федеральный закон от 08.01.1998 N 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства РФ. — 1998. — N 2. — Ст. 223,
3. Федеральный закон от 17.12.1998 N 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» [Текст] // Собрание законодательства РФ / — 1998 / — N 51 / — Ст. 6270
4. Дорошков, В. В. Проблемы мировой юстиции и пути их решения на современном этапе реформирования отечественной судебной системы [Текст] / В. В. Дорошков // Мировой судья. — 2013. — N 1. — с. 3–6
5. Нестеров, В. М. Организация деятельности мировых судей в Российской Федерации [Текст] / В. М. Нестеров // Мировой судья. — 2010. — N 12. — с. 24–26.

Уголовно-правовая презумпция в законодательной регламентации деликтоспособности

Тарасенко Виталий Викторович, аспирант
Воронежский государственный университет

Уголовно-правовой институт деликтоспособности в уголовном законе (ст. 20 Уголовного кодекса Российской Федерации. Далее по тексту УК РФ) сконструирован законодателем при помощи такого исключительного средства правотворческой техники, как правовая презумпция [1, с. 558, 880], в результате уголовно-правовые отношения, связанные с возрастными признаками субъекта преступления, обрели правовые формы их подтверждения путем установления правовых условий их действительности. Используя данную уголовно-правовую презумпцию, законодатель существенно снижает уровень уголовной репрессии государства и тем самым преобразовывает уголовную политику государства в отношении лица, подлежащего уголовной ответственности. «Уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста» (ч. 1 ст. 20 УК РФ). В этом случае лицо совершившее преступление, не подлежит уголовной ответственности, если ко времени совершения им уголовно-наказуемого деяния, ему не исполнилось 16-ти лет, за исключением отдельных видов преступлений, установленных ч. 2 ст. 20 УК РФ, когда уголовной ответственности подлежат лица, достигшие ко времени совершения преступления 14-го возраста. Третий возрастной критерий, предусмотренный действующим уголовным законодательством, связан, прежде всего, с наличием специального субъекта преступлений и, по моему мнению, не имеет никакого отношения к уголовно-правовой презумпции, т.к. не является по своей сути предположением о наличии или

отсутствии определенных фактов в силу прямого указания на это в уголовном законе. Так, например, субъектом состава преступления, связанного с вынесением заведомо неправосудных приговоров, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ), является судья, т.е. должностное лицо, которое, помимо прочих требований, имеет возрастную ценз, равный минимум 25-ти летнему возрасту, что прямо вытекает из ст. 119 Конституции РФ и п. 2 ч. 2 ст. 4 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации». [2]

Правовая презумпция как средство правотворческой техники в законодательной регламентации деликтоспособности в уголовном праве исходит из того, что при совершении любого преступления не подлежит уголовной ответственности лицо, в деянии которого имеются все признаки состава преступления, кроме признака субъекта преступления, при этом действия (бездействия) лица являются противоправными как в момент возникновения уголовно-правовых отношений, так и при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности (п. 2 ст. 24 УПК РФ). Данный правотворческий прием позволяет говорить о невозможности вести речь о плодотворности уголовной политики государства без учета законодателем продиктованных обществом интересов рационального правотворчества, когда государственная политика в сфере уголовно-правовых отношений строится на основе компромисса интересов общества и государства, что позволяет, в данном случае говорить о праве как категории не только юридической, но и политической.

Уголовно-правовая презумпция деликтоспособности в уголовном праве служит выражением новой концепции уголовной политики государства, основанной на уменьшении уголовной репрессии, при этом ее реализация наступает только в строго определенных законом случаях. [3, с. 162] Примером может служить ситуация, когда в ходе расследования уголовного дела устанавливается, что 11-ти летний правонарушитель полностью осознавал характер и значение совершаемых им действий (бездействий), действовал умышленно и целенаправленно, но, несмотря на все обстоятельства, не подлежит уголовной ответственности в соответствии с ч.ч. 1, 2 ст. 20 УК РФ. Таким образом, не достижение лицом, совершившим преступление, возраста уголовной ответственности, установленного ч. 1 или ч. 2 ст. 20 УК РФ, влечет прекращение или частичное прекращение в отношении него уголовного дела, о чем свидетельствует, также судебная практика. [4]

Использование законодателем правовой презумпции при создании в уголовном праве института деликтоспособности, прежде всего, связано с основным направлением законодательной политики нашего государства, направленным, в первую очередь, на приоритетную защиту материнства и детства. При этом следует отметить, что данный аспект государственной политики являлся актуальным не только во время принятия действующего уголовного кодекса — он остается животрепещущим и в настоящее время. [5] Вводя данную уголовно-правовую презумпцию, законодатель, бесспорно, минимизирует деятельность правоприменителя при проведении доследственной проверки по сообщению о преступлении (ст. ст. 144–145 УПК РФ), а также при проведении предварительного расследования по уголовному делу. Таким образом, правоприменителю достаточно установить возраст правонарушителя, не исследуя иные обстоятельства, подлежащие доказыванию, что, естественно, сократит срок расследования уголовного дела и принятия законного и обоснованного решения по делу.

Тем самым, взяв на вооружение в высокой степени достоверное предположение о не понимании лицом, совершившим подпадающее под признаки преступления деяние, до достижения определенного возраста (14 или 16 лет) фактического характера и общественной опасности совершаемых им действий (бездействий), законодатель, развивая одну из сторон права до предела, придает общественным отношениям, возникающим в связи с совершением несовершеннолетним преступления, определенную степень стабильности и упорядоченности. При этом надо сказать, что в некоторых случаях, как исключение, несовершеннолетний, с учетом его индивидуальных психофизиологических особенностей, имеет возможность осознания фактического характера и общественной опасности совершаемого им преступного деяния, но законодатель «отвергает» данное исключение и не допускает возможности признания виновным в совершении преступления лица, не достигшего соответствующего возраста. В первую очередь, запрет связан с блокированием доказывания пра-

воприменителем того факта, что лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, в силу своего развития, может быть признано виновным в совершении преступления. Говоря об опровержении данной уголовно-правовой презумпции, необходимо иметь в виду, что оно прежде всего относится к уменьшению возрастного предела. Что же касается ретроспективного возрастного критерия привлечения лица к уголовной ответственности, то законодатель, руководствуясь принципом гуманизма, предусматривает такую возможность, что, прежде всего, связано с отставанием лица, совершившего преступление, в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, когда правонарушитель во время совершения преступления не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) либо руководить ими в момент совершения преступления (ч. 3 ст. 20 УК РФ). В этой связи, нельзя оставить без внимания мнение Л. В. Боровых, которое было повторено не так давно Р. Ф. Гариповым, об установлении верхнего предела деликтоспособности для лиц пожилого возраста, что будет являться фактором ограничения потенциальной юридической ответственности в уголовном праве. [6, с. 12–13] В данном случае проблема не столько в том, что границы пожилого возраста являются весьма условными для каждого человека и связаны, прежде всего, с физиологическими и индивидуальными особенностями организма человека в процессе его жизнедеятельности, а с тем, что установив пожилой возраст как основание освобождения от уголовной ответственности, получим дисбаланс в уголовно-правовых отношениях, регулирующих возрастную критерий уголовной ответственности, что, бесспорно, приведет к нарушению стабильности правопорядка. Закрепляя данное положение в уголовном законе, законодатель, тем самым, закрепляет ложное положение (правовую фикцию) [7, с. 78], не соответствующее правовой действительности, ввиду того, что оно не отражает полно и адекватно регулируемой им действительность. Считаю, что в данном случае следует полностью согласиться с мнением, высказанным О. Д. Ситковской о том, что вопрос, связанный с установлением верхнего возрастного порога уголовной ответственности, это, прежде всего, вопрос о вменяемости и невменяемости лица, совершившего преступление [8, с. 123]. Поэтому весьма конструктивной, обеспечивающей связь Общей и Особенной частей УК, является позиция законодателя об установлении в уголовном законе только минимального возрастного порога уголовной ответственности.

В данном случае, выбирая из двух вариантов негативных последствий совершения преступления, законодатель отдает предпочтение «меньшему злу», потому что предвидит пагубность привлечения к уголовной ответственности лица в незрелом возрасте. Это, прежде всего, связано с формированием физиологического и психологического уровня развития несовершеннолетнего, что напрямую перетекает в процесс его ресоциа-

лизации в обществе, который, как справедливо отмечает Б. А. Пайзулаева, охватывает комплекс психологических, воспитательно-педагогических, профессиональных, юридических и медицинских мер воздействия [9, с. 9, 172]. Следствием такой пагубности является заниженная самооценка, неуверенность в себе, значительные трудности в обучении, что само по себе не может соответствовать целям построения современного гражданского общества и, без сомнения, не вписывается в задачу рационального правотворчества как неотъемлемой черты стабильности и упорядоченности общественных отношений. Иными словами, законодатель, используя такое средство правотворческой техники как правовая презумпция, преследует цель обезопасить будущие общественные отношения от более негативных деяний, которые могут причинить больший вред охраняемым уголовным законом интересам личности, общества и государства. При этом законодатель дает возможность оградить несовершеннолетних участников преступления от уголовной ответственности, устанавливая минимальный возраст уголовной ответственности, что позволяет уголовной юстиции экономить силы и средства при разбирательстве сообщения о преступлении и расследовании уголовного дела.

Законодательное закрепление в уголовном законе минимального возрастного предела, не достижение которого исключает уголовную ответственность личности, прежде всего соответствует принципу законности. Полагаю, что отсутствие в данном случае формализма уголовного закона и не предоставление возможности суду на свое усмотрение определять возрастной критерий уголовной ответственности, является вполне оправданным, иное могло бы привести к нарушению принципа равенства граждан перед законом. Хотя, следует отметить, что опыт зарубежного законодательства показывает и положительную роль в отсутствии формализации данного вопроса, так, например, законодательство Франции, Бельгии, Швеции в течение долгого времени не указывало на конкретный минимальный возраст уголовной ответственности, предоставляя суду в каждом конкретном случае решать вопрос об основаниях для «вменения» [10, с. 9].

На мой взгляд, не совсем понятной представляется позиция законодателя по формированию им диспозиции ч. 2 ст. 20 УК РФ, предусматривающей, как отмечалось выше, составы преступлений, уголовная ответственность за которые наступает с 14-го возраста. В диспозиции данной нормы перечислен исчерпывающий перечень 20-ти составов преступлений, представляющих, по мнению законодателя, наибольшую общественную опасность для личности, общества и государства. При этом уголовный закон четко указывает на конкретные части статей и на отдельные статьи, нарушение диспозиции которых влечет ответственность правонарушителя с 14-ти лет, что не дает правоприменителю возможности их самостоятельного толкования. Вызывают вопросы включение законодателем в диспозицию данной нормы таких преступлений, как террористический акт (ст. 205 УК РФ),

захват заложника (ст. 206 УК РФ) и не включения таких составов преступлений, как посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ). Исходя из того, что данный уголовно-правовой институт сформулирован с помощью такого средства правотворческой техники, как правовая презумпция, что априори подразумевает в высокой степени достоверное законодательное предположение, основанное на длительном предшествующем историко-правовом опыте, осознание несовершеннолетним лицом характера и степени общественной опасности таких преступлений, как терроризм и захват заложника, представляется не соответствующим действительности и противоречащим самой сути рационального правотворчества в сфере уголовно-правовой политики государства. С трудом можно представить 14-го правонарушителя, усвоившего мотивы, цели и способы совершения данных составов преступлений, о чем также свидетельствует отсутствие судебной практики по данному вопросу. В данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда адекватное отражение законодателем действительности не способствует достижению целей законодательной политики государства. Исходя из изложенного, с целью всестороннего и объективного регулирования постоянно изменяющихся общественных отношений, представляется необходимым внести в ч. 2 ст. 20 УК РФ изменения следующего характера: во-первых, представляется необходимым исключить из данной части статьи Особенной части УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за террористический акт (ст. 205 УК РФ) и захват заложника (ст. 206 УК РФ) как латентные нормы не отвечающие в полном объеме современным требованиям уголовной политики в области уголовной ответственности несовершеннолетних; во-вторых, добавить диспозицию ч. 2 ст. 20 УК РФ нормами, предусматривающими уголовную ответственность за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ).

Большинство теоретиков уголовного права считают, что закрепление законодателем в качестве минимального возраста уголовной ответственности 14-ти лет является адекватным отражением действительности и соответствует психофизиологическому развитию личности. С этим мнением, исходя из реалий сегодняшнего дня, согласиться нельзя. В настоящее время 14-й возраст, как определенная черта, за пределами которой наступает уголовная ответственность, совершенно не соответствует общественным отношениям, возникающим в сфере подростковой преступности, что, соответственно, не позволяет говорить об их адекватном регулировании законо-

дателем, и тем самым, можно говорить о фиктивности принципа гуманизма. «Установление начального возраста уголовной ответственности — важный фактор проявления гуманизма и социальной справедливости, потому что этот процесс неотделим от упрочнения гарантий прав и свобод человека и гражданина» [11, с. 134–135].

Назначение правовой презумпции как исключительного средства правотворческой техники состоит в воплощении в жизнь уголовной политики государства, направленной на охрану общества от негативных последствий совершения преступления, в том числе путем повышения качества работы правоохранительных органов при проведении доследственных проверок и расследовании преступлений, что должно способствовать экономии деятельности правоприменителя и понижению затрат на борьбу с преступностью, а также существенному понижению уровня латентной преступности, к которой, считаем, надо относить и общественно опасные деяния, совершенные лицами, не подлежащими уголовной ответственности, т.к. зачастую статистика таких преступлений вовсе не ведется.

Перед законодателем в случае совершения противоправного деяния лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, стоит задача исправления подростка и предупреждения совершения им преступных посягательств в будущем. На современном этапе жизни такую функцию выполняют учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, если лицо не подлежит уголовной ответственности в связи с тем, что к моменту совершения общественно опасного деяния не достигло возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но достигло 11-го возраста [12]. Что касается лиц, не достигших указанного возраста, то законодатель не предусматривает никакого института их ресоциализации, что является пробелом в правовом регулировании профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Тем самым законодатель, регулируя данные общественные отношения, преследует такую уголовную политику, для которой первостепенное значение имеют не юридические, а нравственно-этические меры.

На современном этапе развития Уголовная политика России путем использования средств правотворческой техники устанавливает целесообразность и пределы интерцессии в общественные отношения в целях адекватного правового регулирования общественных отношений. Исходя из этого, закрепленный в уголовном законе принцип гуманизма призван охранять не только гражданские права лица, совершившего общественно-опасное деяние, но и защищать членов общества от преступных посягательств. Чрезмерное уменьшение уголовной репрессии в отношении возрастного критерия совершения преступления не служит, в настоящее время реализации в уголовном праве гуманистических принципов, вытекающих из международных норм [13, с. 733–740], направленных на защиту несовершеннолетних, совершивших общественно-опасные деяния и не достигших уровня пси-

хофизиологического развития, который бы позволил им понести уголовную ответственность, а наоборот приведет к их стагнации.

В последнее время многие исследователи в области преступности несовершеннолетних говорят о повышении числа преступлений, совершаемых лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, в том числе о популярности групповой преступности среди данной категории лиц [14, с. 2], прежде всего, связанной с ускорением физического и интеллектуального развития молодого поколения, что, как следствие, ведет к тому, что молодые люди уже в раннем возрасте приобретают способность верно оценивать свои поступки. Это может свидетельствовать о ранней акселерации подрастающего поколения и повышенной криминализации малолетней преступности в России.

В теории уголовного права давно, высказывается до сих пор не реализованная идея понижения минимального возраста привлечения лица к уголовной ответственности и установления минимальной возрастной границы 12-м возрастом, что, несомненно, будет соответствовать реалиям сегодняшнего дня. Следует также сказать, что данный минимальный возрастной предел уголовной ответственности установлен в уголовных законах многих зарубежных государств. Так, например, 12-ий возраст в качестве минимального возраста уголовной ответственности установлен в уголовных кодексах Нидерландов, Кипра, Канады, Португалии. О возможности понижения минимального возраста привлечения к уголовной ответственности свидетельствует также тенденция законодателя в области уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Так, в одном из недавних федеральных законов о внесении изменений в уголовный закон, был установлен возрастной критерий беспомощности, который соответствует 12-летнему возрасту [15]. Именно в этом возрасте лицо наиболее подвержено влиянию социальной среды, и поэтому законодатель относит лиц, не достигших 12-го возраста, к лицам, находящимся в беспомощном состоянии. Тем самым, законодатель косвенно презюмирует минимальный возраст, когда лицо в силу своего психофизиологического развития не может в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых им действий. При этом следует отметить, что в Государственную Думу уже вносился проект закона о понижении возраста уголовной ответственности до 12-ти лет [16].

На основании вышеизложенного, с целью придания уголовно-правовым отношениям в области уголовной ответственности несовершеннолетних большей урегулированности и стабильности, представляется необходимым внести в уголовный закон следующие изменения, касающиеся понижения возраста уголовной ответственности, как необходимому шагу для адекватного регулирования данного вида общественных отношений: во-первых, в ч. 1 ст. 20 УК РФ необходимо изменить возраст с которого наступает уголовная ответственность на общих основаниях

с 16-ти до 14-ти лет; во-вторых, соответственно, должна претерпеть изменения и ч. 2 ст. 20 УК РФ путем установления за специальные составы преступлений, представляющие повышенную общественную опасность (с учетом изменений, о которых говорилось выше) возрастного минимума, равного — 12-ти годам. Следует сказать, что в данном случае речь не идет о повышении уголовной репрессии в отношении такой незащищенной категории, как несовершеннолетние, необходимость вышеуказанных изменений, прежде всего продиктована защитой охраняемых уголовным законом прав и законных интересов от возрас-

тающей подростковой преступности и ее ранней диагностике со стороны компетентных органов. Представляется, что данные изменения будут полностью соответствовать назначению уголовно-правовой презумпции деликтоспособности, в основе которой лежит законодательное предположение о минимальном возрасте осознания лицом, фактического характера и общественной опасности своих действий, основанное на длительном историко-правовом опыте, т.е. адекватном отражении действительности, как неотъемлемому постулату придания стабильности регулируемым общественным отношениям.

Литература:

1. См.: Тарасенко В. В. Теоретические аспекты правовых презумпций // Молодой ученый. 2013. № 11 (58). с. 558; Тарасенко В. В. Законодательное предположение вменяемости в уголовном законе // Молодой ученый. 2014. № 6 (63). с. 880.
2. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132—1 «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 25.11.2013 № 317-ФЗ) // Российская газета. 1992. № 170.
3. См.: Тарасенко В. В. Юридическая фикция в конструкции института освобождения от отбывания наказания несовершеннолетних как один из аспектов социально-экономического развития региона // Регион: системы, экономика, управление. 2013. № 4 (23). с. 162.
4. См. напр.: Бюллетень Верховного суда РФ. 2011. № 1. с. 27.
5. См. напр.: Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности (Проект, 02.06.2008). Краткое описание концепции. Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации. [электронный ресурс]: режим доступа: <http://www.org.ru/ru/press/news/2008/newsitem/1702?PHPSESSID=i62f7a43c496ojkomiub5vakje1>. (дата обращения: 11.11.2014).
6. См.: Боровых Л. В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 1993. с. 7; Гарипов Г. Ф. Деликтоспособность как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2010. с. 12—13.
7. См.: Тарасенко В. В. Ложное предположение о стертой судимости // Гражданин и право. 2014. № 8. с. 78; Тарасенко В. В. Юридическая фикция в законодательной регламентации освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Государство и право: теория и практика: материалы III Междун. науч. конф. Чита: Изд-во Молодой ученый, 2014. с. 82.
8. См.: Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. М.: Изд-во НОРМА. 1998. с. 123.
9. См.: Пайзулаева Б. А. Ресоциализация несовершеннолетних осужденных в пенитенциарных учреждениях: автореф. дис. ... канд. педагог. наук. Махачкала, 2011. с. 9; Савиных А. И. Методология и методики изучения личности несовершеннолетних осужденных с целью их ресоциализации в учреждениях исполнения уголовного наказания // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. № 23. с. 172.
10. См.: Дементьев О. М. Проблемы возраста уголовной ответственности: лекции к курсу / Под ред. Дементьева О. М., Копыловой О. П. Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ. 2010. с. 9.
11. См.: Примаченок А. А. Совершенствование уголовно-правовой системы мер борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. Минск. 1990. с. 134—135.
12. См.: п. 4 ч. 4 ст. 15 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изм. и доп. от 25.11.2013 № 317-ФЗ) // Российская газета. 1999. № 121.
13. См.: Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI. 1993; Европейская конвенция об осуществлении прав детей (ETS N 160). Международные акты о правах человека. Сборник документов. — М.: Норма-ИНФРА-М, 2002. с. 733—740 и др.
14. См. напр.: В России — «третья волна» беспризорности, безнадзорности, неграмотности и преступности подростков (Статистика). Официальный сайт NEWS в России. [электронный ресурс]: режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/01jun2005/generation.html>. (дата обращения: 15.03.2014); Дементьев О. М. Указ. соч. с. 9; Леонов Р. А. Общественно опасные деяния, совершаемые лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. с. 2.

15. См.: Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера» // Российская газета. 2012. № 46.
16. См.: Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера» // Российская газета. 2012. № 46.

Проблемы правового воспитания современного студента

Тхакохов Аслан Альбертович, студент

Научный руководитель: Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), филиал в г. Кисловодске

Формирование социально-активных студентов — граждан России, осуществляемое в системе гражданско-правового образования в вузе, является важнейшим направлением воспитания и развития у студентов гражданственности, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье, патриотического и национального самосознания, благодаря чему обеспечивается тесная взаимосвязь высшего профессионального образования с социально-экономическими и духовными преобразованиями в стране и мире.

Гражданское воспитание. Под гражданским воспитанием сегодня понимается стихийное и произвольное (продуманное) воздействие семьи, государственных, образовательных и других структур гражданского общества на личность в интересах формирования у нее гражданственности как системы лично и профессионально важных ценностей и отношений гражданина, проявляющихся в его жизнедеятельности. [1] Гражданское воспитание студентов преследует вполне определенную цель — добиться, чтобы высококвалифицированные специалисты были хорошими гражданами своей страны — России. Результатом гражданского воспитания студентов должна стать их готовность к осуществлению прав и реализации обязанностей гражданина. Эта готовность должна включать в себя ряд компонентов, на формирование которых должна быть нацелена воспитательная работа в вузе на протяжении всего периода обучения студентов.

Интеллектуальный компонент предусматривает приобретение студентами необходимых для гражданской жизни политических, экономических, юридических, психологических и других знаний, а также развитие ума, интеллекта молодых людей. Первостепенное место в формировании данного компонента принадлежит всему комплексу социально-гуманитарных дисциплин — Отечественной истории, философии, социологии, политологии, культурологии, правоведению, психологии и т.д. Трудно переоценить значение разного рода конкурсов, олимпиад, викторин, круглых столов, диспутов и других форм, через которые студенты смогут приобрести необходимую совокупность знаний. Без постоянного самообразования, без

постепенной выработки навыков критического анализа современной жизни общества не приходится говорить о высоком качестве данного компонента в гражданском облике будущего специалиста. К сожалению, в учебных планах современных вузов по большинству специальностей отсутствует такая важная дисциплина как логика. [2]

Операциональный компонент в структуре личности активного и сознательного гражданина России должен включать различные технологические умения и навыки, актуальные в гражданской жизни. Речь идет о навыках участия в выборах, в референдумах, в митингах, демонстрациях, собраниях общественных организаций, в освоении умений организации различных общественных акций, проведении собраний и т.д. К сожалению, низкое качество культуры повседневного гражданского поведения постоянно демонстрируется отечественным телевидением, когда заседания государственных органов, общественные обсуждения, дискуссии, митинги, демонстрации и т.п. превращаются в конфликт агрессивных оппонентов, вплоть до применения физического насилия. [3] Представляется важным, чтобы в студенческие годы молодые люди приобретали необходимые умения и навыки в сфере общественной жизни, осваивали процедуры гражданского общества.

Эмоциональный компонент в гражданственности молодого россиянина связан с наличием выраженных гражданских чувств, пристрастности к судьбе Родины, государства, его символике, гражданскому обществу.

Волевой компонент в гражданском облике студентов может быть сформирован и проверен только через участие в конкретных делах, так как связан с готовностью и способностью к саморегуляции поведения, к самомотивации в интересах государства и общества. К счастью, в жизни высших учебных заведений происходит не так много чрезвычайных ситуаций, которые обычно требуют от студентов соответствующего поведения. В то же время абсолютная дисциплина в ходе учебных занятий и за пределами учебных аудиторий, умение повлиять на дисциплинированность своих товарищей, сознательное участие в органах студенческого самоуправления, в поддержании

порядка в общежитиях, во время массовых мероприятий и многое другое создают достаточное поле для тренинга волевых качеств молодых граждан. [4]

Ценностно-мотивационный компонент определяет осознанность гражданских устремлений и действий как ценности для конкретных молодых людей и обычно свидетельствует о наличии у них сформированной системы гражданских отношений. Пока студенты составляют почти незаметный процент среди членов политических партий, общественных объединений, редко выступают в качестве волонтеров, участвуют в шефской работе на общественных началах.

Патриотическое воспитание. Воспитательную работу в этом направлении необходимо вести с учетом того, что за последние годы содержание понятия «патриотизм» существенно изменилось в общественном сознании, в его понимании новыми поколениями. У значительной части молодежи, выросшей в годы социальной нестабильности, выработалось критическое отношение к своей стране, государственной политике.

Особо важно в этих условиях помочь студентам познать сущность Родины (малой и большой), скрытую в духовной жизни народа, в традициях и обычаях, в исторической памяти, которая передается из поколения в поколение, в пространственно-географических представлениях. В университете должны поддерживаться и создаваться условия для приобретения живого и непосредственного духовного опыта, с помощью которого можно убедиться в безусловных достоинствах своего Отечества, в частности на примере собственного университета.

Патриотическое воспитание сегодня — это систематическая и целенаправленная деятельность университета по формированию у студентов высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины.

Правовое воспитание. Формирование правосознания студента — сложный и длительный процесс, требующий творческого подхода всего коллектива вуза, готовности,

желания и умения всех и каждого бороться за укрепление общественной дисциплины и правопорядка в университете и обществе, за искоренение негативных явлений в жизни университета и нашего демократизирующегося российского общества. Правовое воспитание представляет собой последовательное и систематическое воспитательное воздействие на молодых людей с целью формирования и развития их правовой культуры. [4]

Чтобы эффективно управлять процессом правосознания студенческой молодежи, необходимо создать в университете систему гражданско-правового воспитания студентов в течение всего периода их обучения. В области правового воспитания наиболее важными задачами являются:

- правовое информирование молодых людей;
- формирование убеждения в значимости законов и правоприменительной практики, личных и нравственных обязанностей, личной ответственности за принятие решения и свои поступки;
- развитие стереотипов правомерного поведения;
- освоение принципов и особенностей правоотношений в обществе;
- формирование готовности активно участвовать в охране правопорядка и противостоять правонарушениям.

В то же время наряду с решением задачи формирования законопослушного молодого человека следует учить студентов пользоваться своими правами, уметь их защищать.

Конституция Российской Федерации предоставляет всем гражданам России несколько десятков различных прав и свобод (около 60). Все внутренние решения администрации университета ни при каких обстоятельствах не могут противоречить Конституции РФ и действующему законодательству и на этот предмет в стадии проекта проходят экспертизу у юрисконсульта университета.

Разумеется, нельзя подвергнуть мелочной регламентации все элементы повседневной жизни высшего учебного заведения, но следует стремиться к тому, чтобы «правила игры» по большинству моментов, существенно важных для студентов, были четко определены.

Литература:

1. Проблемы профилактики преступности в молодежной среде // Научный журнал Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. с. 137–140.
2. Фортунатов, В. В. Основы ювенологии: опыт комплексного междисциплинарного исследования. — СПб.: БИС-проект, 2012. — 231 с.
3. Бидова, Б. Б. Идеологические направления российского экстремизма конца XIX — начала XX вв // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2014. № 2 (39). с. 45–48.
4. Тхакохов, А. А. Причины и условия противоправного поведения несовершеннолетних // Молодой ученый. 2014. № 4. с. 882–884.

Проблемы применения дисциплинарных взысканий по законодательству РФ

Чужинов Илья Анатольевич, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

На современном этапе развития общества особенно активно возрастает роль политической системы, демократии, законности, права и правосудия. Правовые запреты принимают важнейшее значение в системе законодательства. Внешне запрет может казаться недемократической формой регулирования, но в действительности он является правовым средством осуществления свободы поведения.

Выйти за пределы дозволенного — значит совершить правонарушение — противоправное виновное деяние, которое неминуемо должно влечь ответственность. Если запреты не сковывают свободу и инициативу граждан, то ответственность за нарушение запретов направлена не на подавление свободы, а служит гарантом защиты прав личности.

Одним из видов юридической ответственности является ответственность дисциплинарная. Наличие дисциплинарной ответственности работников является для работодателя необходимым фактором, позволяющим учесть его интересы в высокой производительности труда, эффективности производства, оптимизации организации и управления кадровыми ресурсами. В то же время регламентация оснований и условий применения дисциплинарной ответственности, видов дисциплинарных взысканий, законность и обоснованность их применения, снятия, обжалования — существенные обстоятельства, призванные гарантировать соблюдение и защиту трудовых прав и законных интересов работника.

В современных экономических условиях огромное значение приобретает проблема решения возникающих трудовых споров между работодателями и работниками в связи с наложением на работника дисциплинарных взысканий. В данной теме можно выявить ряд проблем.

Цель, поставленная в этом исследовании — рассмотреть вопросы, связанные с наложением на работника дисциплинарных взысканий.

Для этого необходимо решить следующие задачи:

- провести анализ видов дисциплинарных взысканий.
- проанализировать проблемы, связанные с данной процедурой.
- изучить различные пути решения этих проблем.

I. Общие положения

Любое виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником обязанностей по трудовому договору считается дисциплинарным проступком и влечёт обязанность претерпеть негативные последствия, предусмотренные санкциями правовых норм. В зависимости от содержания санкций, а также субъектов, которые

несут ответственность, дисциплинарная ответственность подразделяется на общую и специальную. Общая реализуется с помощью применения санкций, содержащихся в ст. 192 ТК РФ: замечание, выговор, увольнение. К отдельным категориям работников могут применяться специальные меры взыскания, предусмотренные федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине и составляющие специальную дисциплинарную ответственность.

При общей дисциплинарной ответственности перечень видов взысканий, предусмотренный ст. 192 ТК РФ, является исчерпывающим, порядок их наложения строго регламентирован ТК РФ. Ст. 192 ТК РФ устанавливает, что за совершение дисциплинарного проступка руководитель имеет право применить следующие виды дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, увольнение.

В актах о специальной дисциплинарной ответственности могут предусматриваться и более строгие меры взыскания, а также особый порядок их наложения.

В соответствии с ч.5 ст. 189 ТК РФ для отдельных категорий работников действуют уставы и положения о дисциплине, устанавливаемые федеральными законами. Действие этих уставов и положений о дисциплине распространяется не на все категории работников соответствующей отрасли экономики, а только на тех, которые особо указаны в соответствующем нормативно правовом акте.

В юридической литературе называют следующие основания для выделения специальных субъектов дисциплинарной ответственности: во-первых, особо ответственный характер трудовых функций отдельных групп работников; во-вторых, особо вредные последствия дисциплинарных проступков.

Так, по закону «О прокуратуре» к прокурорским работникам могут быть применены следующие виды дисциплинарных взысканий: замечание, выговор, строгий выговор, понижение в классном чине, лишение нагрудного знака «за безупречную службу в прокуратуре РФ», увольнение из органов прокуратуры.

Ст. 192 ТК РФ не допускает применение других дисциплинарных взысканий (за исключением дисциплинарной ответственности). Нельзя, например, уменьшить отпуск на число дней прогулов, переносить начало использования отпуска на другое время, налагать штраф и т.д.

Исключения составляют лишь отдельные категории работников, для которых федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине (ч. 5 ст. 189 ТК РФ) могут быть предусмотрены также и другие дисциплинарные взыскания. Например, для таких категорий работников, как государственные гражданские служащие. Так, в Федеральном законе от 27.07.2004 г. N 79-ФЗ

«О государственной гражданской службе Российской Федерации» наряду с мерами общей дисциплинарной ответственности (замечание, выговор, увольнение) в ст. 57 предусматриваются такие меры дисциплинарной ответственности, применяемые к государственным гражданским служащим, как предупреждение о неполном должностном соответствии и освобождение от замещаемой должности гражданской службы. В Федеральном законе от 17.01.1992 г. N 2202_1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 24.07.2007 г.) в ст. 41.7 перечень дисциплинарных взысканий, которые могут быть применены к работникам прокуратуры, дополняется строгим выговором, понижением в классном чине, лишением нагрудного знака, предупреждением о неполном служебном соответствии.

Право выбора конкретной меры дисциплинарного взыскания из числа, предусмотренных законодательством принадлежит работодателю. Он может, учитывая все обстоятельства дела, не налагать взыскание на работника, совершившего дисциплинарный проступок, а ограничиться беседой с ним или устным замечанием. В то же время руководитель вправе применить к работнику дисциплинарное взыскание и тогда, когда он до совершения этого проступка подал заявление о расторжении трудового договора по своей инициативе, поскольку трудовые отношения в данном случае прекращаются по истечении срока предупреждения об увольнении.

Таким образом, к работнику за нарушение трудовой дисциплины может быть применено взыскание, определяющее как его личностный статус (замечание или выговор), так и организационный (увольнение).

II. Замечание и выговор как виды дисциплинарных взысканий

Дисциплинарные взыскания в виде замечания и выговора носят морально — правовой характер. Принимая во внимание судебную практику, возникает проблема сомнения в востребованности и эффективности предусмотренных ст. 192 ТК РФ дисциплинарных взысканий. В науке трудового права высказывается точка зрения, в соответствии с которой такие меры взыскания, как замечание, выговор, ранее существовавший строгий выговор, отличаясь лишь по строгости наименования, являются одинаковыми по своему содержанию и по правовым последствиям, и как следствие, оцениваются субъектами трудового правоотношения исключительно как формальные.

Замечание представляет собой осуждение поведения работника, высказывания критики в отношении работника. Выговор также представляет собой явно выраженную отрицательную оценку поведения работника. Выговор считается более строгим дисциплинарным взысканием по сравнению с замечанием. Замечание и выговор должны быть объявлены работнику в письменном виде. Замечание и выговор — это универсальные виды дисциплинарных взысканий, так как они могут быть применены за любой дисциплинарный проступок.

ТК РФ предусматривает обязанность работодателя при наложении дисциплинарного взыскания учитывать тяжесть совершённого проступка и обстоятельства, при которых он совершён. В п.53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 указано, что работодателю, когда в суде рассматриваются дела об оспаривании дисциплинарного взыскания, необходимо представить доказательства, свидетельствующие не только о том, что при наложении взыскания учитывались тяжесть этого проступка, но и том, что обстоятельства, при которых он был совершён, предшествующее поведение работника, его отношение к труду. В связи с этим следует отметить, что признавая дисциплинарное взыскание неправомерным, вынесенным без учёта указанных обстоятельств, суд не вправе заменить его другой мерой взыскания, поскольку в силу ст. 192 ТК РФ наложение на работника дисциплинарного взыскания является компетенцией работодателя.

Так М. работала вахтёром в ОАО «Елецкий табак». Приказом директора от 3 июля 2002 г. она была уволена в соответствии с п. 5 ч.1 ст. 81 ТК РФ (неоднократное неисполнение работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание). Считая своё увольнение неправомерным, М. обратилась в суд с исковым заявлением о восстановлении её на работе, утверждая, что применённые к ней дисциплинарные взыскания были незаконны. Решением Елецкого городского суда М. в удовлетворении иска было отказано. Судебная коллегия по гражданским делам Липецкого областного суда, рассмотрев кассационную жалобу М., отменила решение Елецкого городского суда, вынесла новое решение, которым удовлетворила требование М.

Судебная коллегия признала, что 6 марта 2002 г. Истица была подвергнута дисциплинарному взысканию за то, что 28 февраля 2002 г. без разрешения начальника смены вахтёров оставила своё рабочее место. Суд установил, что её отсутствие было кратковременным, поскольку ей необходимо было взять воду для приёма лекарства. Действия истицы содержали признаки дисциплинарного проступка (виновное неисполнение требований должностной инструкции), так как она оставила своё рабочее место без уведомления начальника смены вахтёров. Кассационная инстанция, рассматривая дисциплинарный проступок М., оценила его как малозначительный, ввиду того, что её отсутствие на рабочем месте было кратковременным (3 мин.). Формально действия М. следует рассматривать как дисциплинарный проступок, но в силу характера совершённого проступка, т.е. его малозначительности, судебная коллегия по гражданским делам признала неправомерным применение к М. дисциплинарного взыскания в виде выговора.

Второе нарушение, за которое её подвергли дисциплинарному взысканию, состояло в ведении личных телефонных переговоров по служебному телефону. На основании должностной инструкции, утверждённой директором ОАО «Елецкий табак», определяющей права и обязанности вахтёра, установлен запрет на ведение

личных разговоров с телефонного аппарата, расположенного на рабочем месте вахтёра.

Судебная коллегия по гражданским делам Липецкого областного суда не согласилась с выводом Елецкого городского суда о правомерности применения к М. данного дисциплинарного взыскания, приняв во внимание причину, по которой М. вела телефонные переговоры. Её малолетняя дочь находилась дома одна, и М. беспокоилась о состоянии её здоровья и безопасности. Поводом к увольнению послужило то обстоятельство, что М. 2 июля 2002 г. Покинула своё рабочее место. Материалами дела установлено, что это произошло в силу необходимости взять лекарство в аптечке. Елецкий городской суд рассмотрел действия истицы как совершение дисциплинарного проступка, ввиду того, что она никого не поставила в известность о намерении покинуть свой пост на непродолжительное время. Кассационная инстанция согласилась с оценкой поведения истицы, установленной судом первой инстанции, но в силу малозначительности проступка признала нецелесообразным применение к ней дисциплинарного взыскания в виде увольнения в соответствии с п.5 ч.1 ст. 81 ТК РФ.

Судебная коллегия пришла к общему выводу, что действия М. можно формально рассматривать как дисциплинарные проступки, но в силу их малозначительности у работодателя нет оснований для привлечения М. к дисциплинарному взысканию в виде увольнения.

Приведённый пример показывает, что при рассмотрении трудового спора суд принял во внимание тяжесть совершённого проступка и обстоятельства, при которых он был совершён.

Такой подход обеспечивает реализацию принципов, лежащих в основе привлечения работника к ответственности. К ним можно отнести принцип справедливости, когда ответственность соответствует тяжести совершённого проступка, и принцип целесообразности, основанный на индивидуализации применяемой меры взыскания, в зависимости от конкретных обстоятельств, тяжести проступка и личности работника.

III. Увольнение

Особым случаем дисциплинарного взыскания является увольнение работника. Ст. 192 ТК РФ ориентирует правоприменителей на конкретные основания расторжения трудового договора, которые относятся к дисциплинарным взысканиям. К ним относятся:

— неоднократного неисполнения работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание;

— однократного грубого нарушения работником трудовых обязанностей:

— принятия необоснованного решения руководителем организации (филиала, представительства), его заместителями и главным бухгалтером, повлекшего за собой нарушение сохранности имущества, неправомерное его использование или иной ущерб имуществу организации;

— однократного грубого нарушения руководителем организации (филиала, представительства), его заместителями своих трудовых обязанностей;

Остановимся подробно на проблемах применения данных оснований.

Первым основанием является неоднократного неисполнения работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание (п.5 ч.1 ст. 81 ТК РФ).

Буквальное толкование же п.5 ч.1 ст. 81 ТК РФ даёт основание полагать, что руководитель имеет право применить увольнение как вид дисциплинарного взыскания уже при втором неисполнении трудовых обязанностей, если к работнику за первое было применено замечание или выговор и на момент повторного неисполнения трудовых обязанностей оно не снято и не погашено.

Пункт 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 предусматривает, что работодатель вправе расторгнуть трудовой договор за неоднократное неисполнение без уважительных причин трудовых обязанностей при условии, что к работнику ранее было применено дисциплинарное взыскание и на момент повторного неисполнения им без уважительных причин трудовых обязанностей оно не снято и не погашено. Применение к работнику нового дисциплинарного взыскания, в том числе и увольнение по п.5 ч.1 ст. 81 ТК РФ, допустимо также, если неисполнение или ненадлежащее исполнение по вине работника возложенных на него трудовых обязанностей продолжалось, несмотря на наложение дисциплинарного взыскания.

Примерный перечень нарушений трудовой дисциплины, которые при неоднократном их характере могут служить основанием для увольнения работника по п.5 ч.1 ст. 81 ТК РФ, приведён в п.35,36 Постановления Верховного Суда РФ № 2 от 17 марта 2004 г.

Вопрос, возникающий на практике, касается определения правомерности действий работодателя, увольняющего работника в соответствии с п.5 ч.1 ст. 81 ТК РФ, т.е. в случае неоднократного неисполнения работником без уважительных причин трудовых обязанностей, если он имеет дисциплинарное взыскание, допустимо ли увольнение работника по совокупности совершённых им дисциплинарных проступков, если за каждое нарушение он подвергался дисциплинарному взысканию, или увольнение применяется как самостоятельная мера дисциплинарного взыскания за конкретный дисциплинарный проступок?

Применение указанного в п.5 ч.1 ст. 81 ТК РФ основания увольнения выявило, что не только работодатель, но в ряде случаев и суд не всегда правильно толкуют и применяют норму.

Директор психоневрологического диспансера объявил дисциплинарные взыскания водителю П. за ряд нарушений трудовой дисциплины: 8 августа — за преждевременный уход с работы 7 августа, 14 августа — за опоздание на работу 13 августа, 20 августа — за использование служебной машины 18 августа в личных целях.

Приказом от 22 августа водитель П. был уволен по п.5 ч.1 ст. 81 ТК РФ.

Не согласившись с расторжением трудового договора, П. обратился в суд с иском о восстановлении на работе. Суд признал увольнение П. правомерным, поскольку имело место неоднократное неисполнение трудовых обязанностей и работник был привлечён к дисциплинарной ответственности. Таким образом и работодатель, и суд признали возможным применение основания увольнения, предусмотренного п.5 ч.1 ст. 81 ТК РФ, за совокупность ранее совершённых проступков.

Вместе с тем по смыслу данного основания для расторжения трудового договора достаточно одного нарушения трудовых обязанностей, за которое наложено дисциплинарное взыскание для того, чтобы работодатель мог воспользоваться своим правом уволить работника, однако увольнение это возможно только за совершение работником другого нарушения трудовой дисциплины.

В упомянутом случае работник подвергся дисциплинарному взысканию за каждое совершённое им нарушение трудовой дисциплины. Кроме того, приказом о дисциплинарном взыскании от 20 августа он вновь был наказан, но проступок, за который на него наложено дисциплинарное взыскание, не указан.

К сожалению, районный суд не дал этому факту правильной оценки. На этом основании кассационная жалоба истца, поданная в судебную коллегия по судебным делам по гражданским делам Архангельского областного суда, была удовлетворена, а решение районного суда отменено. Таким образом, истец был восстановлен на работе.

Предметом рассмотрения в районном суде и вышестоящей судебной инстанции был приказ работодателя, который получил у этих органов различную оценку. В приказе от 20 августа не был назван проступок, за который работник подлежал увольнению, потому данный приказ правомерно признан незаконным.

В компетенцию суда не входит выяснение наличия в действиях работника иных нарушений трудовой дисциплины, не получивших отражения в приказе, за которых работодатель вправе уволить работника. Исходя из этого, суд, разрешая спор, оценивал содержание изданного работодателем приказа, не выходя за его пределы.

Вторым основанием для применения увольнения как вида дисциплинарного взыскания является однократное грубое нарушение работником трудовых обязанностей, к которым ТК РФ относит:

а) прогул — отсутствие на рабочем месте без уважительных причин более 4 часов подряд в течение рабочего дня (п.п. «а» п.6 ч.1 ст. 81 ТК РФ).

ТК РФ прогулом признаёт также нахождение без уважительной причины в помещении другого или того же цеха, отдела и т.п., либо отсутствие на территории организации или объекта, где он должен выполнять трудовые функции.

Определив прогул как отсутствие работника без уважительных причин на рабочем месте более четырёх часов

подряд в течение рабочего дня, законодатель тем самым создал определённые сложности в применении увольнения по этому основанию. По сути, прогулом в таком случае может быть признано либо опоздание работника на работу более чем на четыре часа подряд, либо преждевременный, более чем на четыре часа уход с работы. В литературе высказывается точка зрения, что такая ситуация в реальной жизни может возникнуть крайне редко, поскольку если в организации установлен восьмичасовой рабочий день, то при наличии обеденного перерыва продолжительностью, например, один час работник практически не может отсутствовать на рабочем месте более четырёх часов подряд ни до перерыва, ни после.

Сложно дать правильную оценку ситуациям, в которых необходимо определить правомерность или неправомерность поведения работника, когда по истечении срока предупреждения о расторжении трудового договора по инициативе работника трудовой договор не расторгается, а работник продолжает выходить на работу, настаивая на расторжении трудового договора. Если работник, не дождавшись приказа о своём увольнении, прекращает выходить на работу, то можно ли оценивать такое поведение работника как грубое нарушение им трудовых обязанностей (прогул без уважительных причин)?

Если работник настаивает на увольнении, то отсутствие приказа об увольнении в последний день работы предоставляет ему право на следующий день после окончания срока предупреждения на работу не выходить.

Если бы работник после истечения срока предупреждения, продолжая выполнять свою трудовую функцию, вновь письменно подтвердил желание расторгнуть трудовой договор, то такую ситуацию можно рассматривать как повторное обращение с заявлением об увольнении.

Таким образом, не издание работодателем приказа об увольнении работника в последний день его работы с учётом последующего поведения работника может породить две ситуации.

Во-первых, прекращение работником выполнения своих трудовых обязанностей и соответственно прекращение трудовых правоотношений.

Во-вторых, продолжение трудовых отношений, когда работодатель не возражает против выполнения работником своих трудовых обязанностей после истечения срока предупреждения.

Если работник продолжает выполнять свои трудовые обязанности и работодатель против этого не возражает, трудовые отношения считаются продолженными со всеми вытекающими отсюда последствиями. В этом случае работник должен выполнять все требования, предъявляемые к нему законодательством, правилам внутреннего распорядка и трудовым договором. Неявка на работу в этом случае совершенно справедливо рассматривается как нарушение трудовой дисциплины — прогул.

Следующим основанием для применения к работнику такой меры дисциплинарного взыскания как увольнение является однократное грубое нарушение руководителем

организации (филиала, представительства), его заместителями своих трудовых обязанностей (п.10 ч.1 ст. 81 ТК РФ).

Законодательство не определяет, что же следует понимать под грубым нарушением своих трудовых обязанностей руководителем. По сложившейся в РФ судебной практике грубым нарушением признаётся неисполнение важных обязанностей руководителя, которое может повлечь причинение вреда здоровью работников или имущественного ущерба организации (например, нарушение правил по охране труда, правил учёта материальных ценностей). К грубым нарушениям судебная практика относит и превышение руководителем своих служебных полномочий или использование их в корыстных целях.

Вопрос о том, является ли допущенное нарушение грубым, решается судом с учётом конкретных обстоятельств каждого дела. При этом обязанность доказать, что такое нарушение в действительности имело место и носило грубый характер, лежит на работодателе.

Исходя из содержания п.10 ч.1 ст. 81 ТК РФ руководители других структурных подразделений организации и их заместители, а также главный бухгалтер организации не могут быть уволены по этому основанию.

IV. Штраф — перспектива введения как вид дисциплинарного взыскания

Ряд авторов, анализируя законность и эффективность применяемой в настоящее время системы мер по поддержанию трудовой дисциплины, делают вывод о том, что законодателю следует обратиться к российскому опыту регулирования трудовых отношений конца XIX — начала XX века. В названный период получила законодательное закрепление достаточно совершенная система денежных взысканий — штрафов, которая являлась не единственным, но весьма действенным средством поддержания трудовой дисциплины. Так, Р.З. Лившиц говорит о возможности введения самостоятельного вида дисциплинарного взыскания — депремирование, а также о необходимости установить запрет на одновременное депремирование и наложение другого вида взыскания.

Введение штрафа как вида дисциплинарного взыскания позволит достичь нескольких положительных моментов в правовом регулировании отношений в сфере труда. Во-первых работодатель и общество получают законное и достаточно действенное средство поддержания трудовой дисциплины. Во-вторых, будет устранена незаконная и несправедливая практика применения так называемых мер дисциплинарного воздействия, которая используется для неконтролируемого снижения размера заработной платы, установленного трудовым договором. В-третьих у работодателя исчезнет стимул к применению к работнику санкций материального характера в связи с тем, что получаемые в виде штрафа денежные средства не смогут быть обращены к собственной пользе, должны будут направляться в специальные фонды социальной направленности, создаваемые на уровне субъекта

Федерации. В-четвёртых работники будут иметь чёткое представление об основаниях и предельных размерах взысканий денежного характера.

Бутов П.С. считает, что введение дисциплинарного штрафа в полной мере будет обеспечивать интересы работодателя, повысит уровень его заинтересованности в надлежащем применении норм трудового права. Бутов П.С. предлагает осуществить дифференцирование правового регулирования применения дисциплинарных штрафов и исключить применение штрафов в отношении социально незащищённых слоёв населения, лиц с низкими трудовыми доходами. Также необходимо соблюдать ряд правил — 1) штраф может быть взыскан с работника в размере, не превышающем 25 процентов месячного оклада или тарифной ставки работника. 2) данное взыскание может быть использовано только в строго определённых случаях: грубого нарушения дисциплины труда; существенного нарушения дисциплины труда. 3) применение штрафа должно быть исключено в отношении лиц, не достигших 18 лет. 4) не допускается наложение штрафа на конкретного работника более двух раз подряд в течение месячного календарного периода.

Однако ряд авторов являются противниками введения штрафа как вида дисциплинарного взыскания. Так считают, например, Жукова Ю.А. Судебная практика и статистика показывают, что исполнение трудового законодательства находится на низком уровне. Легализация дисциплинарного штрафа предоставит работодателю право во всех случаях воспользоваться данной мерой. Пока не создан реальный действенный правовой механизм обеспечения прав работников, предложение о введении денежных штрафов является преждевременным.

Представляется, что в ТК РФ может быть закреплён такой вид дисциплинарного взыскания как штраф. Кроме того в ТК РФ может быть установлен перечень дисциплинарных проступков, за которые работник может быть подвергнут штрафу.

Заключение

В результате изучения материала, судебной практики и периодических изданий по заявленной теме, мне представилось возможным сделать некоторые выводы.

Для нашего законодательства характерно договорное начало при регулировании трудовой дисциплины. Вопросы дисциплинарной ответственности и наложения дисциплинарных взысканий лишь частично регулируются в Трудовом Кодексе. Основными же источниками правового регулирования трудовой дисциплины являются правила внутреннего трудового распорядка и коллективные договоры.

Возникает вопрос о природе дисциплинарной ответственности в современной России. Если она имеет, как и раньше, публичную государственно-правовую природу, то можно ничего не менять в её правовой регламентации. Однако представляется, что нужно исходить из идеи договорного начала этой ответственности, поэтому необ-

ходимо, на мой взгляд, изменить объём государственного вмешательства в сферу соответствующих охранительных отношений.

С этих позиций представляется правильным внести некоторые изменения в механизм регулирования дисциплинарной ответственности:

— предусмотреть использование штрафа в качестве меры дисциплинарного взыскания.

Данный вид санкции за нарушение трудовой дисциплины во многих случаях являлся бы более действенным методом борьбы с дисциплинарным нарушителем, чем замечание или выговор.

— ввести дифференциацию дисциплинарных проступков в зависимости от степени вины работника, личности нарушителя с целью установления различных процедур привлечения к дисциплинарной ответственности.

Также необходимо определить минимальные возрастные границы привлечения работника к дисципли-

нарной ответственности и ограничить право работодателя налагать дисциплинарные взыскания на лиц, не достигших 14 лет.

Для повышения реальной защищённости прав работников следует установить в отдельной части статьи 192 ТК РФ запрет на применение, каких-либо новых, не предусмотренных ТК РФ, средств мер воздействия на работника, совершившего дисциплинарный проступок.

По-моему мнению, предложенные варианты будут хорошо способствовать решению некоторых проблем, связанных с дисциплинарной ответственностью и наложением дисциплинарных взысканий.

В данном исследовании я решил следующие задачи:

— провёл анализ видов дисциплинарных взысканий.

— проанализировал проблемы, связанные с данной процедурой.

— изучил различные пути решения этих проблем и изложил своё видение по регулировке данных проблем.

Литература:

1. Трудовой кодекс РФ: федеральный закон РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — «М. Г. В», 2002.
2. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, N 47, ст. 4472,
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса РФ» (в редакции от 28.12.2006 г № 63)
4. Гусов, К. Н. Ответственность по российскому трудовому праву: науч. — практическое пособие / К. Н. Гусов, Ю. Н. Полетаев. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
5. Селянин, А. В. Дисциплина труда, трудовой распорядок: производственно — практическое издание / А. В. Селянин. — М.: Издательство «Альфа-Пресс», 2005.
6. Дзарасов, М. Э. Ответственность в трудовом праве: учебное пособие / М. Э. Дзарасов. — М.: МГИУ, 2009.
7. Труханович, Л. В. Дисциплинарные взыскания. Отстранение от работы: практическое пособие / Л. В. Труханович, В. И. Глушко. — М: Изд-во «Финпресс», 2004.
8. Хрусталёв, Б. Ф. Ответственность в трудовых отношениях: учебное пособие / Б. Ф. Хрусталёв. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
9. Лукина, Е. А. К вопросу о дисциплинарной ответственности в Российском трудовом праве / Е. А. Лукина // Известия МГИУ. — 2010. — № 18.
10. Погодина, И. А. К вопросу о применении дисциплинарных взысканий к работникам / И. А. Погодина // Кадровые решения. — 2009. — № 1.
11. Бутов, П. С. Совершенствование материальных и процедурно — процессуальных норм о применении дисциплинарной ответственности работников по трудовому праву РФ: Автореферат диссертации на соискание учёной степени к.ю.н. — Томск, 2006.

К вопросу о целесообразности применения муниципальных фильтров на выборах высшего должностного лица субъекта РФ

Шадрин Владимир Владиславович, студент
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (г. Якутск)

Статья посвящена исследованию одной из проблем совершенствования порядка наделения полномочиями органов публичной власти и выборных должностных лиц, а именно проблеме применения муниципальных фильтров при процедуре выдвижения и регистрации кандидатов на выборах высшего должностного лица субъекта РФ. Анализируются теоретические и практические аспекты данной проблемы. Автор приходит

к выводу, что применение муниципальных фильтров не соответствует конституционно-правовым целям надления полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ и взаимодействия органов публичной власти, а значит, требует законодательного урегулирования путем отмены муниципальных фильтров.

Ключевые слова: муниципальные фильтры, конституционно-правовые цели, выборы высшего должностного лица субъекта РФ.

Одной из важнейших проблем конституционно-правовой науки является проблема совершенствования порядка надления полномочиями органов публичной власти и выборных должностных лиц. В частности немаловажное значение имеет вопрос о порядке надления полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ. В этой сфере происходит множество различных изменений, и одним из таких новшеств являются т.н. муниципальные фильтры при процедуре выдвижения и регистрации кандидатов на выборах высшего должностного лица субъекта РФ.

Муниципальные фильтры были законодательно закреплены в 2012 г., в этом же году по запросу группы депутатов Государственной Думы РФ Конституционным Судом РФ были рассмотрены положения о муниципальных фильтрах в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», которые были признаны не противоречащими Конституции РФ. Конституционный Суд основывает свою позицию на том, что такие меры способствуют обеспечению единства системы публичной власти в РФ и взаимодействию органов государственной власти и органов местного самоуправления; расширению возможности представительства и участия иных, негосударственных, политических сил в избирательном процессе на этапе выдвижения и регистрации кандидатов; способствует поддержке тех кандидатов, которые хорошо понимают проблемы субъекта и способны решать социально-экономические задачи региона [1].

На наш взгляд, смысл внедрения муниципальных фильтров не вполне соответствует конституционно-правовым целям, стоящим, в данном случае, при надлении полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ и взаимодействия органов публичной власти. Как известно, смысл местного самоуправления заключается в самостоятельном решении вопросов местного значения исходя из интересов населения самим населением и/или органами местного самоуправления. Соответственно, взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления должно складываться не в участии органов местного самоуправления в порядке надления полномочиями органов государственной власти, а во взаимном осуществлении конкретных полномочий и решении конкретных вопросов с обязательным материально-финансовым обеспечением — именно это является конституционно-правовой целью взаимодействия органов публичной власти. Также не вполне ясна обязательность выражения мнения депутатов представительных органов и глав муниципальных образований при выдвижении

и регистрации кандидатов на выборах высшего должностного лица. На наш взгляд, полноценное осуществление высшим должностным лицом субъекта РФ своих полномочий невозможно без учета мнения муниципального сообщества, равно как и решение вопросов местного значения органами местного самоуправления невозможно вне взаимодействия с органами государственной власти. Для этого нет необходимости в обязательной поддержке кандидатов депутатами представительных органов и глав муниципальных образований, как и нет необходимости в выявлении подходящих и достойных кандидатов на данную должность.

Как показывает практика, при применении муниципальных фильтров возникают разного рода проблемы. Со дня вступления в силу нововведений, связанных с муниципальным фильтром, и по сей день уже в 43 субъектах РФ прошли выборы высшего должностного лица субъекта РФ: 5 в 2012 г., 8 в 2013 и 30 в 2014 г. [2].

В 2012 г. выборы состоялись в пяти субъектах: Амурской, Белгородской, Брянской, Новгородской и Рязанской областях. Проанализировав прошедшие выборы, Фонд «Институт социально-экономических и политических исследований» (Фонд ИСЭПИ) пришел к множеству различных выводов. Среди них: коллизия норм законодательства при определении права первенства кандидатов на подпись; сложности при преодолении установленного законами субъектов РФ барьера муниципального фильтра, в том числе парламентскими политическими партиями; факты административного давления на депутатов представительных органов муниципальных образований. Фондом ИСЭПИ были спрогнозированы будущие риски коррумпирования муниципальных депутатов путем установления между ними и политическими партиями долгосрочных соглашений о поддержке при выдвижении кандидатов, а также решающее влияние органов государственной власти субъекта на распределение подписей и дальнейшее контролирование выдвижения определенных кандидатов и др. [3]. Особый акцент исследователи на выборах глав субъектов в 2012 г. сделали на преодолении муниципального фильтра оппозиционными партиями. Как итог: муниципальный фильтр не только может помочь в устранении наиболее опасных конкурентов, но и лишает «своих» кандидатов значительную часть жителей региона (как видно из приведенных цифр, в отдельных случаях — до половины) [4].

На выборах в 2013 г. многие явления, вытекающие из применения муниципальных фильтров, повторились с не меньшим разнообразием [5]. Примечателен пример под-

писания депутатами муниципальных представительных органов Московской области «деклараций намерений», которые собирались с января 2013 г., в то время как официальный сбор подписей состоялся с 30 мая по 8 июня [6]. Показательна также инициатива депутатов муниципальных представительных органов г. Москвы подготовить письмо с требованием не учитывать муниципальный фильтр на выборах мэра Москвы [7]. На тех же выборах мэра г. Москвы широкий общественный резонанс получила кампания по сбору муниципальных подписей А. А. Навального, в ходе которой другой кандидат в мэры г. Москвы С. С. Собянин призвал муниципальное сообщество поставить подписи за выдвижение кандидатами на выборах оппозиционных политиков, в том числе и в пользу Навального [8].

В 2014 г. выборы глав прошли в 30 субъектах и можно сказать, что опыт прошлых лет повторялся. Можно даже сказать, что на основе применения муниципальных фильтров выстраивается своеобразный бизнес: если раньше политтехнологи зарабатывали солидные суммы на сборе подписей избирателей, то теперь они «окучивают» муниципальный фильтр, что требует информационных, организационных и финансовых ресурсов [9].

В совокупности все это подкрепляется ежегодными инициативами отменить муниципальный фильтр или хотя бы уменьшить барьер. ЛДПР в 2012 г. внесла в Государственную Думу законопроект об отмене муниципального фильтра для кандидатов на должность высшего должностного лица субъекта РФ от парламентских партий [10]. Это доказывает несостоятельность и нецелесообразность дальнейшего применения муниципальных фильтров. Вопрос об отмене или ограничении муниципальных фильтров стоял также в 2013 г., не в последнюю очередь из-за резонансных событий на выборах мэра г. Москвы [11]. В 2014 г. законопроект об отмене муниципального фильтра был также внесен депутатом фракции ЛДПР М. Н. Свергуновой [12].

Таким образом, мы считаем, что обозначенная проблема требует законодательного урегулирования путем отмены муниципальных фильтров, поскольку их применение на выборах высшего должностного лица субъекта РФ является нецелесообразным.

Таким образом, мы считаем, что обозначенная проблема требует законодательного урегулирования путем отмены муниципальных фильтров, поскольку их применение на выборах высшего должностного лица субъекта РФ является нецелесообразным.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 32-П // «СЗ РФ», 31.12.2012, № 53 (ч. 2), ст. 8062.
2. Информация о выборах и референдумах. Календарь выборов (1.6.2012–31.3.2015) [Электронный ресурс] // Сайт Центральной избирательной комиссии РФ URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>
3. Доклад фонда ИСЭПИ «Прямые выборы губернаторов и система сбора муниципальных подписей в 2012 году: влияние на развитие политической системы и направления совершенствования» [Электронный ресурс] // Сайт Фонда ИСЭПИ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=960528&cid=5>
4. Костырев, В. Выборы губернаторов: к чему привел муниципальный фильтр [Электронный ресурс] // URL: <http://top.rbc.ru/politics/01/10/2012/672024.shtml>
5. Литой, А., Яковлева Ю. Муниципальный фильтр обернулся «бегом вокруг психбольницы» [Электронный ресурс] // URL: <http://rbcdaily.ru/politics/562949988125404>
6. Яковлева, Ю. Подмосковных депутатов заставляют поддерживать и.о. губернатора на выборах [Электронный ресурс] // URL: <http://rbcdaily.ru/politics/562949986651804>
7. Литой, А. Муниципальные депутаты просят отменить фильтр для мэра [Электронный ресурс] // URL: <http://rbcdaily.ru/politics/562949987406844>
8. Железнова М, Райбман Н. Навальный преодолел муниципальный фильтр на выборах мэра города Москвы [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2013/07/08/eho-moskvy-navalnyj-preodolel-municipalnyj-filtr-na-vyborah>
9. Дергачев, В. Подпись за тысячу евро [Электронный ресурс] // URL: http://www.gazeta.ru/politics/2014/06/09_a_6064357.shtml
10. ЛДПР предложила отменить муниципальный фильтр для парламентских партий [Электронный ресурс] // URL: <http://lenta.ru/news/2012/10/25/nofilter/>
11. Самарина, А. Кремль задумался об отмене муниципального фильтра [Электронный ресурс] // URL: http://www.ng.ru/politics/2013-07-16/1_filter.html
12. ЛДПР против муниципального фильтра [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2552657>

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 7 (87) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4